ISSN 2658-5855

12+

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ
Том 3 №4

2018

SOCIAL COMPETENCE

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

SOCIUM

Том 3, № 4
2018
СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

SOCI@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии ИРНИТУ
Заместитель главного редактора – Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ
Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ
Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГУ
Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ
Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области
Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции ИРНИТУ
Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. директора Института лингвистики и межкультурных коммуникаций ИРНИТУ
Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции ИРНИТУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета
Казаков Алексей Аширович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, доцент филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета
Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета,Президент Международной Академии психологических наук
Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»
Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации
Поздеев Вячеслав Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения Вятского государственного университета
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации
Туяа Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университете науки и технологий
Хагуров Темыр Айтечевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук
Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

Vol. 3, № 4
2018
NETWORK EDITION

SOCI@COM

SOCIAL COMPETENCE

EDITORIAL COLLEGIUM OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief – **Struk Elena Nikolayevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department in INRTU
Deputy Editor-in-Chief – **Sidorova Natalya Vasilyevna**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU
Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU
Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in ISU
Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU
Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region
Mushinskiy Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Jurisprudence Department in INRTU
Dementyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Director of Linguistics and Cross-Cultural Communication Institute in INRTU
Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Jurisprudence Department in INRTU

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration
Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University
Kazakov Alexey Ashirovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian and Foreign Literature Department, Associate Professor of Faculty of Philology at National Research Tomsk State University
Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences
Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution "Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic"
Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
Pozdeev Vyacheslav Alexeevitch, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods Department at Vyatka State University
Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation
Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology
Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences
Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

Том 3, № 4
2018
SOCI@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Струк Е.Н. Слово главного редактора 5

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Куликов Е.А. Социальные основания специальных правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, по УК РФ 6
Туркова В.Н., Архипова А.Н. История взяточничества в правоохранительных и судебных органах 15

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Арпентьева М.Р. Психотерапевтические модели социально-психологической компетентности 21
Бондарева Е.В. Метод Сократа как инновационный подход в образовании... 31
Горская Н.Е., Холдеева Е.Ю. Развитие творческой активности студентов на занятиях по иностранному языку 36
Денисова А.Б. Проблемы системы воспитания гражданской позиции студентов в технических вузах 41
Колесников А.С. Философско-методологические предпосылки новой парадигмы системы образования в условиях интеграции и глобализации 49

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Воробьева М.В. «Шальные деньги», махинаторы, случайные жертвы: богатство и зажиточность в позднесоветском кинематографе 60
Гаврилова Н.И. Состав и структура населения малых городов Иркутской губернии во второй половине XIX в.: динамика процессов социальной дифференциации 67
Гуриева С.Д. Религиозная идентичность современной молодежи 74
Карушева Ю.М. Актуальные фильмы Холодной войны: компаративный анализ 79
Лисицын П.П. Каналы коммуникации основных участников миграционного процесса на принимающей территории: случаи крупных и средних городов России 84

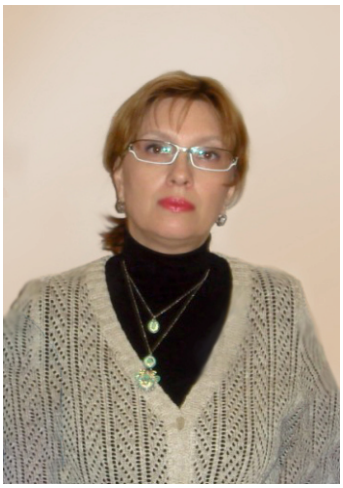
Vol. 3, № 4
2018

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

SOCI@COM

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!



Вашему вниманию предлагается декабрьский выпуск нашего электронного научного журнала «Социальная компетентность». Мы с удовольствием продолжаем представлять результаты новейших исследований как фундаментального, так и прикладного характера в области педагогических, социологических, юридических аспектов формирования системы сложных социальных умений и навыков взаимодействия сценариев поведения в различных социальных ситуациях, а также знаний о социальной действительности, социальных группах, личностях.

Редакция журнала нацелена на активное привлечение к сотрудничеству как авторов из Иркутска, так и ученых из Москвы и Санкт-Петербурга, других регионов России.

Раздел «Педагогические науки» посвящен интересным результатам исследований – развитию творческой активности студентов на занятиях по иностранному языку (Горская Н.Е., Холдеева Е.Ю., Иркутский национальный исследовательский технический университет), проблемам системы воспитания гражданской позиции студентов в технических вузах (Денисова А.Б., Московский технический университет связи и информатики), философско-методологическим предпосылкам новой парадигмы системы образования в условиях интеграции и глобализации (Колесников А.С., Санкт-Петербургский государственный университет), психотерапевтическим моделям социально-психологической компетентности (Арпентьева М.Р., Югорский государственный университет), методу Сократа как инновационному подходу в образовании (Бондарева Е.В., Иркутский национальный исследовательский технический университет).

В разделе «Юридические науки» представлены статьи, исследующие социальные основания специальных правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, по УК РФ (Куликов Е.А., Алтайский государственный университет), историю взяточничества в правоохранительных и судебных органах (Туркова В.Н., Архипова А.Н., Иркутский национальный исследовательский технический университет).

В разделе «Социологические науки» подробно анализируются актуальные фильмы Холодной войны (Карушева Ю.М., Санкт-Петербург государственный университет - Ивановский государственный университет), состав и структура населения малых городов Иркутской губернии во второй половине XIX в., раскрыта динамика процессов социальной дифференциации (Гаврилова Н.И. Иркутский национальный исследовательский технический университет), религиозная идентичность современной молодежи (Гуриева С.Д., Санкт-Петербург государственный университет), каналы коммуникации основных участников миграционного процесса на принимающей территории: случаи крупных и средних городов России (Лисицын П.П. Санкт-Петербург государственный университет), «шальные деньги», махинаторы, случайные жертвы: богатство и зажиточность в позднесоветском кинематографе (Воробьева М.В., Уральский государственный экономический университет).

Приятного Вам чтения! Редакционная коллегия сердечно благодарит наших авторов, редакторов, рецензентов декабрьского выпуска за высокий профессионализм и выражает надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество! Примите наши новогодние поздравления! Новый год – хорошая пора! Новый старт и новые свершенья! Всем коллегам – радости, добра, сил, здоровья, бодрости, везенья! В доме пусть царит всегда уют, а душа не знает огорчений! В Новом году – новых ярких событий, новых идей вам и новых открытий, новых партнёров, успехов, удачи, а от вложений — огромной отдачи!

Елена Струк, главный редактор,
доктор философских наук

УДК 343.21

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВИЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ В СОУЧАСТИИ, ПО УК РФ

© Е.А. Куликов

Алтайский государственный университет,
656049, Российская Федерация, г. Барнаул, просп. Ленина, 61

Аннотация. Статья посвящена практически не исследованному в науке российского уголовного права вопросу. Если социальные основания уголовно-правовых норм время от времени анализируются учеными, в отдельных работах рассматриваются и правила назначения наказания соучастникам преступления, то вопрос о социальной обоснованности последних не поднимался. К специальным правилам назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, автор относит положения УК РФ, подлежащие применению исключительно в ситуации совершения преступления в соучастии, кроме ч. 1 ст. 67 УК РФ. Социальными основаниями данных правил выступают элементы социальной реальности, показывающие заинтересованность общества и государства в существовании таких правил, и именно в таком их содержании. Анализ специальных правил определения меры уголовного наказания за преступление, совершенное в соучастии, позволяет сделать вывод о том, что взятые по отдельности они обладают свойством социальной обоснованности. Проблемы вызывает отсутствие их строгой законодательной системы. Системность уголовного права есть его важнейшая черта, полноценная социальная обоснованность нормативно-правовых предписаний предполагает их систематизацию. Действующая редакция УК РФ позволяет целенаправленно работать с правилами назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, только после предварительного их выделения из разных статей уголовного закона и внутренней систематизации. Толкование права позволяет отчасти решить технико-юридические проблемы, заложенные законодателем при подготовке текста уголовного закона, и также отчасти снять вопрос о социальной обоснованности отдельных его нормативных предписаний.

Ключевые слова: *соучастие в преступлении, назначение наказание, социальные основания, обоснованность уголовно-правовых норм, толкование уголовного закона, общие и специальные нормы*

Информация о статье: Дата поступления 29 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 8 декабря 2018; дата онлайн-размещения 29 декабря 2018 г.

Для цитирования: Куликов Е.А. Социальные основания специальных правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, по УК РФ. *Социальная компетентность*. 2018;4(3):6–14.

SOCIAL BASES OF SPECIAL RULES FOR THE PURPOSE OF PUNISHMENT FOR PARTICIPATION IN A CRIME UNDER THE RUSSIAN PENAL CODE

© E.A. Kulikov

Altai State University,
656049, Russian Federation, Barnaul, Lenin Avenue, 61

Abstract. The article is devoted to a practically unexplored issue in Russian criminal law science. If the social basis of criminal law norms is analyzed from time to time by scientists, in separate works the rules of sentencing participants in a crime are considered, the question of the social validity of the latter has not been raised. To special rules of sentencing for a crime committed in complicity, the author refers the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation to be applied only in a situation of committing a crime in complicity, except for Part 1 of Art. 67 of the Criminal Code. The social foundations of these rules are the elements of social reality, showing the interest of society and the state in the existence of such rules, and precisely in their content. An analysis of the special rules for determining the criminal penalties for crimes committed in complicity, allows us to conclude that taken separately they have the property of social justification. Problems are caused by the absence of their strict legislative system. The systematic nature of criminal law is its most important feature, the full-fledged social soundness of regulatory legal prescriptions implies their systematization. The current edition of

the Criminal Code of the Russian Federation allows to work purposefully with the rules of sentencing for a crime committed in complicity, only after their prior separation from various articles of the criminal law and internal systematization. The interpretation of the law allows to partially solve the technical and legal problems that the legislator laid down when preparing the text of the criminal law, and also partly to remove the question of the social soundness of its individual regulatory requirements.

Keywords: *complicity in the crime, the appointment of punishment, social grounds, the validity of criminal law, the interpretation of criminal law, general and special rules*

Article info: Received November 29, 2018; accepted December 8, 2018; available online December 29, 2018.

For citation: Kulikov E.A. Social bases of special rules for the purpose of punishment for participation in a crime under the Russian penal code. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;4(3):6–14. (In Russ.).

Вопросы социальной, правовой и концептуально-мировоззренческой обоснованности уголовно-правовых норм неоднократно становились предметом научных юридических исследований. В специальной литературе проблема оснований уголовно-правового запрета поднимается как в общеметодологических работах, так и в работах, посвященных отдельным проблемам уголовно-правовой науки и практики. Т.А. Плаксина указывает на то, что «основания уголовно-правовых норм можно обозначить как необходимые предпосылки, причины их существования (появления, изменения) и именно такого их содержания, которое они имеют в тот или иной момент» [1, с. 20]. В.И. Плохова, рассматривая вопрос о криминализации и декриминализации деяний применительно к ненасильственным преступлениям против собственности, отмечает, что, принимая во внимание значение терминов «причина», «основание», «принцип», принятое в философии и теории права, речь должна идти о социальных или криминологических и правовых основаниях объявления деяний преступными [2, с. 11].

Аналогичную постановку проблемы можно увидеть и в научных работах по общей теории юридической ответственности. И.А. Кузьмин, в частности, пишет, что юридическая ответственность, будучи институтом права, а также средством установления и поддержания правопорядка, тоже представляет собой социальный феномен, возникновение и реализация которого зависит от определенных причин, данные причины в науке принято называть основаниями юридической ответственности [3, с. 30]. Таким образом, нормы, устанавливающие уголовную ответственность, предусматривающие уголовно-правовой запрет, а также регламентирующие различные аспекты реализации мер уголовной ответственности, нуждаются в определении и учете оснований содержащихся в них предписаний.

Особое значение имеют философские и социальные основания норм, устанавливающих уголовно-правовой запрет, поскольку они выражают сущность той социальной реальности, на которую опирается норма уголовного права, а также концентрированно выражают концептуальные идеи, получившие выражение в смысле уголовно-правовой нормы. О философских основаниях права в целом пишут, например, Д.А. Керимов [4, с. 35] и А.Н. Чашин [5, с. 56-59]. Философскую трактовку оснований уголовной ответственности анализирует в разных работах В.Д. Филимонов [6, с. 25]. Он пишет, в частности, что «с философской точки зрения основание уголовной ответственности, как в обычных случаях, так и в случаях глобализации преступности, образует такое явление в системе общественных отношений, которое содержит в себе программу разрешения социального противоречия, породившего общественно опасное поведение» [7, с. 533]. В общем смысле под философскими основаниями норм об уголовной ответственности будем понимать «обоснование права общества на применение мер принудительного воздействия по отношению к тем его членам, которые своим поведением причиняют вред общественным или личным интересам, или создают угрозу причинения такого вреда; обоснование представления о государстве как о единственном представителе и выразителе интересов всего общества; обоснование концепции свободы воли человека» [8, с. 125].

Важность определения философских оснований норм, устанавливающих уголовную ответственность и регламентирующих другие вопросы её определения, несомненна. Эти основания определяют легитимацию норм уголовного права, оправдание его существования и функционирования в глазах общества. Суть проблемы легитимации кратко и емко определил

А.Э. Жалинский, по мнению которого она состоит в уяснении, кто, на каком основании и в каких пределах вообще вправе подвергать сограждан столь жестким мерам, как уголовное право [9, с. 43].

Не меньший интерес вызывают социальные основания этих норм, которые также неоднократно становились предметом научных юридических исследований. Так, В.Д. Филимонов отмечает, что социальное противоречие, порождающее антиобщественное поведение, создает угрозу нормальному существованию утвердившихся в обществе общественных отношений, эта угроза, в свою очередь, вызывает социальную потребность в ответных мерах в необходимых случаях и со стороны государства, такой мерой оказывается норма уголовного права, устанавливающая уголовную ответственность. Следовательно, по мнению ученого, «непосредственным основанием уголовно-правовой нормы во всех случаях является социальная потребность в охране той или иной группы общественных отношений» [10, с. 48]. Т.А. Плаксина, развивающая концепцию В.Д. Филимонова применительно к квалифицирующим преступление обстоятельством, делает вывод о том, что «социальные основания квалифицирующего преступление обстоятельства можно определить как социальную потребность в более строгой уголовно-правовой охраны общественных отношений от характеризующегося резко повышенной степенью общественной опасности деяния или личности субъекта вида какого-либо преступления, а также порождающие эту потребность социальные факторы, которые в своей совокупности являются причинами выделения квалифицированного состава и детерминируют содержание квалифицирующего обстоятельства и соответствующей санкции» [1, с. 44]. Таким образом, во-первых, социальные основания уголовно-правовых норм тесно связаны с их философскими основаниями, опираются на них, и во-вторых, представляют собой некое состояние социального бытия и общественного сознания, обусловившего необходимость охраны определенных социальных ценностей, благ, общественных отношений от опасных на них посягательств средствами и методами уголовного права.

Под социальными основаниями норм, устанавливающих уголовную ответственность, условимся понимать «систему противоречий в обществе между потребностью в защите и воспроизводстве социально ценных благ, с одной стороны, и антиобщественным поведением, представляющим опасность для этих благ – с другой, для снятия и разрешения которых требуется установление уголовной ответственности»[8, с. 115]. Такими основаниями должны обладать любые уголовно-правовые нормы, устанавливающие уголовную ответственность, или определяющие границы её дифференциации и индивидуализации [11, с. 56], поскольку каждое правило, содержащееся в такой норме, в конечном счете, ограничивает права и свободы человека, а значит, должно соответствовать требованиям, предъявляемым к ограничениям прав и свобод [12, с. 83-92].

Если говорить о социальных основаниях норм УК РФ, регламентирующих назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии, то в литературе не часто характеризуются подобного рода основания. В.Д. Филимонов отмечает, что социальные основания уголовной ответственности – это в первую очередь, основания установления уголовной ответственности, то есть включения в уголовное законодательство правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение конкретных преступлений; непосредственным социальным основанием уголовной ответственности при этих условиях оказывается осознанная социальная потребность в осуществлении всех необходимых преобразований в общественной жизни [7, с. 539]. «Социальным основанием уголовной ответственности следует признать крайнюю необходимость удовлетворения социальной потребности в применении к лицам, совершившим общественно опасные деяния, таких мер государственного принуждения, которые способны осуществить восстановление нарушенной преступлениями социальной справедливости, а также исправление лиц, совершивших преступления, и предупреждение ими и иными лицами новых преступлений» [7, с. 543].

В целом соглашаясь с такой трактовкой социальных оснований уголовной ответственности, отметим, что она касается преимущественно норм о преступности деяния, его наказуемости и иных уголовно правовых последствиях. Нормы УК РФ, регламентирующие назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии, не относятся к таковым, а носят характер вторичных уголовно-правовых предписаний [13, с. 363]. В.Д. Филимонов отмечает, например,

что нормы, регулирующие применение уголовной ответственности (в т.ч. нормы о назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии – *Е.К.*), являются производными от норм, устанавливающих уголовную ответственность, они существуют постольку, поскольку существуют нормы, предусматривающие ответственность за совершение конкретных преступлений [10, с. 243]. В этой связи социальная обусловленность норм о мере уголовного наказания за преступление, совершенное в соучастии, будет несколько отличаться от обусловленности норм, закрепляющих непосредственно уголовно-правовой запрет того или иного поведения.

Следует отметить, что В.Д. Филимонов не конкретизирует социальные основания норм о применении уголовной ответственности, и в частности, норм, регулирующих индивидуализацию наказания судом при его назначении, к которым относятся нормы о назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии. Анализ его позиции по данным нормам в целом позволяет утверждать, что в качестве оснований предписаний УК РФ о назначении уголовного наказания (главы 9 и 10 Кодекса) выступают характер и степень общественной опасности совершенного деяния, обстоятельства деяния и особенности личности виновного [10, с. 266-269].

Правила назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, на сегодняшний день в УК РФ не представляют стройной системы, а выступают разрозненными положениями главы 10 и других глав уголовного закона. Чтобы очертить круг таких правил, их необходимо вычленять из различных статей УК РФ, они разрознены и в отдельную статью выделена лишь малая их часть. Это порождает определенные трудности в изучении, толковании и применении этих правил. Связывает их между собой возможность применения при назначении наказания *только* за преступления, совершенные в соучастии, а позволяет обособить в качестве отдельных положений то, что они закрепляют те или иные юридически значимые обстоятельства, с разной стороны и в различной мере влияющие на назначаемое наказание. Общие правила назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, предусмотрены ч. 1 ст. 67 УК РФ. Общими эти правила можно считать ввиду того, что они распространяются на все без исключения случаи совершения преступления в соучастии. Если соответствующее преступление квалифицировано как совершенное в соучастии, независимо от его формы (не образующее группы, групповое), то при назначении наказания наряду с общими началами назначения наказания обязательному применению подлежит ч. 1 ст. 67 УК РФ. Она носит универсальный характер, как, своего рода, продолжение предписаний ст. 60 УК РФ [14, с. 225].

Все остальные нормы главы 10 УК РФ, которые используются только в случае совершения преступления в соучастии, охватывают лишь отдельные ситуации, связанные с обстоятельствами, учитываемыми при назначении наказания, вследствие чего их необходимо считать специальными по отношению к общим, предусмотренным в ч. 1 ст. 67 УК РФ.

Специальные правила назначения уголовного наказания за преступление, совершенное в соучастии, предусмотренные нормами УК РФ, должны быть социально обоснованными, как и другие нормы уголовного закона [15, с. 87-91]. К указанным правилам можно отнести следующие положения уголовного закона:

- *ч. 2 ст. 67 УК РФ:* «Смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику» – применяется при наличии таких смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств, если же их нет, то нет и применения ч. 2 ст. 67 УК РФ;

Социальным основанием этой нормы будет выступать социальная потребность в учете индивидуальных особенностей личности каждого соучастника преступления при назначении ему наказания. Эта потребность также выражается в принципе индивидуализации уголовного наказания [14, с. 214-222], а также в получившей отражение в многих нормах УК РФ о дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления теории самостоятельной ответственности за соучастие в преступлении [16, с. 15-17].

- *смягчающие наказание обстоятельства, касающиеся совершения преступления в соучастии:*

Ст. 61 УК РФ, ч. 1:

е) совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости;

ж) совершение преступления при нарушении условий правомерности … исполнения приказа или распоряжения;

и) активное способствование … изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления.

Все эти положения по своему содержанию не могут применяться при отсутствия совершения преступления в соучастии, при этом предполагают наличие дополнительных оснований, а значит, следуют за ч. 1 ст. 67 УК РФ, которая таких оснований не предполагает.

Социальными основаниями смягчающих наказание обстоятельств, учитываемых только при совершении преступления в соучастии, выступает потребность общества в смягчении меры ответственности тем соучастникам преступления, которые действовали либо под принуждением в той или иной форме, что отчасти блокировало их волю, либо тем, которые своим позитивным послепреступным поведением показывают уже состоявшееся исправление и уклонение от преступного пути [17, с. 60-68].

Положения чч. 1 и 3 ст. 62 УК РФ также в этой части (в части п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ «активное способствование изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления») относятся к назначению наказания за преступление, совершенное в соучастии.

К смягчающим наказание соучастникам преступления обстоятельствам, в силу ч. 2 ст. 61 УК РФ относится ситуация, предусмотренная ч. 5 ст. 31 УК РФ: «Если действия организатора или подстрекателя, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи, не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то предпринятые ими меры могут быть признаны судом смягчающими обстоятельствами при назначении наказания». Это как раз тот самый случай, когда смягчающее наказание обстоятельство не предусмотрено ч. 1 ст. 61 УК РФ, но закрепляется в другой статье уголовного закона. Социальная обусловленность смягчения наказания при неудавшемся добровольном отказе подстрекателя и организатора преступления очевидна, поскольку эти соучастники предпринимают усилия для предотвращения преступления, показывая тем самым, что не желают его совершения, стремятся не допустить причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам.

- отягчающие наказание обстоятельства, относящиеся к совершению преступления в соучастии:

Ч. 1 ст. 63 УК РФ

в) совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации);

г) особо активная роль в совершении преступления [18, с. 61];

д) привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность; - это последнее обстоятельство касается случаев, когда привлеченные лица все-таки являются субъектами преступления, пусть и с определенными ограничениями;

к) совершение преступления … с применением физического или психического принуждения; разумеется, в той части, в которой не исключается преступность действий принуждаемого лица, в противном случае речь идет не о соучастии, а о посредственном причинении, как и в выше рассмотренном пункте.

Социальная обоснованность этих норм очевидна, поскольку групповое совершение преступления зачастую более результативно, более опасно, приводит к более тяжким последствиям, нежели единоличное. Например, Т.А. Плаксина отмечает, что повышенная опасность групповых убийств объясняется четырьмя обстоятельствами: 1) повышенная вероятность наступления преступного результата (смерти потерпевшего); 2) нередко возрастает тяжесть убийств, ради совершения которых виновные объединяются в группу, если оценивать эту тяжесть без учета того, что убийство является групповым; 3) облегчается процесс причинения смерти потерпевшему, поскольку на каждого из виновных требуется меньше усилий, чем в ситуации, когда бы он действовал в одиночку; 4) в силу психического воздействия на потерпевшего участия в совершении преступления нескольких лиц снижается его способность к сопротивлению вплоть до, в некоторых случаях, полного его отсутствия [1, с. 231].

Особо активная роль лица при совершении преступления в соучастии выделяет его среди других соучастников как наиболее устремленного к достижению преступного результата. Как пишет М.Н. Становский, закон говорит в этом случае не просто об активной роли лица в совершении преступления, а указывает на его «особую активность», из чего следует, что поведение виновного в совершении преступления должно выражаться не просто в каких-либо предложениях, инициативах, а в организаторстве, лидерстве во всех проявлениях, сплочении других соучастников, поддержании дисциплины и т.п. [19, с. 394]. Здесь, таким образом, учитывается ярко проявленная в поведении виновного антисоциальная субъективная установка, в силу которой повышается вредоносность его действий для охраняемых уголовным законом ценностей и благ, а значит и социально обоснованной выступает повышенная наказуемость совершения преступления с учетом такого поведения [20, с. 175]. Использование же невиновно действующих лиц, использование принуждения повышает степень опасности виновного лица, указывая на большую интенсивность его целенаправленных преступных действий, на высокую степень его цинизма и пренебрежения элементарных социальных ценностей и норм.

- нормы УК РФ о назначении наказания при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ, а также ст. 63.1 УК РФ), в силу *ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ*: «Положения настоящей главы не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности», – норма, которая в принципе ограничивает случаи применения досудебного соглашения о сотрудничестве только преступлениями, совершенными в соучастии;

Эти нормы носят двоякий характер. С одной стороны, в силу заключения, своего рода, сделки с правосудием, степень опасности лица, совершившего преступление, существенно понижается, что требует и снижения пределов наказуемости его действий. С другой, при нарушении условий досудебного соглашения о сотрудничестве, попытке ввести в заблуждение органы предварительного расследования, опасность виновного лица наоборот повышается, за счет причинения дополнительного вреда интересам правосудия. В целом можно отметить верное решение законодателя о размещении норм о процессуальных основаниях снижения уголовного наказания в УК РФ, а также об усилении наказания при нарушении досудебного соглашения о сотрудничестве.

- нормы УК РФ об исключительных обстоятельствах (*ст. 64 УК РФ*), позволяющих назначить *более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление*: При наличии исключительных обстоятельств, связанных с … ролью виновного …, а также при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления наказание может быть назначено...

Исключительные обстоятельства и связанное с ними назначение наказания ниже низшего предела санкции статьи Особенной части УК РФ занимают особое место в системе правил назначения наказания, в т.ч. среди специальных правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии [21, с. 195]. Социальная обоснованность положений ст. 64 УК РФ, относящихся к соучастию, аналогична другим специальным правилам, она определятся позитивным послепреступным поведением участника группового преступления, а также особенностями роли виновного в преступлении, совершенном в соучастии. Однако, на сегодняшний день действие этих положений не абсолютно, ч. 3 указанной статьи УК РФ исключает действие ч. 1 этой статьи применительно к отдельным составам преступлений, что связано с усилением уголовно-правовой борьбы с терроризмом. Такое законодательное решение также необходимо признать социально обоснованным, поскольку существуют и другие правила смягчения наказания, а наличие исключительных обстоятельств в общем не делает их такими применительно ко всем составам преступлений.

Итак, на сегодняшний день необходимо выделять ряд аспектов, связанных с социальными основаниями специальных правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, предусмотренных в УК РФ. Во-первых, сложность определения таких оснований вызвана асистемностью и разрозненностью названных правил, их рассредоточенностью по различным статьям Общей части УК РФ, несмотря на то, что регламентируют они, в сущность, один вопрос – вопрос определения меры уголовного наказания за преступление, совершенное в соучастии, при наличии дополнительных обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение. Во-

вторых, несмотря на указанные обстоятельства, предусмотренные статьями Общей части УК РФ специальные правила назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, необходимо признать социально обоснованными, поскольку взятые по отдельности они адекватно отражают ту социальную реальность, которую призваны опосредовать. Другое дело, что не будучи выстроенными в целостную законодательную систему, эти правила с трудом поддаются полноценному восприятию, а, соответственно, имеются трудности с правоприменением [22, с. 105]. Социальные основания имеет и система правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, однако они до сих пор не получили адекватного законодательного выражения в УК РФ.

Библиографический список

1. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография / под науч. ред. В.Д. Филимонова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 432 с.
2. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 295 с.
3. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация : учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 219 с.
4. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований: монография. Репр. Изд. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 336 с.
5. Чашин А.Н. Философские основания права. М.: Дело и сервис, 2016. 224 с.
6. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М.: НОУ Институт Актуального образования «ЮрИнфоР-МГУ», 2008. 249 с.
7. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. III. Уголовная политика. Уголовная ответственность / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 752 с.
8. Куликов Е.А. Теория юридической ответственности (проблемные вопросы): монография. Барнаул: Изд-во Новый формат, 2016. 308 с.
9. Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 2. Уголовное право / сост. К.А. Барышева, О.Л. Дубовик, И.И. Нагорнова, А.А. Попов; отв. ред. О.Л. Дубовик.- М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 591 с.
10. Филимонов В.Д. Норма уголовного права. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. 281 с.
11. Соболев В.В. Уголовная ответственность соучастников преступления: теоретико-методологические проблемы основания и дифференциации: монография. М.: РАП, 2011. 213 с.
12. Плохова В.И. Условия правомерного ограничения прав и свобод человека в уголовной сфере // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 83–92.
13. Энциклопедия уголовного права. Т. 2: Уголовный закон / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. 850 с.
14. Воронин В.Н. Индивидуализация наказания: монография. М.: Проспект, 2017. 285 с.
15. Куликов Е.А., Суханова Е.П., Ерахмилевич В.В. К проблеме систематизации правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии (на примере УК РФ) // Известия Алтайского государственного университета. Юридические науки. 2018. №3 (101). С. 87-91.
16. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб.: Издание профессора Малинина, 2007. 564 с.
17. Друкаров И.Л., Смирнова Л.Н. Назначение наказания по Уголовному кодексу Российской Федерации: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. 218 с.
18. Клименко Ю.А., Молчанов Д.М. Множественность лиц в преступлении: учебное пособие для бакалавров / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2018. 144 с.
19. Энциклопедия уголовного права. Т. 9. Назначение наказания / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб.: Издание профессора Малинина, 2008. 910 с.
20. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: монография. М.: Юриспруденция, 2015. 560 с.
21. Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении: монография. М.: Проспект, 2011. 240 с.
22. Козлов А.П. Фундаментальные науки и уголовное право (вопросы понятия и соотношения): учеб. пособие. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2001. 178 с.

References

1. Plaksina T.A. Sotsialnyye osnovaniya kvalifitsiruyushchikh ubiystvo obstoyatelstv i ikh yuridicheskoye vyrazheniye v priznakakh sostava prestupleniya: monografiya [Social grounds for qualifying the murder of circumstances and their legal expression in the signs of corpus delicti] / pod nauch. red. V.D. Filimonova. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 2006. 432 s.
2. Plokhova V.I. Nenasilstvennyye prestupleniya protiv sobstvennosti: kriminologicheskaya i pravovaya obosnovannost. [Nonviolent crimes against property: criminological and legal substantiation] – SPb.: Yuridicheskiy tsentr «Press». 2003. 295 s.
3. Kuzmin I.A. Yuridicheskaya otvetstvennost i eye realizatsiya : ucheb. posobiye. [Legal responsibility and its implementation: studies] – Irkutsk: Izd-vo IGU. 2013. 219 s.
4. Kerimov D.A. Filosofskiye osnovaniya politiko-pravovykh issledovaniy: monografiya. [Philosophical foundations of political and legal research] – Repr. Izd. – M.: Norma: INFRA-M. 2019. 336 s.
5. Chashin A.N. Filosofskiye osnovaniya prava. [Philosophical foundations of law] – M.: Delo i servis. 2016. 224 s.
6. Filimonov V.D. Ugolovnaya otvetstvennost po rossiyskomu zakonodatelstvu. [Criminal liability under Russian law] - M.: NOU Institut Aktualnogo obrazovaniya «YurInfoR-MGU». 2008. 249 s.
7. Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast. Prestupleniye. Akademicheskiy kurs. V 10 t. T. III. Ugolovnaya politika. Ugolovnaya otvetstvennost. [Criminal law. A common part. The crime. Academic course. In 10 t. T. III. Criminal policy. Criminal liability.] / pod red. N.A. Lopashenko. – M.: Yurlitinform. 2016. 752 s.
8. Kulikov E.A. Teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti (problemnyye voprosy): monografiya. [Theory of legal responsibility (problematic issues)] – Barnaul: Izd-vo Novyy format. 2016. 308 s.
9. Zhalinskiy A.E. Izbrannyye trudy: v 4 t. T. 2. Ugolovnoye pravo [Selected Works: 4 tons. T. 2. Criminal Law] / sost. K.A. Barysheva. O.L. Dubovik. I.I. Nagornova. A.A. Popov; otv. red. O.L. Dubovik. - M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. 2015. 591 s.
10. Filimonov V.D. Norma ugolovnogo prava. [The Rule of Criminal law] – SPb.: «Yuridicheskiy tsentr Press». 2004. 281 s.
11. Sobolev V.V. Ugolovnaya otvetstvennost souchastnikov prestupleniya: teoretiko-metodologicheskiye problemy osnovaniya i differentsiatsii: monografiya. [Criminal responsibility of accomplices in a crime: theoretical and methodological problems of the basis and differentiation] – M.: RAP. 2011. 213 s.
12. Plokhova V.I. Usloviya pravomernogo ogranicheniya prav i svobod cheloveka v ugolovnoy sfere [Conditions of lawful restriction of human rights and freedoms in the criminal sphere] // Kriminologicheskiy zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. - Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. - 2014. № 4. C. 83–92.
13. Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 2: Ugolovnyy zakon [Encyclopedia of criminal law. T. 2: Criminal Law] / otv. red. V.B. Malinin. – SPb.: Izdaniye professora Malinina. 2005. 850 s.
14. Voronin V.N. Individualizatsiya nakazaniya: monografiya. [Individualization of punishment: monograph.] – M.: Prospekt. 2017. 285 s.
15. Kulikov E.A.. Sukhanova E.P.. Erakhmilevich V.V. K probleme sistematizatsii pravil naznacheniya nakazaniya za prestupleniye. sovershennoye v souchastii (na primere UK RF) [To the problem of systematizing the rules of sentencing for a crime. accomplished in complicity (on the example of the Criminal Code of the Russian Federation)] // Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Yuridicheskiye nauki. - News of Altai State University. Jurisprudence. - 2018. №3 (101). S. 87-91.
16. Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 6. Souchastiye v prestuplenii [Encyclopedia of Criminal Law. T. 6. Complicity in crime] / otv. red. V.B. Malinin. – SPb.: Izdaniye professora Malinina. 2007. 564 s.
17. Drukarov I.L.. Smirnova L.N. Naznacheniye nakazaniya po Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: uchebnoye posobiye. [Sentencing under the Criminal Code of the Russian Federation: study guide.] – 3-e izd.. ispr. i dop. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 2018. 218 s.
18. Klimenko Yu.A.. Molchanov D.M. Mnozhestvennost lits v prestuplenii: uchebnoye posobiye dlya bakalavrov [The multiplicity of persons in crime: a textbook for bachelors] / otv. red. A.I. Rarog. – M.: Prospekt. 2018. 144 s.
19. Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 9. Naznacheniye nakazaniya [Encyclopedia of criminal law. T. 9. The purpose of punishment] / otv. red. V.B. Malinin. – SPb.: Izdaniye professora Malinina. 2008. 910 s.
20. Markuntsov S.A. Teoriya ugolovno-pravovogo zapreta: monografiya. [The theory of criminal law prohibition] – M.: Yurisprudentsiya. 2015. 560 s.
21. Plotnikov A.I. Obyektivnoye i subyektivnoye v prestuplenii: monografiya. [Objective and subjective in crime] – M.: Prospekt. 2011. 240 s.
22. Kozlov A.P. Fundamentalnyye nauki i ugolovnoye pravo (voprosy ponyatiya i sootnosheniya): ucheb. posobiye. [Fundamental sciences and criminal law (issues of concept and relationship)] – Krasnoyarsk: Izd-vo KrasGU. 2001. 178 s.

Сведения об авторах

Куликов Егор Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Алтайского государственного университета, 89835522650, e-mail: kulikoveg@yandex.ru

Author's Credentials

Egor A. Kulikov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Criminal Law and Criminology Department of Altai State University, e-mail: kulikoveg@yandex.ru

Критерии авторства

Автор провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

The author (Kulikov E.A.) has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

УДК

ИСТОРИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И СУДЕБНЫХ ОРГАНАХ

В.Н. Туркова, А.Н. Архипова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Аннотация: История коррупции не уступает по древности истории человеческой цивилизации. Своими корнями это социальное явление уходит в глубокое прошлое. Взяточничество упоминается и в русских летописях XIII в., имея название мздоимство. Известно, что один из первых митрополитов на Руси горячо осуждал денежную мзду, которую было принято давать за те или иные услуги. Причем сам священнослужитель ставил данный грех в один ряд с колдовством и пьянством. Митрополит призывал казнить за подобные проступки, чтобы полностью искоренить это явление. Ученые, изучающие историю коррупции в России, считают, что такое кардинальное решение, принятое на заре развития Древней Руси, вполне могло бы полностью изменить ситуацию еще в зародыше. Существует мнение, что всеохватывающей коррупции в нашей стране мы обязаны Византии. Именно оттуда ещё в IX веке была заимствована система, названная «кормлениями»: глава государства отправляет своих представителей в провинции, наделяя огромными полномочиями и не выдавая из казны оплаты, т. к. предполагалось обеспечение средствами населения. Естественно, заинтересованное население щедро одаривало тех, от кого зависела их судьба. В итоге в сознании как верхов, так и низов прочно закрепилось понимание: любое обращение к сановному лицу должно быть подкреплено чем-то материальным, ценным. В чём-то это имело смысл, т. к. иначе чиновнику просто не на что было существовать, но в итоге привело к прекрасно нам известной ситуации.

Ключевые слова: *коррупция, подкуп, мзда, лихоимство, санкции, закон*

Информация о статье: Дата поступления 20 октября 2018 г.; дата принятия к печати 20 ноября 2018 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2018 г.

Для цитирования: Туркова В.Н., Архипова А.Н. История взяточничества в правоохранительных и судебных органах. *Социальная компетентность.* 2018; 3 (4):15–20.

THE HISTORY OF CORRUPTION IN LAW ENFORCEMENT AND JUDICIAL AUTHORITIES

Valentina N.Turkova , Anastasia N. Archipova

National research Irkutsk state technical University,
664074, Russian Federation, Irkutsk, Lermontov str., 83.

Abstract: the history of corruption is not inferior to the ancient history of human civilization. This social phenomenon has its roots in the deep past. Bribery is mentioned in the Russian Chronicles of the XIII century., having the name of bribery. It is known that one of the first metropolitans in Russia strongly condemned the monetary bribe, which was usually given for certain services. And he himself is sacred-the Minister put this sin on a par with witchcraft and drunkenness. The Metropolitan was called upon to execute for similar offenses, in order to fully eradicate this phenomenon. Scientists studying the history of corruption in Russia believe that such a cardinal decision made at the dawn of the development of Ancient Russia could completely change the situation in the Bud. It is believed that the all-encompassing corruption in our country we owe to Byzantium. It was there in the ninth century, was borrowed from the system, called "feedings" the head of state sends its representatives in the province, giving enormous powers and not giving from the Treasury of the payment, because it was assumed the provision of means of the population. Naturally, the concerned population generous gifts to those on whom depended their fate. As a result, in the minds of both the top and bottom firmly entrenched understanding: any appeal to the dignitary must be supported by something material, valuable. In some ways it made sense, because otherwise the official simply did not have anything to exist, but eventually led to a well-known situation.

Keywords: corruption, bribery, mzda, likhoimstvo, sanctions, law

Article details: date 20 October 2018; date accepted, 20 November, 2018; date of online posting 29 December 2018.

Citation: Turkova, V. N., Arkhipova A. N. The history of corruption in law enforcement and judicial authorities. Social competence. 2018; 3 (4):15–20.

Коррупция известна с глубокой древности. Ещё древние справедливо считали, что главное в борьбе с преступностью – неотвратимость возмездия. Но эта функция остается в деятельности правоохранительных органов самой уязвимой. Значительная часть совершенных преступлений даже не регистрируются.[1] Имеют место и случаи, когда крупные расхитители, взяточники, лидеры организованной преступности за большие деньги уходят от законной ответственности. Большое внимание уделяется социальным обличиям в древнейшем разделе Библии – Ветхом Завете: «Я знаю как многочисленны ваши преступления и как тяжки ваши грехи: вы притесняете правового, берете взятки, а нищего, ищущего правосудие, гоните от ворот (Ам., 5:12)».[2]

Как наглядно показывают дошедшие до нашего времени факты, характеризующие развитие общества, история взяточничества не уступает по своему возрасту известной нам истории человеческой цивилизации, где бы она ни творилась – в Египте, Риме или Иудее. «Как только появились носители власти, облеченные особыми полномочиями, так одновременно с этим появилось и взяточничество».[3] Возникла возможность злоупотреблять властными полномочиями в собственных интересах, прежде всего, имущественных. Также, только с момента появления и развития государственных структур могли быть учреждены органы, полномочные на осуществление как явных, так и тайных действий, осуществляемых от имени государства и направленных на борьбу с феноменом взяточничества.[4]

Полиция также является неотъемлемой частью любого государства, осуществляя розыскную (сыскную) деятельность, которая сопутствует правосудию и борьбе с правонарушениями на протяжении всей их истории. В функции сыска входило раскрытие преступлений, установление и розыск виновных, в т. ч. и взяточников.[5] Истоки уголовного сыска (оперативной деятельности) восходят также к рабовладельческому строю, когда была внедрена негласная розыскная работа, прежде всего, тайное наблюдение.

Борьба с коррупцией, серьезность и трудность ведения которой осознавалась еще до нашей эры, осуществлялась уже тогда главным образом приемами современной оперативно-розыскной деятельности. Так, например, в «Артхашастре» подчеркивалась важность задачи царя по противостоянию коррупции, перечислялись многочисленные способы ее проявления, повествовалось о сложности выявления этого преступного явления, и упоминалось, что в этих условиях основным средством борьбы является слежка, донос. Также говорилось об агентах, которые должны контролировать попавших под подозрение в незаконных доходах судей, других представителей власти путем предложения последним взятки за вынесение неправосудного решения, за иные незаконные действия.

---

[1] Шайков А.В. Российское законодательство о борьбе со взяточничеством второй половины XIX – нач. XX века // История государства и права. 2002. № 6. С .37.

[2] Кузнецов Ю.А., Силинский Ю.Р., Хомутова А.В. Коррупция как социально-экономическое явление // Следователь. 2009. № 9. С. 39.

[3] Ширяев В.Н. Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Ярославль, 1916. С .13.

[4] Turkova V. N., Archipova A. N., Kitaev N. N. (2017) Improper work of Russian law-enforcement agencies as a determinant of corruption-related crimes committed by government officials. Proceedings of the International Conference on Trends of Technologies and Innovations in Economic and Social Studies 2017. volume 38, 2017.

[5] Зникин В.К. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании. Автореф. Дис. … канд. Юрид. наук.– Томск, 1998. 15.

В Древнем Риме, как свойственное сыску средство, применялась пытка, институт которой был чрезвычайно распространен в мире. Правда в республиканский период пытка применялась к рабам, а в императорскую эпоху от пытки были свободны только лица высших классов, но по подозрению в преступлениях против императорского величества пытались и они.[6] Также к такой мере обращались, когда улики имелись, но были недостаточными для обвинения.

Особенностью более прогрессивного типа государства – феодального, и характерного для средних веков, являлась зависимость крестьян от собственников земли – феодалов, а также зависимость одних феодалов от других, связанная со структурой землевладения. Формы феодального государства на исторической арене были представлены монархиями: раннефеодальной, сословно-представительной и абсолютной, а также средневековой республикой. Тем не менее, любое средневековое государство имело аппарат управления, состоящий из совокупности органов, верхушку и основные звенья государственного механизма которого составляли феодалы. Следует отметить, что могущественной силой в феодальном государстве была церковь, которая являлась частью аппарата госуправления и осуществляла часть политических функций. В этой деятельности церковь не избежала коррумпированности и стала ее ярким примером в лице папы Римского. По утверждению историков, средневековье знает не многих священнослужителей на посту папы, чье имя не было бы запятнано малопривлекательными фактами взяточничества. О «поведении» феодалов говорить тем более не приходится.

Специфика развития государственности в эпоху феодализма сказалась на основах организации и функционирования правоохранительных сил, которые были почти в каждой синьории и не зависели от центральной власти.[7] Подозреваемые лица в средневековье в целях получения истины подвергались пыткам и суду божьему (ордалиям). С помощью пытки, выражающейся в жестоком телесном страдании, добивались признания в совершении деяния и указания других виновных. Пытка применялась как способ получения доказательств, первоначально она применялась только к рабам, которые не имели права обращаться к судам божьим, а с XIV в. пытали и свободных людей. При этом пытке могли подвергнуть не только обвиняемого, но и жалобщика или свидетеля. Это объяснялось утратой веры в доказательственное значение поединков, ордалий и присяг, а также нежеланием обвинять по уликам без личного признания вины из опасения «взять грех на душу».

Особую озабоченность вызывала продажность судей, поскольку она приводила к незаконному перераспределению собственности и желанию решить спор вне правового поля. Не случайно ведущие религии из всех видов коррупции осуждают в первую очередь подкуп судей: «Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых» (Исх.23:8, Втор.16:19); «Не присваивайте незаконно имущества друг друга и не подкупайте судей, чтобы не подкупайте судей, чтобы намеренно присвоить часть собственности других людей» (Коран 2:188) и т. д.

В отечественной истории сложилось так, что общественные отношения, связанные с преступлением, в частности, со взяточничеством, регулировались уголовным и уголовно-процессуальным правом. Об этом свидетельствуют такие исторические документы, как судебник середины X – начала XIII вв. Русская правда[8], являющаяся «самым древним законодательным памятником, каким только могут хвалиться новейшие народы».[9]

Соборное уложение 1649 г., Свод законов 1832 г., Уложение о наказаниях 1845 г. и др.

---

[6] Машков С.А. Из практики применения органами ФСБ оперативно-розыскных мероприятий при изобличении взяточнико /С.А. Машков // Сибирские криминалистические чтения. Вып. 17. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 19.

[7] Машков С.А. Из практики применения органами ФСБ оперативно-розыскных мероприятий при изобличении взяточников / С.А. Машков // Сибирские криминалистические чтения. Вып. 17. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 20.

[8] Российское законодательство X–XX веков… Т.1. С.100.

[9] Эверс И.Ф. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 337.

Во временной интервал XI–XV веков появились должностные лица (недельщики, наместники, волостели, тиуны, праветчики, доводчики, сотские, старосты, целовальники и т. д.), которые были наделены обязанностью и правами по борьбе с преступностью, под которой в основном подразумевались преступления, посягающие на жизнь и собственность. Данные лица назначались князем и были облечены государственными полномочиями на розыск преступников и предание их суду, правда, эти поручения носили в основной массе временный характер.[10]

Первое документальное упоминание о взяточничестве встречается в русских летописях XIII в., которые, рассказывая о Митрополите Кирилле, упоминают, что он, «проходя грады и веси», проповедовал против мздоимства, чародейства и пьянства. Как социальное явление российской действительности взяточничество получило распространение еще в период становления московской Руси и основывалось на системе местничества или кормления, которая заключалась в том, что большинство чиновников не получали жалования, а жили благодаря занимаемой должности за счет просителей. Этому же способствовал и принцип назначения чиновников на должность в соответствии с иерархией боярских фамилий и приближенности к царю. Иван III попытался ограничить распространение коррупции законодательными мерами и запретил взяточничество, местническая система была заменена налогом в пользу казны и содержанием чиновников, однако в силу многих причин чиновничество по прежнему занималось поборами, о чем свидетельствуют отчеты иноземных дипломатов времен правлений Ивана Васильевича и Василия Ивановича.[11]

В конце XV в. начался процесс перехода от дворцово-вотчинной системы к новой системе управления – приказной, которая окончательно оформилась во второй половине XVI века, что было, прежде всего, связано с централизацией и ростом Русского государства. Выполнение конкретных обязанностей в государственном управлении теряло прежний характер временного поручения и превращалось в постоянную службу, то есть общественная жизнь усложнялась, и происходило формирование и усиление государственных органов.

Интересно, что уже в это время характерным вопросом, вставшим перед государством и урегулированным даже на уровне законодательства, стали злоупотребления должностных лиц по нашему мнению, можно объяснить следующим образом, во-первых, численным увеличением государственных лиц власти, в связи с чем произошло снижение возможности централизованного контроля за их деятельностью, во-вторых, появлением новых властно распорядительно-судебных полномочий и функций и расширение прежних, что дало корыстолюбцам новые пути злоупотребления своим положением и его использованием в своих материальных интересах.

Наглядным свидетельством является нормативное отражение проблемы. Так, в Новгородской и Псковской (1467 г.) судных грамотах, Двинской уставной (судной) грамоте (1397г.), а также во многих статьях Судебников (1497 г., 1550 г.) содержатся правовые нормы о запрете брать взятки.[12] Например, Двинская грамота запрещала «посул» как незаконно вознаграждение за осуществление властных полномочий или за незаконное действие наместника за взятку по освобождению задержанного вора.[13] Псковская грамота предписывала посадникам «городскими кунами не корыстоватися» при отправлении правосудия, «тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику»[14], на аналогичной позиции стоит и Новгородская грамота. Три с половиной века, с 1136 по 1478 гг., на северо-западе земли Русской существовала Новгородская феодальная аристократическая республика, а с 1348 по 1510 год республиканская форма управления существовала и в Пскове. Характерно, что в этих вольных городах за должностные преступления карались и высшие сановники.

[10] Российское законодательство X–XX веков… Т. 2. С. 181.

[11] Машков С.А. Из практики применения органами ФСБ оперативно-розыскных мероприятий при изобличении взяточников / С.А. Машков // Сибирские криминалистические чтения. Вып. 17. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2003. С. 37.

[12] Российское законодательство X–XX веков… Т. 2. С.181.

[13] Российское законодательство X–XX веков. Двинская уставная грамота 1397–1398 гг. Т. 3. С.181, 185.

[14] Российское законодательство X–XX веков. Псковская судная грамота. Т.1. С. 332, 337.

При этом он все же очень слабо регламентировал должностную преступность, так как идеология рассматривала должностные нарушения и мздоимство как антихристианские действия, полагая, что правда выше права. К. Анциферов указывает на запреты как форму борьбы с коррупцией (превентивные запреты) и снисходительность к высшим сословиям.

В период царствования Ивана IV Грозного шло создания приказов по Судебнику 1550 г., который на территориальное расширение государства и усложнение его системы управления отреагировал увеличением защиты государственных интересов, усиленной борьбой с должностным корыстолюбием и взяточничеством, признавая их уголовным преступлением. Это включало как прямую борьбу с коррупцией, так и превентивную реакцию на искажение государственной политики в условиях развития централизованного аппарата. Была введена смертная казнь за чрезмерность во взятках. Эти преступления, как и другие, раскрывались путем доносов, которые были «как бы обязательными».[15]

Изобличенным мздоимцем того времени, вошедшим в историю Российского государства как первый казненный взяточник, стал дьяк, принявший в «дар» гуся, брюхо которого было набито золотыми монетами. Дьяка казнили на торговой площади по всем правилам тогдашнего этикета употребления птицы в пищу: сначала отрезали ноги по голень, затем руки выше локтя, спрашивая истязаемого при этом о вкусе гусиного мяса. Казнь завершилась отрубанием головы.[16]

Для устранения коррупционного зла были созданы постоянные органы из числа местных выборных людей – губные избы, которые, кроме общих полномочий по борьбе с преступностью и осуществлению сыска, имели определенные контрольные функции по отношению к губным старостам и целовальникам, а также преследовал и их за взяточничество и другие злоупотребления (Медынский губной наказ 1555 г.).[17]

Созданная в XVI в. Иваном Грозным система централизованных органов управления государством состояла из приказов. Один из приказов утверждал в должности губных старост и целовальников, контролировал их деятельность и привлекал их к ответственности за взяточничество и злоупотребления. В Губной Белозерской грамоте (1539 г.) и Медынском губном наказе (1555 г.) при указании причин введения губного управления также обращалось внимание на злоупотребление должностных лиц.[18]

Изучение специальной литературы показывает, что такие уловки с целью получения мзды были довольно широко распространены в Российской империи[19], при этом полицейские чины часто осуждались к лишению свободы «с лишением всех особых и по состоянию присвоенных прав и преимуществ»[20]. Доказательствами вины взяточников в мундирах выступали показания свидетелей и потерпевших, собственное признание виновного лица, результаты проведенных обысков и заключения экспертиз подложенных процессуальных документов.[21]

В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что причинами коррупции и взяточничества в полиции и приравненных им органов являлись слабость государственной власти и несовершенство законодательства.

[15] Прокопенко Л. Стоглавая гидра коррупции. Ч.1. / Коррупция как общественное явление, 2000. Вып. № 125. 4 июля.

[16] Шалимова Ю., Селиванова А., Полухин Д. Как правильно брать и давать взятки // Комсомольская правда. 2002. 4 марта.

[17] Российское законодательство X–XX веков… Т. 2. С. 209.

[18] Там же. С. 210.

[19] Вестник права и нотариата. 1912. № 13. С. 413.

[20] Подложное составление полицейскими протоколов // Судебное обозрение. 1904. № 10. С. 227–228.

[21] Подложное составление протоколов // Судебное обозрение. 1904. № 10. С. 227–228.

Сведения об авторах

Туркова В.Н. старший преподаватель кафедры юриспруденции института экономики, управления и права ИРНИТУ,e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru
Архипова А.Н. старший преподаватель кафедры юриспруденции института экономики, управления и права ИРНИТУ, e-mail: anastasia_dekanat@mail.ru

Valentina N. Turkova, Department of criminal law disciplines, Institute of Economics, Management and Law, Irkutsk National Research Technical University Irkutsk, Russian Federation,
Anastasia N. Archipova,Department of criminal law disciplines, Institute of Economics, Management and Law, Irkutsk National Research Technical University Irkutsk, Russian Federation, anastasia_dekanat@mail.ru

Критерии авторства

Авторы имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат.

Author's Credentials

The authors have copyright on the article and are responsible for plagiarism.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors state that there is no conflict of interest.

УДК 378.6

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНОСТИ

© М.Р. Арпентьева

Югорский государственный университет,
628012, Российская Федерация, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16

Аннотация: В статье рассматривается социально-психологическая компетентность как способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающими людьми в системе межличностных отношений. В состав социально-психологической компетентности входит умение ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия. Особую роль здесь играет умение поставить себя на место другого. Социально-психологическая компетентность – это базисная, интегральная характеристика личности, отражающая ее достижения в развитии отношений с другими людьми, обеспечивающая полноценное овладение социальной реальностью и дающая возможность эффективно выстраивать свое поведение в зависимости от ситуации и в соответствии с принятыми в социуме на данный момент нормами и стандартами. Существует несколько подходов к ее рассмотрению. Каждый подход выдвигает свои варианты трактовки данного понятия, поэтому есть необходимость разработки интегративных моделей компетености. Эффективность социального функционирования и успешность отношений человека, однако, во всех случаях связана с соотнесенностью, гармонией различных компонентов его жизни и общения. При этом социально-психологическая компетентность включает два типа ориентации: адаптационный (борьба с трудностями, приспособление к системе) и ассимиляционный (приспособление системы к себе). Для первого типа характерно «перманентное противостояние», борьба и героизм, свойственные обычным людям, субъективной задачей которых является преодоление жизненных трудностей. Для второго – удовольствие, радость и счастье – задача зрелых людей, стремящихся к гармонии и радости. Для первого способа типична стратегия самозатруднения: человек старательно и, как правило, малоосознанно строит свою жизнь, часто предпочитая неприятные ситуации для того, чтобы с их помощью помочь решить свои старые проблемы. Второй способ – стратегия самореализации – связан с осмыслением собственного предназначения и жизненных целей.

Ключевые слова: *компетентность, психотерапевтическая модель, психоанализ, бихевиоризм, когнитивная психотерапия, гуманистическая психотерапия, интегративная психотерапия*

Информация о статье: Дата поступления 29 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 8 декабря 2018; дата онлайн-размещения 29 декабря 2018 г.

Для цитирования: Арпентьева М.Р. Психотерапевтические модели. Социально-психологической компетености. *Социальная компетентность*. 2018;4(3):21–30.

PSYCHOTHERAPEUTIC MODELS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL COMPETENCE

© Mariam R. Arpentieva

Ugra State University,
16 Chekhov st., Khanty-Mansiysk 628012, Russian Federation

Abstract: The article considers socio-psychological competence as the ability of an individual to interact effectively with surrounding people in the interpersonal relationship system. The socio-psychological competence includes the ability to navigate social situations, correctly determine the personal characteristics and emotional states of other people, choose the appropriate ways to handle them and implement these methods in the interaction. The ability to put oneself in the other person's position plays a special role here. The socio-psychological competence is a basic, integral characteristic of a personality that reflects their achievements in developing relationships with other people, ensures the mastery of social reality and provides the opportunity to build effectively their behavior depending on the situation and in accordance with social norms and standards currently accepted. There are several approaches to its consideration. Each approach puts

forward its interpretation of this concept. There is therefore a need to develop integrative models of competence. The effectiveness of social functioning and the success of a person's relationship, however, is in all cases related to the correlation, harmony of the various components of their life and communication. With that, social and psychological competence includes two types of orientation: adaptation (struggle with difficulties, adaptation to the system), assimilation, adaptation of the system to itself. The first type is characterized by "permanent confrontation", the struggle and "heroism" peculiar to ordinary people, whose subjective task is to overcome the difficulties of life. The second type is marked by pleasure, joy and happiness that is the task of adults seeking harmony and joy. For the first method, the strategy of self-handicapping is typical: a person builds their life diligently and, as a rule, unconsciously, often preferring unpleasant situations in order to solve their old problems. The second method is a self-realization strategy related to the understanding of their destination and life goals.

Keywords: *competence, psychotherapeutic model, psychoanalysis, behaviorism, cognitive psychotherapy, humanistic psychotherapy, integrative psychotherapy*

Article info: Received November 29, 2018; accepted December 8, 2018; available online December 29, 2018.

For citation: Arpentieva M.R. Psychotherapeutic models of socio-psychological competence. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;4(3):21–30. (In Russ.).

Социально-психологическая компетентность (от лат. «competens» – соответствующий, способный) – способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми в системе межличностных отношений. В состав социально-психологической компетентности входит умение ориентироваться в социальных ситуациях, правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, выбирать адекватные способы обращения с ними и реализовывать эти способы в процессе взаимодействия. Особую роль здесь играет умение поставить себя на место другого. Социально-психологическая компетентность – это базисная, интегральная характеристика личности, отражающая ее достижения в развитии отношений с другими людьми, обеспечивающая полноценное овладение социальной реальностью и дающая возможность эффективно выстраивать свое поведение в зависимости от ситуации и в соответствии с принятыми в социуме на данный момент нормами и стандартами (Бурлачук, Грабская, Кочарян, 1999; Арпентьева, Карпенкова, Ничипоренко, 2016; Бьюдженталь, 1998; Бурлачук, Грабская, Кочарян, 1999; Кемпинский, 1998; Макаров, 1999; Маслоу, 1997; Мей, 1997; Минигалиева, 2013; Роджерс, 1994; Роджерс, 1990; Селигман, 2013; Феррис, 2001; Фрейджер, Фейдимен, 2008; Фромм, 2000; Фрейд, 2006; Франкл, 1990; Эллис, Драйден, 2002; Эллис, Макларен, 2008; Rogers, 1972).

Существует несколько подходов к ее рассмотрению. Каждый подход выдвигает свои варианты трактовки данного понятия (Арпентьева, Карпенкова, Ничипоренко, 2016; Бурлачук, Грабская, Кочарян, 1999; Минигалиева, 2013), поэтому есть необходимость разработки интегративных моделей компетености.

Психоаналитический подход

Согласно крайне популярному с начала своего возникновения психоаналитическому подходу, социально *компетентный человек* – это человек со зрелыми личностными «защитами», человек с развитым «эго»: разумный, способный объяснить свое поведение, сознающий, что «все не без ошибок» и т.д. Защита – способ скрыться от того, что не хочется понимать, признавать, учитывать в своем поведении и в жизни. А затем – в поведении и жизни других людей. Кому захочется признаться, что его так называемая «любовь» – всего лишь отчаянная, но очень удачная претензия на «романтику», не включающая в себя ничего более, чем стремление подтвердить – в своих и чужих глазах – собственную значимость, состоятельность и т.д.

Идеал социальной компетентности – психоаналитик (Феррис, Зигмунд, 2001;

Фрейджер, Фейдимен, 2008; Фромм, 2000). Чтобы достичь этого идеала, необходимо пройти психотерапию. Люди «становятся психоаналитиками» в процессе индоктринации – присвоении психоаналитического мифа. Критерий взрослости пациента и возможность выхода из психоанализа (завершения лечения) связаны с моментом, когда пациент достигает состояния понимания терапевта лучше, чем терапевт пациента. И может защитится от него лучше, чем тот от своего пациента. Что очень напоминает детскую игру в «гляделки»: кто – кого. Только вот – зачем? Мы – либо любим, и тогда – «нам помогает Бог», либо нет – и тогда: «помоги нам, Боже!». Но в психоанализе мы должны поверить: что-то настолько неизбежно, что если вы вдруг надумаете увильнуть – то это свидетельство незрелости вашей или вашего партнера. Или, можно сказать больше, инфантильности. Что само по себе – негативный показатель. И отпустить себя, партнера, ситуацию, позволить им «объяснить себя» – вовсе недопустимо. Наше ужасное, отвратительное в своей асоциальности бессознательное (мечущееся между инстинктами любви и смерти) выпускать наружу нельзя вообще! Даже речи об этом быть не может! Однако, никто не доказал, что именно бессознательное человека так ужасно. Даже наоборот: именно бессознательное многих людей лучше, чем то, что они делают, согласуясь с рассудком и разумом. Потому что делают – «от души». Напротив, многие зверства, предательства и другое совершаются сознательно и с удовольствием, а также с выраженной мотивацией «социального блага». Очевидно, что мы можем придумать «бессознательный подтекст» сознательных поступков, однако, «придумать» не означает «зафиксировать».

При этом основным является такой компонент социально-психологической компетентности как «компетентность в других». Немного разобравшись в себе, человек получает доступ к пониманию других и этим избавляет себя от тревог и страхов самопонимания и самоизменения.

Развитие человека совершается в процессе изучения и смысловой трансформации негативных переживаний. До позитивных «руки не доходят». Да и зачем радоваться жизни раньше времени? Да и можно ли – когда все так плохо? Даже не нужно. Иначе плохо будет не все. А это – плохо!

Стремление к созданию ситуации катарсиса (к отреагированию, выплескиванию вовне негативных и травматических переживаний, например, о несчастной первой любви, о строгих родителях и т. д.), заставляет человека создавать все новые защиты от растущего чувства внутреннего и внешнего дискомфорта.

В противоположность З. Фрейду и его последователям, другой психоаналитик А. Адлер описывает социально-психологическую компетентность через понятие «реальной жизни» (Бурлачук, Грабская, Кочарян, 1999; Фрейд, 2006). «Реально» живущий человек стремиться к близости, даже соперничая с окружающими. «Фиктивные» цели – стремление к превосходству предполагает представление себя единственным и уникальным, не связанным с другими людьми «звеном» (табл. 1).

Со временем человек перестает стремиться к внешнему объединению с другими («первой демократии») для завоевания целей своей жизни. Развитие зрелого человека идет в направлении освоения ценностей и содержания «второй демократии» – процесса, связанного с трансформацией общества в результате трансформации отдельных людей, чье поведение отличается большей внутренней зрелостью, постоянством целей и, в то же время естественной гибкостью форм.

Таблица 1

Модели компетености в психоанализе

Зрелый человек по З. Фрейду	Зрелый человек по А. Адлеру
Живет по принципу реальности	Живет ради определенных целей
Автономен	Стремится к близости
Хорошо защищен, эгоистичен	Открыт к осознанию зависимости
Умеет хорошо объяснять причины своих и чужих поступков	Не просто объясняет причины, а отвечает за свои действия
Умудрен, проницателен	Искренен, счастлив

Таким образом, уже в рамках психоанализа появляется две противоположных модели социальной компетентности: модель умудренности и модель ответственности и любви. В модели З. Фрейда зрелость – это умудренность, опыт и проницательность. В модели А. Адлера – понимание реальных целей своей жизни, искренность и ответственность (Бурлачук, Грабская, Кочарян, 1999; Фрейд, 2006). В области близких отношений умудренность выражается в отчуждении между людьми, ответственность – в развитии доверия и углубления отношений, которые помимо того приобретают осознанное и разделенное двоими ценностное содержание.

Поведенческий и познавательный («бихевиоральный» и «когнитивный») подходы

Этот подход исходит из понимания человека как суммы или системы поведенческих привычек. Поэтому и называется поведенческим. Мы – это наше понимание, и сколько бы другие или мы сами не твердили о «чувствах», факты «говорят сами за себя». Если любящий человек делает зло – значит, он не любит. Если партнер, которого мы ждем и «извиняем» не делает ничего, что заслуживает уважения – вряд ли мы можем надеяться, что он изменится. Раз научившись чему-то, особенно плохому, человек, как и животное, рискует повторять неэффективный, но «интересный» поведенческий акт до бесконечности. Или хотя бы время от времени. Кому захочется прослыть ангелом всерьез?

Обычный человек живет в рамках принципа «выученной беспомощности» (Селигман, 2013): его научили ограниченности своих возможностей и некоторым правилам «выживания», за пределы которых он, как правило, не рискует выходить в силу стремления к самосохранению. Он как обезьянка, которую так часто били током в закрытой клетке, что когда клетку открыли, она уже не пытается убежать, потому что выучила – «все бесполезно».

Основой для данной трактовки компетентности как обученности служат базовые понятия данного подхода, описывающие слагающие компетентности – научение и дрессура.

Можно выделить следующие аспекты развития компетентности:

1. Научение как присвоение прошлого и «наработка» собственного опыта, самодрессировка.

2. Дрессировка как присвоение социального опыта предшествующих поколений.

Таким образом, согласно бихевиоральному подходу, компетентный человек – это хороший дрессировщик. Кроме того, это человек способный к научению или «самодрессировке», ориентирующийся на развитие социальной эффективности и самоэффективности – соответствию внутренних и внешних критериев успешности выполнения деятельности и жизни в целом. Для того, чтобы это соответствие возникло, необходимы следующие моменты:

– развернутое осознание происходящего, его рефлексия, осмысление значимости, причин и последствий;

– любовь и уважение к себе и к «дрессируемым» – окружающим нас людям.

Самоэффективность – удовлетворенность человека процессом и результатом своих действий. Включает два компонента: объективный и субъективный.

Итак, компетентный человек:

– «осознает свое поведение, поведение окружающих и их взаимосвязь»;

– гибок, обладает целой палитрой поведенческих шаблонов;

– обладает дифференцированностью: выбор поведенческих реакций – в зависимости от особенностей ситуации, самого субъекта и объекта.

Также в бихевиоральной трактовке социально-психологическая компетентность предполагает:

– осознание взаимосвязи реакции окружающих людей со своими реакциями во времени и пространстве;

– преобладание позитивных взаимосвязей с окружающими, позитивное отношение к себе, стремление к минимизации негативных исходов;

– стремление и терпимое отношение к кризисным ситуациям, ситуациям тупика и неопределенности.

В конечном итоге социальная компетентность – способность к поведению,

дающему максимум выгод и минимум потерь. Однако, при данной трактовке возникает проблема отсроченых результатов взаимодействия. Долгосрочная перспектива предполагает, что выигрыш (позитивный результат) является устойчивым только при условии его взаимности, а также при условии постоянства поведения человека. Если вы хотите «добиться» чьей-то любви, чьего-то развития – вам нужно это делать постоянно и – самое лучшее – позитивно: активизируя в сознании мысль человека о том, что он действительно прекрасен. Тогда и он сможет стать таким. Почувствовать себя таким.

Когнитивный подход является интеграцией бихевиористской и психоаналитической модели.

Искажения рационального понимания, свойственные незрелым субъектам, возникают на двух основных уровнях: уровне «автоматических мыслей» – повседневных и ежесекундных мыслей, «мелькающих» в нашей голове по ходу общения и деятельности, и на уровне базисных посылок – стабильных внутренних установок и оценок по отношению к себе, людям и своей жизни в целом.

Обычные люди часто люди интегрируют автоматические мысли о ситуативных неудачах в базисные посылки о собственной неуспешности, некомпетентности вообще. Компетентные люди, опираясь на базисные посылки о своей и чужой успешности:

– формируют соответствующие позитивные автоматические мысли;

– позитивно переопределяют негативные ситуации. Позитивное переопределение – один из главных принципов, показателей социальной компетентности (Эллис, Драйден, 2002; Эллис, Макларен, 2008).

Экзистенциально-гуманистическая модель компетентности

В этой, гуманистической, модели компетентный человек – психолог или клиент, живущий по принципам ценностного процесса – постоянно и свободно изменяющегося осмысления себя и мира. В противоположность ему, обычный человек живет как ценностная система, то есть совокупность жестко фиксированных и соотносящихся друг с другом норм (Бьюдженталь, 1998; Кемпинский, 1998; Макаров, 1999; Маслоу, 1997; Минигалиева, 2013). При этом взрослые люди делятся на четыре основных типа:

1. Бессистемные субъекты – не приемлют четких ценностных ориентиров, склонны к полевому образу поведения, являются желанным объектом манипуляции, инфантильны, не умеют регулировать себя и свое поведение, у них отсутствует потребность в формировании смысла жизни и духовных запросов; полностью зависят от происходящего в обществе, очень удобны и покладисты.

2. Субъекты с элитарными ценностными системами. Жизнь подчинена единой высшей цели: любая из существенных ценностей человеческой жизни. Эти люди отличаются успешностью, целеустремленностью, настойчивостью. Чем раньше осознается цель, тем большего успеха человек достигает. Слабости: серьезные травмы и глубокие фрустрации при невозможности достижения цели и реализации идеалов; часто попадают в состояние депрессии, вступают в конфликты, отстаивая идеалы и цели, постоянно под угрозой крушения надежд и разочарования.

3. Плюралистические ценностные системы – разрешают себе и другим быть разными, иметь различные ценностные идеалы и способы жизни. Гордятся своей толерантностью и терпимостью. Недостатки: невключенность в жизнь – защищают себя от конфликтов и разочарования, разрешая делать всем, что хочется. Часть этого превращения в беспринципность, невнимание к себе и окружающим людям. Часто под маской плюрализма скрывается человек, которому выгоден беспорядок.

4. Ценностный процесс («дрейфующие ценностные системы»).

Человек, который спонтанно и естественно реагирует на происходящее. Изменяясь как ценностный процесс, человек идет от лучшего к лучшему. Слабости: внешняя асоциальность.

Обычный человек часто берет на себя решение не только своих, но и чужих проблем. При этом он сталкивается с ситуациями неуспеха и перенапряжения. Лю-

ди, живущие как ценностный процесс, внешне эгоистичны. Они стремятся понять – что именно могут, должны и хотят изменить – в своей жизни и жизни окружающих, при этом они занимаются своими проблемами и решают свои задачи. На глубинном уровне они социальны, их цель – развитие себя и окружающих людей. Проблемы в общении у этой группы людей возникают как результат последствий социального саботажа и его обнаружения: сознательного отказа от манипуляций и подчинения манипуляциям.

В зависимости от наличия вины и ответственности, выделяют четыре типа реагирования человека на собственные действия и их последствия:

Первый – характеризуется отсутствием вины, стыда и ответственности за совершенные действия.

Второй – человек этого типа испытывает чувство стыда за свои поступки, но это лишь так называемая «внешняя ответственность», которая может быть не интернализованной, то есть не принятой самим человеком.

Третий – присутствие вины, внутренней интернализованной ответственности. Однако ее присутствие отнюдь не означает ее внешних проявлений.

Четвертый – для этого типа характерна ответственность за свои дияния. Он не испытывает вины и стыда, поскольку это аутодеструктивные чувства.

Компетентный человек исправляет свои ошибки, как только их осознает. Исправление ошибок – мощнейший ресурс развития взаимоотношений. Безответственность разрушает человека так же, как и попытка насильственного разрыва или трансформации взаимоотношений.

Компетентность человека К. Роджерс описывает через понятие полноценного функционирования, состоящего из двух компонентов: зрелая личность (становление человека) и зрелые межличностные отношения (становление партнерами). К. Мустакас описывает три вида взрослого бытия, дополняющие друг друга у компетентного человека: Being – in (личностное бытие), Being – with (бытие партнерами), Being – for (социальное бытие). Главное условие компетентности – сформированность каждого компонента и их соответствие друг другу. Компетентный человек – открытый как по отношению к себе, так и к другим людям. Не боится высказать правду о себе и других, не замалчивает и не утаивает информацию. Стремится развиваться индивидуально и вместе с другими, даже зная, что иногда совместное развитие невозможно. Человек развивается вопреки обыденным страхам остаться одному или показаться кому-либо неудачником. Перспектива развития отношений – от хороших партнеров ко все более лучшим. Готовность идти на риск терпеть моменты боли, не скрывая и не преувеличивая ее. Откровение и любовь такого человека «недефициентны». Поясняя это понятие, В. Франкл пишет, что зрелый человек: «нуждается потому что любит, а не любит, потому что нуждается» (Франкл, 1990. С. 35). Человек зрелый живет ради реализации общечеловеческих идеалов. При этом, как отмечает К. Роджерс: «чем более индивидуален человек, тем сильнее в нем проступает общечеловеческое» (Роджерс, 1990. С. 63; Rogers, 1972).

Социальная компетентность также описывается с помощью ряда «психотерапевтических установок общения» (табл.2).

Таблица 2

Модели компетентности и некомпетентности в гуманистической психотерапии

Обыденное общение	Психотерапевтическое общение
Непринимающее (условное принятие), отсутствие толерантности и любви	Принятие (безусловное), толерантность и любовь
Оценочное понимание или непонимание	Безоценочная эмпатия, сопереживание
Неискренность и несоответствие самому себе	Искренность и соответствие самому себе
Неконкретность	Конкретность

Конкретность включает в себя три компонента:

1. Предметность, четкое определение того, о чем говорит человек.

2. Персонифицированность – когда человек говорит, он должен подчеркнуть, что говорит именно он.

3. Обращенность – человек должен понимать, с кем он говорит.

В этом гуманистическая психология и современный психоанализ пересекаются. Ж. Лакан, один из крупнейших современных психоаналитиков, отмечает: «пациент говорит не с вами и не о себе», «человек излечивается, когда говорит с вами и о себе».

Интегративная социально-психологическая модель

Эффективность социального функционирования и успешность отношений человека связаны с соотнесенностью, гармонией различных компонентов его жизни и общения.

При этом социально-психологическая компетентность включает два типа ориентации: адаптационный (борьба с трудностями, приспособление к системе) и ассимиляционный, приспособление системы к себе (рис.).

В соответствии с этим выделяется два типа людей и два способа жизни:

– первый тип – обычные малокомпетентные люди;

– второй тип – компетентные субъекты.

Для первого типа характерно «перманентное противостояние», борьба и «героизм», свойственные обычным людям, субъективной задачей которых является преодоление жизненных трудностей. Для второго – удовольствие, радость и счастье – задача зрелых людей, стремящихся к гармонии и радости.

Для первого способа типична стратегия самозатруднения: человек старательно и, как правило, малоосознанно строит свою жизнь, часто предпочитая неприятные ситуации для того, чтобы с их помощью помочь решить свои старые проблемы. Второй способ – стратегия самореализации; связана с осмыслением собственного предназначения и жизненных целей.

Компетентность предполагает любовь. К себе и к миру.

Итак, с чего начинается любовь к другому? С любви и понимания самого себя.

Первое. Любовь к другому начинается с любви к себе. С настоящей любви: уважения, терпения, заботы о себе. Эгоист, трудоголик и человек, не любящий себя – не готовы к любви, а иногда даже не помнят о ней. Куда уж тут – до молитвы. Они так долго откладывают любовь – эту ненужную помеху их амбициям, работе и грустным мыслям о несовершенстве мира. Любовь – оставленная на потом, как правило, никогда не приходит. Даже – потом. Впрочем, они и не сожалеют. В их жизни нет места сожалениям. Только тяжелый безрадостный труд. На благо кого?

Аспекты социально-психологической компетентности: вопросы к разработке интегративной модели

Они не задумываются. Некогда. Конечно, иногда им хочется отдохнуть и развлечься. Но они даже отдыхают и развлекаются по плану. В четко очерченных границах, так похожих на тюрьму. Свобода любви? Что-то они об этом ничего не слышали. Про рабство – это да. А вот про свободу не слышали. И не слышат.

Как быть? «Полноценно функционирующий человек» движется к полному познанию себя и своего внутреннего опыта. Он открыт этому опыту, насыщенно живет в каждый новый момент жизни (Маслоу, 1997; Роджерс, 1994).

И тогда? «Возможно я могу обнаружить стать ближе к многому, что находится внутри меня… не пытаясь прятать эти чувства от себя… возможно, я могу быть еще более открытым…» А дальше? Дальше «… у меня есть мужество позволить своему партнеру следовать своей дорогой к уникальной личности, которую я с удовольствием бы разделил с ним». Когда человек принимает себя, он изменяется. Мы не можем изменяться, пока не примем себя такими, как есть. «Когда вы становитесь собой, взаимоотношения становятся подлинными. Подлинные взаимоотношения имеют тенденцию к изменению, а не к статике» (Роджерс, 1990. С. 58).

Второе. Искренне выражая свои чувства, «люди в первый раз начинают понимать чувства партнера и их причину... это значит, что в семье будут две независимые индивидуальности с разными целями и ценности, но связанные реальными чувствами…». Умение полноценно решать свои проблемы в паре предполагает:

1. Научиться открыто выражать свои чувства перед членами семьи, другими людьми. Все получается лучше, когда человек может с принятием прислушиваться к себе и быть самим собой. « Важно слушать себя и стараться быть тем, кто ты есть. Тогда легче принимать себя как несовершенного человека, который идет по пути, по которому хотел бы идти» (Роджерс, 1990. С. 57).

2. Постепенно люди осознают, что близкие отношения могут быть построены на основе реальных чувств, а не на основе защитных реакций. Чем больше человек открыт тому, что происходит во мне и в другом человеке. тем меньше в нем стремление к «фиксированным точкам», стремление толкать других людей и самого себя на путь, по которому, как ему кажется, они должны идти.

Очень редко мы позволяем себе понимать, что значат слова другого человека для него самого. Почему? Потому что в понимании другого есть определенный риск, особенно если мы не любим себя, то ожидаем самого худшего. Худшее – это подтверждение наших негативных представлений о себе. Но если человек позволит себе по-настоящему понимать другого, это понимание может изменить его. Важно понимать «...огромную ценность того, что я позволяю себе понимать другого человека» (Роджерс, 1990. С. 58).

3. Люди пытаются правильно общаться, т. е. осознано выстраивая модель общения, понятную им обоим и окружающим и позволяющую им быть понятыми другими окружающими.

Понимание дважды обогащает человека: в каждом опыте общения он открывает что-то, что изменяет его, делает другим, более открытым и отзывчивым. Кроме того, понимание других людей позволяет им измениться, принять свои переживания, себя. Принятие другого человека – источник развития. «Автономия каждого человека, его право идти своим путем и на этом пути раскрывать свои смыслы – одна из бесценных потенциальных возможностей жизни (Роджерс, 1990. С. 61). «Парадоксальный аспект моего опыта: чем больше я хочу быть самим собой при всей сложности жизни, и чем больше я хочу понимать и принимать себя и другого, тем больше изменений происходит».

Третье. Необходимость нравственного, духовного развития. Нравственный прогресс человека, его развитие вызываются не какими-то внешними источниками, человек – это «остров внутри себя». Любовь к себе и людям нельзя сформировать извне, «материалом» для построения убеждений человека служит внутренний опыт. Критерий истинности – собственный опыт человека, пары. Исследование опыта – настойчивое дисциплинированное стремление извлечь смысл и порядок из явлений субъективного мира. Факты (всегда) дружелюбны: людям свойственно развиваться в направлении любви (Роджерс, 1990. С. 64).

Библиографический список

Адлер А. О стремлении к превосходству. СПб.: Астер-Х, 2017. 44 с.

Арпентьева М.Р., Карпенкова И.В., Ничипоренко Н.П. Социально-психологическая компетентность: статьи и эссе. Калуга: Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 2016. 650 с.

Бьюдженталь Дж. Наука быть живым: Диалоги между терапевтом и пациентами в гуманистической терапии. М.: Независимая фирма «Класс», 1998, 336 с.

Бурлачук Л.Ф., Грабская И.А., Кочарян А.С. Основы психотерапии. Киев: Ника-Центр; М.: Алетейа, 1999. 320 с.

Кемпинский А. Экзистенциальная психиатрия. М. – СПб.: Университетская книга, Совершенство, 1998. 320 с.

Макаров В.В. Избранные лекции по психотерапии. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 1999. 416 с.

Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Изд. группа «Евразия», 1997. 430 с.

Мей Р. Любовь и воля. М.: Ваклер, 1997. 420 с.

Минигалиева М.Р. Социально-психологическая компетентность: интегративная модель // Science in the modern information society II: Proceedings of the Conference (New Jersey 07–08 November, 2013). New Jersey, 2013. Vol. 2. P. 346–350.

Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 480 с.

Роджерс К. Несколько важных открытий // Вестник Московского государственного университета. Сер. 14: Психология. 1990. № 2. С. 57–65.

Селигман М. Как научиться оптимизму: Измените взгляд на мир и свою жизнь. М.: Альпина Паблишер, 2013. 338 с.

Феррис П. Зигмунд Фрейд / пер. с нем. Минск: Поппури, 2001. 448 с.

References

Adler A. O stremlenii k prevoskhodstvu [Striving for excellence]. Saint Petersburg: Aster-H Publ., 2017, 44 p. (In Russian).

Arpent'eva M.R., Karpenkova I.V., Nichiporenko N.P. *Social'no-psihologicheskaya kompetentnost'* [Socio-psychological competence]. Kaluga: Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky Publ., 2016, 650 p. (In Russian).

B'yudzhental' Dzh. *Nauka byt' zhivym: Dialogi mezhdu terapevtom i pacientami v gumanisticheskoj terapii* [Science to be alive: dialogues between the therapist and patients in humanistic therapy]. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass" Publ., 1998, 336 p. (In Russian).

Burlachuk L.F., Grabskaya I.A., Kocharyan A.S. *Osnovy psihoterapii* [Basics of psychotherapy]. Kiev: Nika-Centr Publ.; Moscow: Aleteja Publ., 1999, 320 p. (In Russian).

Kempinskij A. *Ekzistencial'naya psihiatriya* [Existential psychiatry]. Moscow–Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., Sovershenstvo Publ., 1998, 320 p. (In Russian).

Makarov V.V. *Izbrannye lekcii po psihoterapii* [Selected lectures on psychotherapy]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 1999, 416 p. (In Russian).

Maslou A.G. *Dal'nie predely chelovecheskoj psihiki* [The farther reaches of human nature]. Saint Petersburg: Izdatel'skaya gruppa "Evraziya", 1997, 430 p. (In Russian).

Mej R. *Lyubov' i volya* [Love and will]. Moscow: Vakler Publ., 1997, 420 p. (In Russian).

Minigalieva M.R. *Social'no-psihologicheskaya kompetentnost': integrativnaya model'* [Socio-psychological competence: an integrative model]. Science in the modern information society II: Proceedings of the Conference (New Jersey 07–08 November, 2013). New Jersey, 2013, vol. 2, pp. 346–350. (In Russian).

Rodzhers K.R. *Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [On becoming a person: a therapist's view of psychotherapy]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress"; "Univers" Publ., 1994, 480 p. (In Russian).

Rodzhers K. Some important discoveries. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University], 1990, no. 2, pp. 57–65. (In Russian).

Seligman M. *Kak nauchit'sya optimizmu: Izmenite vzglyad na mir i svoyu zhizn'* [How to learn optimism: change your view of the world and your life]. Moscow: Al'pina Pablisher Publ., 2013, 338 p. (In Russian).

Ferris P. Sigmund Freud, 2001, 448 p. (Russ. ed.: *Sigmund Freud.* Minsk, Poppuri, 2001. 448 p.).

Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Большая книга психологии. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак, 2008. 704 с.

Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000. 448 с.

Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.: АСТ, 2006. 400 с.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Эллис А., Драйден У. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. СПб.: Речь, 2002. 352 с.

Эллис А., Макларен К. Рационально-эмоциональная поведенческая терапия. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 160 с.

Rogers C.P. Becoming partners: Marriage and its alternatives. New York: Delacorte Press, 1972. 243 p.

Frejdzher R. Fejdimen Dzh. *Bol'shaya kniga psihologii. Lichnost'. Teorii, uprazhneniya, eksperimenty* [The Big Book of psychology. Personality. Theories, exercises, experiments]. Saint Petersburg: Prajm-Evroznak Publ., 2008, 704 p. (In Russian).

Fromm E. *Velichie i ogranichennost' teorii Frejda* [Greatness and limitations of Freud's thought]. Moscow: AST, 2000, 448 p. (In Russian).

Freud S. The major psychological theories in psychoanalysis, 2006, 400 p. (Russ. ed.: *Osnovnye psihologicheskie teorii v psihoanalize*. Moscow: AST Publ., 2006, 400 p.). (In Russian).

Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla* [Man's search for meaning]. Moscow: Progress Publ., 1990, 368 p. (In Russian).

Ellis A., Drajden U. The practice of rational emotive behavior therapy, 2002, 352 p. (Russ. ed.: *Praktika racional'no-emocional'noj povedencheskoj terapii*. Sankt Peterburg: Rech' Publ., 2002, 352 p. (In Russian).

Ellis A., Maklaren K. *Racional'no-emocional'naya povedencheskaya terapiya* [Rational-emotional behavioral therapy]. Rostov n/D.: Feniks, 2008, 160 p. (In Russian).

Rogers C.P. Becoming partners: Marriage and its alternatives. New York: Delacorte Press, 1972, 243 p.

Критерии авторства

Арпентьева М.Р. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения об авторе

Арпентьева Мариям Равильевна, доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания, академик Международной академии естстествознания, ведущий научный сотрудник Гуманитарного института, e-mail: mariam_rav@mail.ru

Criteria for Authorship

Arpentieva M.R. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Author Credentials

Mariam R. Arpentieva, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, academician of the International Academy of Natural History (IANH), leading research fellow of Humanitarian Institute, e-mail: mariam_rav@mail.ru

УДК 378.147

МЕТОД СОКРАТА КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ

Е.В. Бондарева

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
6647074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация: В статье рассмотрены основные и возможные изменения в современном образовании, а также определена роль в этом самих участников, отражены некоторые этапы. Показана необходимость сближения ученика и учителя, студента и преподавателя при освоении учебного процесса. Представлена возможность выявления основных подходов при реализации методических указаний. В связи с этим выделен ряд проблем на обсуждение. Именно диалог как конкретное познание в сложившейся учебной ситуации вырабатывает основные навыки общения, развитие коммуникативно-познавательных умений в составе группы и индивидуально, а также необходимую для социализации ориентацию. Современным подходом в образовании обозначены интерактивные методы. Определена основная задача при реализации этих методов – вовлечение как можно большего количества учащихся в процесс обсуждения актуальной темы, познания текущего материала и т. д. Сократовский метод – это и есть вопросно-ответный подход. Сократ в описании своих современников подводил именно к ожидаемым результатам подобным образом. Однако деятельность Сократа не сводилась к философскому мышлению, его взгляды отражены в трудах последователей и современников. Учитывая личностный подход, можно реализовать возможности образования. В современной педагогической литературе предприняты попытки дать объяснение этому явлению. Современные методики образования предлагают учащемуся самостоятельно сделать свой выбор на интересующем его моменте. По мнению современных педагогов, самым продуктивным является анализ и исследование изученного материала.

Ключевые слова: *современные методики образования, анализ изучаемого материала, инновационный подход в образовании, самореализация и познание при обучении*

Информация о статье: Дата поступления 16 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 20 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Бондарева Е.В. Метод Сократа как инновационный подход в образовании. *Социальная компетентность*. 2018;4(3):31–35.

THE SOCRATIC METHOD AS AN INNOVATIVE APPROACH TO EDUCATION

Elena V. Bondareva

National Research Irkutsk State Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk 6647074, Russian Federation

Abstract: The article discusses the major and possible changes in modern education, defines the role of its participants and demonstrates some stages. It proves the necessity of convergence between a student and teacher in learning process and shows the possibility of determining the principal approaches in the implementation of guidelines. In this regard, a number of problems are presented to discuss. It is dialogue that being a specific knowledge in the current educational situation develops the basic communicative and cognitive skills in the group and individually, as well as the orientation necessary for socialization. Interactive methods in education are considered to be the modern approach. The author determines the main task of the implementation of these methods: the involvement of as many students as possible in the process of discussing the current topic, learning the current material, etc. Socratic method is a question-answer approach. In his contemporaries' description, Socrates led it to the expected results in this way. But the activity of Socrates was confined to philosophical thinking. His views are reflected in the works of his followers and contemporaries. Taking into account the personal approach, it is possible to realize the possibilities of education. In modern pedagogical literature a number of attempts is made to explain this phenomenon. The modern methods of education suggest a student to make their own independent choices on the point of interest. According to modern teachers, the most productive thing is the analysis and exploration of the studied material.

Keywords: *modern methods of education, analysis of the studied material, innovative approach in education, self-realization and cognition in education*

Article info: Received December 16, 2018; accepted December 20, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Bondareva E.V. The Socratic method as an innovative approach to education. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;4(3):31–35. (In Russ.).

Современное образование претерпевает существенные изменения. Выражаются они не только в проведении государственных программ по образованию, но и в определении роли и участии самих обучающихся. Все этапы образования, начиная с дошкольного, школьного, вузовского и послевузовского интересны и сложны по своей сути. Каждый этап подразумевает свою основу разработки и применения. Современное общество диктует не просто предоставление услуг образования, а возникновение необходимости в получении качественного образования.

Так как же нужно построить обучение, чтобы оно стало не просто интересным, а еще и нужным? Формирование сознания, привитие интереса к обучению в целом или реформистские подходы к уже существующей, сложившейся системе образования? До сих пор волнует и интересует вопрос о том, как учить и самому учиться. Написано и издано множество методических указаний и рекомендаций, посвященных различным методам и способам реализации учебного процесса. Многие авторы рекомендуют обратить внимание на процесс сближения ученика с учителем, а студента с преподавателем. Возможность сближения двух сторон может быть основана не только на заинтересованности материалом, но и на контакте. Такое сближение можно назвать сотрудничеством, которое можно рассматривать в психологическом направлении и в педагогическом сближении. Однако здесь тоже необходимо учитывать индивидуальный подход и групповую форму общения. Групповая форма несет в себе определенные сложности, и выражается это в определенном процессе обучения. Если рассматривать диалог как немаловажный метод обучения, то это решает ряд задач:

– конкретное познание в сложившейся учебной ситуации;

– вырабатывание основных навыков общения, развитие коммуникативно-познавательного познания в составе группы и индивидуально;

– ориентационная задача, необходимая для социализации.

Современные педагоги обращают внимание не только на профессиональное сближение, т. е. исследование интересующих вопросов, а именно на построение диалога. По их мнению, в процессе диалога можно прийти к решению многих сложных задач. Современным подходом в образовании обозначены интерактивные методы. Явление довольно новое, если учесть, что эти методы описаны еще древними, но приобщены они сравнительно недавно. Подобрать единое понятие этого непросто. Многие педагоги объясняют интерактивность познания как способ или возможность реализации учебного процесса. Основная задача при реализации этих методов – это вовлечение как можно большего количества учащихся в процесс обсуждения актуальной темы, познания текущего материала и т. д. Интерес применения интерактивных методов в том и состоит, что высказывание мнений по обсуждаемым проблемам порождает более тесное сближение участников (Активные и интерактивные методы обучения).

Преподаватели-практики разработали и применяют различные методы. Их количество не исчерпано. Можно применять несколько методов одновременно во время одного занятия, можно выбрать один для обсуждения конкретной ситуации.

Самые распространенные методы – диалог, работа в паре, «мозговой штурм», дискуссия.

Именно диалог является особо популярным методом. Каждый метод имеет свою историю развития и применения. О диалоге как об интерактивном методе говорили еще в древности. Если обратиться к древним источникам о жизни, бытие и сознании, то даже там можно обнаружить упоминание о диалоге, как способе познания. Выделяют активные, пассивные и интерактивные методы. Выделяют классификацию интерактивных технологий обучения (активные

и интерактивные методы обучения). Указаны достоинства, ограничения, отборы методов обучения. Проводится анализ конкретных ситуаций.

Выделяют дидактический и поисковый диалог. Дидактический диалог считается простейшим способом познания, однако его определяют все-таки как способ аргументации.

Поисковый диалог больше выражает поисковые функции. Различные предположения, гипотезы предполагают более глубокое изучение рассматриваемого вопроса.

Диалог является не только методом обучения, но и воспитания. Его значимость подчеркивали мыслители-философы (Сократ, Конфуций, Платон и многие др.). Античная риторика положила начало возникновения истины в полемике. Это совместный поиск. В беседах о нравственности и политике Сократ, как мастер диалога, показывал, как можно совместно найти истину. Умело поставленные вопросы всегда находят истинный ответ.

Предшественники и последователи «учителей мудрости», как себя называли мыслители, уделяли немало внимания диалогу как основному средству не просто общения, а достижения истины.

Сократовский метод – это и есть вопросно-ответный метод, но ведь сам Сократ ничего не писал, как пишут его же современники и последователи. Так как же познание истины стало приобретать название метода Сократа?

Философские школы, сформировавшееся в Древней Греции в (IV в. до н. э.), положили начало понятиям «педагогика» и «воспитание». Современные термины, как в педагогике, так и в воспитании, берут начало именно из Греции.

Следует отметить, что уже давно крупнейшие педагоги мира, начиная с Я.А. Коменского (1592–1670) и Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), и кончая учеными нашего века К.А. Тимирязевым (1843–1920), С. Выготским (1896–1934), В.И. Вернадским (1863–1945), исключительно высоко оценивали сократовский метод достижения истины в споре путем преодоления противоречий в суждениях собеседников. Так, Я.А. Коменский настойчиво призывал к использованию сократовского «духовного повивального искусства». Это метод удобно использовать в разных группах, независимо от возраста. Выявление независимого мышления – вот основа познания. Провоцируя собеседника на открытость обсуждения, выявляешь его познания и способность к рассуждению. Диалоги Сократа содержат открытость обсуждения. В то же время его метод предупреждает спор, который может ввести в заблуждение, и в этом случае можно перейти на монолог при разъяснении, что, в общем-то, нежелательно. Продуктивность метода в этом и состоит. Если не получается в полной мере реализовать этот подход, то можно попробовать взять инициативу в свои руки. Таким способом часто пользуются родители при воспитании своих детей. Вот тогда это может стать действительно некой проблемой. По мнению некоторых ученых, можно в себе развить специальные подходы к пониманию ситуации, а это постигается системой тренировок. Метод Сократа можно также выработать в себе. Начинать советуют с построения логики, но и здесь возникают трудности. Это может быть связано с тем, что ваш вопрос не всегда понятен, а из этого следует, что вы не сможете донести свою информацию до собеседника. Можно попробовать записать свои мысли, тогда легче будет найти способ общения. Здесь стоит допустить, что ваш вопрос совсем не интересен собеседнику, а ведь так хочется обсудить вашу тему, поспорить. Начнем с темы, которая заинтересует или может (на ваш взгляд) заинтересовать окружающих, и в итоге вы аккуратно подойдете к обсуждению вашей темы. Правильная постановка вопросов приведет к интересным беседам и умозаключениям. Сократ в описании своих современников подводил именно к ожидаемым результатам подобным образом. Идя своим путем рассуждений, Сократ разошелся с идеологией софистов. Философия метода Сократа выражается в самопознании, которое служит путем достижения благ. Знаменитая его фраза «я знаю, что ничего не знаю» стала исходной позицией для выделения двух сторон его метода – иронии и майевтики.

Под иронией понимается разрушение традиционных мнений, а мнение есть у каждого свое. Последовательно задаваемые вопросы предполагают логически грамотно построенные ответы. Под майевтикой понимают возможность рождения истины в споре, т. е. путем ведения диалога. Именно диалог становится необходимым способом достижения истины. Нельзя не указать, что это порождает возможность развития метода мышления. Мыслить – значит искать истину. Однако деятельность Сократа не сводилась к философскому мышлению, его взгляды

отражены в трудах его последователей и современников. Философская формула заключалась в возможности познания себя. Сократ утверждал, что беда в непонимании от того, что люди мало знают, мало интересуются истиной. Стоя на пороге смерти, Сократ продолжал рассуждать, что поиск истины должен занимать у людей больше внимания. Последователи его движения называли себя киниками, объясняли проблемность взаимоотношений в иронии. Основное направление этой школы не просто взаимодействие с природой, а именно ее разумность.

Познание формируется не сразу. Нужно подходить к диалогу как к схватке с умами или обмену мыслями.

Скрытые знания могут служить не только методом, но и методологией в образовании. Обучающийся может сам определять степень заинтересованности материалом, свои правила запоминания и т. д. Это определяет проблемность образования, так как майевтика – сама некая проблема.

Учитывая личностный подход, можно реализовать возможности образования. В современной педагогической литературе предприняты попытки дать объяснение этому явлению.

Под «проблемным обучением» В. Оконь понимает «совокупность таких действий, как организация проблемных ситуаций, формулирование проблем, оказание ученикам необходимой помощи в решении проблем, проверка этих решений и, наконец, руководство процессом систематизации и закрепления приобретенных знаний» (Оконь, 1968).

Под «проблемным обучением» Д.В. Вилькеев имеет в виду такой характер обучения, когда ему придают некоторые черты научного познания (Вилькеев, 1967).

Сущность «проблемного обучения» И.Я. Лернер видит в том, что «… учащийся под руководством учителя принимает участие в решении новых для него познавательных и практических проблем в определенной системе, соответствующей образовательно-воспитательным целям учебного заведения» (Лернер, 1968; Лернер, 1981).

Суть процесса проблемного обучения Т.В. Кудрявцев видит в выдвижении перед учащимися дидактических проблем, в их решении и овладении учащимися обобщенными знаниями и принципами проблемных задач (Кудрявцев, 1991).

Кроме этих статей, во многих работах проблемное обучение рассматривается не прямо, а в контексте и более широко – как средство активного учения, повышения эффективности обучения какой-то конкретной дисциплине и т. д.

На практике предлагалось самим искусственно создавать проблему, чтобы учащийся самостоятельно выстраивал возможные пути ее решения.

«Обучение в самом общем виде, – пишет М.И. Махмутов – один из основоположников проблемного обучения, – это передача опыта старших поколений молодому поколению» (Махмутов, 1977). На самом деле, предоставление возможности студенту или ученику мыслить самостоятельно в ходе изучения определенного материала проводит некую параллель между традиционным обучением и применением интерактивного метода познания. Классическое образование преподносит последовательность рассмотрения того или иного материала. Современные методики образования предлагают учащемуся самостоятельно сделать свой выбор на интересующем его моменте. Многие педагоги еще придерживаются классической формы образования и считают, что именно интерактивный метод может вызвать ряд проблем. Нельзя отметать классический подход в образовании, который содержит в себе все необходимые элементы: логичность, систематичность изложения материала. Современные методы построены на индивидуальности понимания, личного опыта и т. д. Инновационные технологии развития общества напрямую указывают на необходимость реформирования образования, а именно на развитие и внедрение таких принципов, как саморазвитие, формирование способов и средств обучения, осознание обучения и непрерывность изложения материала, который уже изучен (Басова, 2000).

По мнению современных педагогов, самым продуктивным является анализ и исследование изученного материала, и в этом направлении метод Сократа является объективным шагом и решением в изучении предложенного. Диалог не просто как метод общения, а поиск истины (вопрос – ответ) устанавливает поиск противоречий, доводов и домыслов. Поиск истины, ее анализ и выводы – вот содержание сократического метода. Применение этого метода современ-

ными педагогами указывает на определенные результаты. С помощью тщательно подобранного метода можно достичь большего результата в обучении. Творческий подход, инициативность, характер личности, индивидуальность, привлечение внимания к существующей или создаваемой проблеме – вот что является составляющей современного образования. Известный китайский мыслитель Конфуций не раз обращал внимание на тесное взаимодействие участников диалога: «услышишь – забудешь, увидишь – запомнишь, построишь – поймешь».

Также следует отметить, что преподаватель может лишь предложить тему для обсуждения, давая, тем самым, возможность обучающемуся самому выстраивать направление изучения, использовать и применить свое видение проблемы, а самое главное – подобрать правильные пути решения. Правильно построенное занятие привлечет внимание обучающихся к исследуемому материалу, и диалог, возникающий между учащимися и педагогом положит начало дальнейшей совместной деятельности. В этом и заключается основа взаимодействия двух сторон – участников диалога.

Библиографический список

Активные и интерактивные методы обучения [Электронный ресурс]. URL: http://unecon.ru/sites/default/files/interaktivnyemetodyobucheniyaprezentaci_gildingersh-min.pdf (17.08.2018).
Басова Н.В. Педагогика и практическая психология. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 414 с.
Вилькеев Д.В. Познавательная деятельность учащихся при проблемном характере обучения основам наук в школе. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 1967. 76 с.
Кудрявцев Т.В. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы. М.: Знание, 1991. 80 с.
Лернер И.Я. Вопросы проблемного обучения на Всесоюзных педагогических чтениях // Советская педагогика. 1968. № 7. С. 45–56.
Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Знание, 1981. 185 с.
Оконь В. Основы проблемного обучения. М.: Просвещение, 1968. 208 с.
Махмутов М.И. Организация проблемного обучения в школе. М.: Просвещение, 1977. 240 с.

References

Aktivnye i interaktivnye metody obucheniya [Active and interactive teaching methods]. Available at: http://unecon.ru/sites/default/files/interaktivnyemetodyobucheniyaprezentaci_gildingersh-min.pdf (accessed August 17, 2018).
Basova N.V. *Pedagogika i prakticheskaya psikhologiya* [Pedagogy and practical psychology]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2000, 414 p. (In Russian).
Vil'keev D.V. *Poznavatel'naya deyatel'nost' uchashchikhsya pri problemnom kharaktere obucheniya osnovam nauk v shkole* [Students' cognitive activity in the process of problem-based learning of elements of sciences at school]. Kazan: Kazan State University Publ., 1967, 76 p. (In Russian).
Kudryavtsev T.V. *Problemnoe obuchenie: istoki, sushchnost', perspektivy* [Problem-based learning: origins, nature, perspectives]. Moscow: Znanie Publ., 1991, 80 p. (In Russian).
Lerner I.Ya. Issues of problem-based training at the All-Union Pedagogical Readings. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet Pedagogy], 1968, no. 7, pp. 45–56. (In Russian).
Lerner I.Ya. *Didakticheskie osnovy metodov obucheniya* [Didactic basics of training methods]. Moscow: Znanie Publ., 1981, 185 p. (In Russian).
Okon' V. *Osnovy problemnogo obucheniya* [Fundamentals of problem-based learning]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1968, 208 p. (In Russian).
Makhmutov M.I. *Organizatsiya problemnogo obucheniya v shkole* [Organization of problem-based learning at school]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1977, 240 p. (In Russian).

Критерии авторства

Бондарева Е.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Bondareva E.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Бондарева Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры юриспруденции, e-mail: elenabondareva.shar@mail.ru

Author Credentials

Elena B. Бондарева, Senior Lecturer of Jurisprudence Department, e-mail: elenabondareva.shar@mail.ru

УДК 81

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© Н.Е. Горская, Е.Ю. Холдеева

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

Аннотация: Проблема развития творческой активности студентов на занятиях по иностранному языку является актуальной для неязыковых вузов. Это связано в первую очередь с решением принципиально новых задач, которые направлены на необходимость решения проблемных ситуаций посредством нестандартного творческого подхода. В статье рассматриваются понятия «творчество», «творческая активность», «творческое мышление». Указывается, что совершенствование творческой активности студентов в условиях вузовского обучения возможно при организации такой модели учебного процесса, которая предполагает структурно-содержательное изменение занятия по иностранному языку. Развитие творческих способностей выступает своеобразной гарантией того, что будущий специалист сможет ориентироваться и находить решения в нестандартных ситуациях и вопросах своей будущей профессиональной деятельности. Анализируются различные виды деятельности студентов при обучении иностранному языку, которые включают элементы творчества. Представлены современные методики обучения иностранным языкам, требующие самостоятельного приобретения знаний и их творческого использования. Подчеркивается роль педагогических технологий, способствующих значительному повышению качества обучения и усилению интереса студентов к изучению иностранного языка. Делается вывод, что для раскрытия творческих способностей обучаемых необходимо постоянно обращаться к их эмоциональным качествам. Процесс творческого мышления возникает спонтанно или создается педагогически. Это проявление таких личностно-индивидуальных качеств студента, как заинтересованность в получении глубоких знаний, приобщение к креативной и научно-поисковой деятельности.

Ключевые слова: *творчество, творческая активность, творческое мышление, познавательная активность, педагогические условия, познавательная самостоятельность*

Информация о статье: Дата поступления 19 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 20 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Горская Н.Е., Холдеева Е.Ю. Развитие творческой активности студентов на занятиях по иностранному языку. *Социальная компетентность*. 2018;4(3):36–40.

DEVELOPMENT of UNIVERSITY STUDENTS' CREATIVE ACTIVITY IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES

© Natalya E. Gorskaya, Ekaterina Yu. Kholdeyeva

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk 664074, Russian Federation

Abstract: The development of students' creative activity in foreign language classes is of current importance in non-linguistic universities. It relates to the solution of fundamentally new problems aimed at the need to solve problem-based situations that require non-standard creative approach. The article examines the concept «creativity», and «creative thinking». It states that improving students' creative activity in the university is possible through organizing such an educational process model that involves a structural and content-related change of foreign language classes. Development of creative abilities acts as a guarantee that the future specialist will be able to navigate and find solutions in non-standard situations and issues of the future professional activity. Various types of students' creative activities in the learning process are analyzed. The authors present modern foreign languages teaching methods that require independent acquisition of knowledge and their creative use. The special attention is paid to the role of pedagogical technologies contributing to significant increase in the quality of education and heightening students' interest in foreign language learning. It is concluded that in order to reveal the creative abilities of students, it is necessary to address to their emotional qualities. The process of creative thinking may emerge spontaneously or be constructed by the teacher. This is a manifestation of such

personal-individual qualities of a student as an interest in obtaining deep knowledge, involvement in creative and scientific research activities.

Keywords: *creativity, creative activity, creative thinking, cognitive activity, pedagogical conditions, cognitive independence*

Article info: Received November 19, 2018; accepted December 20, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Gorskaya N.E., Kholdeyeva E.Yu. Development of university students' creative activity in foreign language classes. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;4(3):36–40. (In Russ.).

Одной из важнейших проблем методики обучения иностранным языкам является развитие творческой активности студентов. В настоящее время перед студентами остро стоит вопрос, связанный с необходимостью разрешать различные проблемные ситуации, требующие нестандартного подхода. Эффективное решение таких ситуаций возможно при условии, если студент проявляет активность к самостоятельной творческой деятельности. Современная система образования позволяет реализовывать в условиях массового учебного процесса такие психолого-педагогические технологии, которые способствуют развитию творческой активности студентов. Творческая активность студентов рассматривается как показатель высокого уровня развития образовательного пространства вуза[1].

Научные исследования отечественных и зарубежных ученых показывают, что использование на занятиях по иностранному языку современных методов обучения приучает студентов к творческому мышлению, к самостоятельности планирования своих действий, прогнозированию различных вариантов решения, поставленных перед ними задач (Е.М. Борисова, И.А. Зимняя, В.П. Кузовлев, Е.С. Полат, Т.Е. Сахарова, Д. Девей, Дж.К. Джонс, Т. Хатчинсон).

Проблемой развития творческой активности занимались такие выдающиеся ученые в области педагогики, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, М.М. Бахтин, В.Н. Дружинин, С.Т. Шацкий и др. По их мнению, творчество – это решающий фактор любой деятельности, позволяющий проявить свою индивидуальность и формирующий позитивную жизненную позицию. Творчество является проявлением самореализации, поскольку включает некую новую, неординарную и самостоятельную продуктивную деятельность (Д.Н. Узнадзе, В.Д. Шадриков и др.). С точки зрения М.М. Бахтина и В.Н. Дружинина, творческая активность проявляется посредством категории смысла, отношением человека к окружающему миру через осознание себя в нем (Бахтин, 1979; Дружинин, 1999). По мнению А.Н. Леонтьева и Д.Н. Узнадзе, творчество тесно связано с культурой, поскольку человек творит культуру, выражая личностный смысл, активность в творческом процессе играет ключевую роль, без которой невозможно существование (Леонтьев, 1983; Узнадзе, 1966). Я.И. Пономарев определяет творчество как высший уровень активности человека (Пономарев, 1976).

Пути формирования творческой активности студентов разнообразны и зависят от конкретных целей и задач. Поиском способов и методов развития творческой активности студентов занимались многие исследователи (Кудрявцев, 1991; Матюшкин, 1972; Махмутов, 1985; Лернер, 1981). Рассматривая данную проблему, ученые приходят к выводу, что для развития творческой активности наиболее эффективными являются современные методы, такие как научно-исследовательская работа (презентация, проект), использование деловых игр, написание рецензии на просмотренный фильм или прочитанную книгу, эссе и т. п. Современные методы прочно вошли в теоретическую, в практическую методику и дидактику обучения иностранным языкам.

Данные виды деятельности позволяют студентам приобретать и развивать такие качества, как гибкость, быстрота и широта мышления, воображение, критичность, вариативность, легче

[1] Калянов А.В. Педагогическое влияние социально-культурного пространства времени на деятельность учреждений культуры и образования по формированию самосознания учащейся молодежи: автореф. дис. … д-ра пед. наук: 13.00.05. М., 2012. 50 с. / Kalyanov A.V. Pedagogical influence of the socio-cultural space of time on the activities of cultural and educational institutions on the formation of self-consciousness of young students: extended abstract of the doctoral thesis: (Pedagogy): 13.00.05. M., 2012. 50 p.

осваивать основы дисциплин, являющихся необходимой составляющей их будущей профессиональной деятельности. Следует подчеркнуть, что самостоятельная работа имеет огромное значение для студентов, поскольку предполагает их максимальную активность в усвоении предметного содержания обучения, способность работать без посторонней помощи и руководства. Главным признаком самостоятельной работы является сочетание таких функций, как перевод информации в знания, умения и функции самоуправления этой деятельностью. Важно, что в процессе выполнения самостоятельной работы вырабатывается привычка работать систематически, а также навык правильного распределения и использования своего времени. Самостоятельная работа также предполагает выполнение целого ряда входящих в нее действий: осознание цели своей деятельности, принятие учебной задачи и придание ей личностного смысла, подчинение выполнению этой задачи других интересов и форм занятости, самоконтроль в процессе выполнения и т. д.

В современной системе образования иностранный язык занимает особое место, поскольку является средством межкультурной коммуникации. Обладая творческим характером, иностранный язык в большей степени (нежели другие предметы) способствует развитию творческой активности студентов. Следует учитывать, что творческая активность напрямую связана с интересами и мотивами. В связи с этим обучение иностранным языкам должно быть личностно-ориентированным, понятным и доступным для данной группы. Различные методы творческой активности позволяют не только развивать коммуникативную компетенцию студентов, но и раскрывают индивидуальные способности (Рогонов, 1996). Следует отметить, что внедрение информационных технологий в обучение иностранным языкам значительно расширяет мотивационную основу учебной деятельности студентов, поскольку предоставляет уникальную возможность овладеть огромным объемом интересующей их информации.

Наиболее эффективным способом развития творческой активности студентов, на наш взгляд, является самостоятельная научно-исследовательская работа. Презентации на иностранном языке позволяют реализовать нестандартные формы организации работы, методы и приемы творческой активности. Данная технология является наиболее значимой, поскольку органично адаптируется не только на занятиях по иностранному языку, но и достаточно свободно интегрируется в практику дисциплин по специальности (Глызина, Горская, Белоусова, 2015). Данный вид деятельности требует много времени для поиска и обработки материала. Большое внимание уделяется планированию и последовательности выступления. Таким образом, работа над созданием презентации актуализирует собственно учебно-познавательную деятельность студента, способствует развитию креативности, раскрывая его личностный потенциал.

Эффективным способом развития творческой активности студентов является технология работы над проектом, в которой превалирует творческо-информационная направленность. Метод проекта позволяет студентам самим выбирать объект исследования, анализировать, сравнивать, оставляя самое важное. При использовании данного метода на занятиях по иностранному языку можно проследить, насколько студент владеет навыками коммуникации и умением работать в совместной деятельности. Главная задача преподавателя – инициировать самостоятельную творческую, поисковую деятельность студентов. Следует подчеркнуть, что вовлекая студентов в творческий процесс, необходимо сделать так, чтобы этот процесс был успешно завершен, поскольку достигнутая конечная цель приносит удовлетворение, повышает уверенность в себе и, самое главное, повышает мотивацию к изучению иностранного языка. Данная технология отвечает общим принципам проектной методики. Основой метода проектов является то, что она включает такие составляющие, как идея, прагматическая направленность на результат, который можно получить при решении той или иной практически или теоретически значимой проблемы. Для студента важно, чтобы полученный результат можно было увидеть, осмыслить и применить в реальной практической деятельности. Однако для получения результата необходимо научить студента мыслить, т. е. самому находить информацию, необходимую для решения той или иной проблемы, привлекая для этого знания из разных областей науки. Данный вид деятельности позволяет акцентировать внимание студента при обучении иностранному языку на активную мыслительную деятельность, которая требует для своего оформления владения коммуникативными средствами. Метод проектов решает главную дидактическую за-

дачу: творческое применение языкового материала, которое может превратить занятие в дискуссионный, исследовательский клуб, где обсуждаются интересные, практически значимые для студентов темы с учетом особенностей культуры страны изучаемого языка на основе межкультурной коммуникации.

Своеобразным активным методом, который следует применять на занятиях по иностранному языку, являются творческие игры. Несомненным является то, что игры и виды деятельности по решению проблем принадлежат области использования языка, а не его изучения. Практика показывает, что наибольший интерес для студентов представляют те ситуации, в которых отражаются проблемы, особенности, сложности их будущей профессиональной деятельности. К такому виду деятельности относится деловая игра. Несмотря на то, что те ситуации, которые обыгрываются в игре, не являются «реальными», языковое поведение соответствует воссозданию тех видов деятельности, которые происходят в реальной жизненной ситуации. Данный вид деятельности является также эффективным средством освоения элементов культуры, социального опыта, обучая работе в коллективе и через коллектив. Деловая игра позволяет преподавателю превратить рутинный процесс обучения в интересное и увлекательное занятие, поскольку коммуникация зависит не только от самого студента, но и от реального взаимодействия с другими студентами и преподавателем. Конкретная задача, которая стоит перед студентом, отвлекает от языка, так как является необходимым инструментом, а не конечной целью, смещая акцент с изучения иностранного языка к его усвоению. Данный вид деятельности воспринимается студентами с большим удовольствием, поскольку протекает в свободных от оценивания условиях и обозначенной позиции преподавателя.

Определенный уровень творческих способностей студентов развивает написание эссе по заданной теме, рецензия на просмотренный фильм или прочитанную книгу, участие в олимпиадах и конкурсах. Все перечисленные виды деятельности предполагают активную мыслительную деятельность и творческий подход.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что задачей преподавателя при использовании современных методов обучения на занятиях по иностранному языку является выполнение способов работы, а не конкретных заданий, поскольку внимание акцентируется не на преподавание, а на учение. Роль преподавателя – инициировать самостоятельную поисковую, творческую деятельность студентов, направлять на определение проблемы и поиск путей ее решения. Перечисленные виды деятельности характеризуются высокой коммуникативностью студентов, создавая прочную языковую базу, способствуя не только развитию творческих способностей, но и таких личностных качеств, как ответственностью за процесс в обучении, настойчивость, трудолюбие, внимательность, целенаправленность, самостоятельность.

В современном технологическом обществе от студента требуется творческое мышление, которое является важной составляющей его успешной деятельности, поскольку именно творчество представляет собой реализацию личностного смысла средствами культуры. От специалиста любой области требуется не только использовать объем накопленных знаний, но и умение самому придумывать и создавать нечто новое.

Библиографический список

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
Глызина В.Е., Горская Н.Е., Белоусова Е.С. Способы повышения творческой активности студентов на занятиях по английскому языку // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 6. № 3. DOI: 10.17150/2072- 0904.2015.6(3).39.
Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб.: Питер, 1999. 368 с.
Кудрявцев Т.В. Проблемное обучение: истоки, сущность, перспективы. М.: Знание, 1991. 80 с.
Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. 392 с.
Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981. 186 с.
Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Педагогика, 1972. 208 с.
Махмутов М.И. Современный урок. Изд. 2-е. М.: Педагогика, 1985. 184 с.
Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 304 с.
Рогонов П.П. Не знанием единым: о духовно-нравственной подготовке студентов // Высшее образование в России. 1996. № 4. С. 58–65.
Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 452 с.

References

Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979, 423 p. (In Russian).

Glyzina V.E., Gorskaya N.E., Belousova E.S. The ways to improve the creative activity of students in the English language classes. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoj akademii* [News of Irkutsk State Economic Academy], 2015, vol. 6, no. 3. DOI: 10.17150/2072- 0904.2015.6(3).39. (In Russian).

Druzhinin V.N. *Psihologiya obshchih sposobnostej* [Psychology of general abilities]. Sankt-Peterburg: Piter Publ., 1999, 368 p. (In Russian).

Kudryavcev T.V. *Problemnoe obuchenie: istoki, sushchnost', perspektivy* [Problem- based learning: origins, essence, perspectives]. Moscow: Znanie Publ., 1991, 80 p. (In Russian).

Leont'ev A.N. *Izbrannye psihologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works]. In 2 volume. Vol. 1. Moscow: Pedagogika Publ., 1983, 392 p. (In Russian).

Lerner I.Ya. *Didakticheskie osnovy metodov obucheniya* [Didactic basics of teaching methods]. Moscow: Pedagogika Publ., 1981, 186 p. (In Russian).

Matyushkin A.M. *Problemnye situacii v myshlenii i obuchenii* [Problem-based situations in thinking and learning]. Moscow: Pedagogika Publ., 1972, 208 p. (In Russian).

Mahmutov M.I. *Sovremennyj urok* [Modern lesson]. Moscow: Pedagogika Publ., 1985, 184 p. (In Russian).

Ponomarev Ya.A. *Psihologiya tvorchestva* [Psychology of creativity]. Moscow: Nauka Publ., 1976, 304 p. (In Russian).

Rogonov P.P. Not by knowledge alone: about students' spiritual and moral training. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 1996, no. 4, pp. 58–65. (In Russian).

Uznadze D.N. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]. Moscow: Nauka Publ., 1966, 452 p. (In Russian).

Критерии авторства

Горская Н.Е., Холдеева Е.Ю. провели исследование, оформили научные результаты и несут ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Gorskaya N.E., Kholdeyeva E.Yu. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Сведения об авторах

Горская Наталья Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 для технических специальностей, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, e-mail: natgo2012@yandex.ru

Холдеева Екатерина Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков для технических специальностей № 1, e-mail: ekaterina12081985@mail.ru

Author's Credentials

Natalya E. Gorskaya, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor of Foreign Languages Department No 1 for Engineering Fields of Study, Institute of Linguistics and Cross-cultural Communications, e-mail: natgo2012@yandex.ru

Ekaterina Yu. Kholdeyeva, Senior Lecturer of Foreign Languages Department No 1 for Engineering Fields of Study, e-mail: ekaterina12081985@mail.ru

УДК 378.1

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ В ТЕХНИЧЕКИХ ВУЗАХ

© А.Б. Денисова

Московский технический университет связи и информатики,
121108, Российская Федерация, г. Москва, ул. Авиамоторная, 8 А.

Аннотация: Образование – это процесс обучения и воспитания. Воспитание определяет целевую программу деятельности, формирует вектор потребностей личности, и сумма знаний и умений, полученная в процессе образования, направляется на реализацию тех задач, в тех формах и теми способами, которые соответствуют аксиологической шкале, сформированной в процессе воспитания. Появляющаяся в процессе обучения гражданская позиция личности в последствие проявляется во всех аспектах ее жизнедеятельности. Через систему высшего образования проходит большая часть молодежи. Формирование гражданской позиции студентов в условиях информационно насыщенного и открытого мира, актуальные сегодня проблемы национальной безопасности выводят на первый план задачи воспитания молодого поколения**.** Несмотря на провозглашенные на государственном уровне задачи по воспитанию гражданского самосознания, анализ показывает, что они недостаточно отражены в образовательных стандартах, определяющих содержание обучения студентов и, соответственно, слабо проявляются в учебном процессе. Федеральные государственные стандарты образования, усиленные создаваемыми профессиональными стандартами, направлены, прежде всего, на удовлетворение заказа современного рынка труда. По воспитательной деятельности не существует никаких обязательных нормативов, поэтому на сегодняшний день данная сфера (ее существование, развитие, наполненность и т. д.) находится на усмотрении администрации вуза. Особенно ярко эти тенденции отражаются на студентах технических вузов, гражданская позиция которых в виду специфики обучения формируется не благодаря учебному процессу, а под воздействием внешних, стихийных, часто негативных факторов.

Ключевые слова: *воспитательный процесс в вузе, образовательные стандарты, гражданская позиция, гражданское самоопределение, компетентностный подход*

Информация о статье: Дата поступления 20 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 7 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Денисова А.Б. Проблемы системы воспитания гражданской позиции студентов в технических вузах. *Социальная компетентность*. 2018;4(3):41–48.

THE PROBLEMS OF THE SYSTEM OF EDUCATION CIVIL POSITION IN TECHNICAL UNIVERSITIES

© Алла B. Denisova

Moscow technical University of communications and Informatics,
8 A Aviamotornaya St., Moscow 121108, Russian Federation

Abstract: Education is a process of learning and education. Education determines the target program of activity, forms the vector of needs of the person, and the amount of knowledge and skills obtained in the process of education is directed to the implementation of those tasks, in those forms and in those ways that correspond to the axiological scale formed in the process of education. Appearing in the process of learning the civil position of the individual is subsequently manifested in all aspects of her life. Most young people go through the system of higher education. The formation of the civil position of students in an information-rich and open world, the current problems of national security bring to the fore the task of educating the younger generation. Despite the proclaimed at the state level of the task of education of civil consciousness, the analysis showed that they are not sufficiently reflected in the educational standards that determine the content of student learning and, accordingly, are poorly manifested in the educational process. Federal state standards of education, reinforced by professional standards, are aimed primarily at satisfying the order of the modern labor market. On educational activity there are no mandatory standards, so today this area (its existence, development, fullness, etc.) is at the discretion of the administration of the University. Especially vividly these trends are reflected in students

of technical universities, whose civic position in view of the specifics of learning is formed not due to the educational process, but under the influence of external, natural, often negative factors.

Keywords: *educational process in high school, educational standards, civil position, civil self-determination, competence approach*

Article info: Received November 20, 2018; accepted December 7, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Denisova A.B. The problems of the system of education civil position in technical universities. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;4(3):41–48. (In Russ.).

Фундаментальная зависимость перспектив развития каждого отдельного человека от сформированных в процессе обучения и воспитания способностей и качеств личности подчеркивает приоритетную роль образования в XXI в. как сферы формирования институциональных основ личности, общества и государства. В современном законе «Об образовании в Российской Федерации» образование определено как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, воспитание – «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства». Создание условий для максимального удовлетворения потребностей студентов в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, по мнению многих исследователей (И.А. Зимняя, Т.К. Клименко, Н.Б. Крылова, Ю.М. Орлова, В.И. Слободчикова, С.Д. Резника), является главной задачей воспитательной деятельности. Однако самоопределение и самореализация индивида происходят в определенном государстве, гражданином которого он должен себя идентифицировать, и в обществе, в интересах которого необходимо действовать. Полноценное воспитание личности, ее социализация невозможны без гражданского определения, без сформированной гражданской позиции.

Демократия признает за человеком свободу выбора, в том числе и свободу в формах проявления гражданской позиции: пассивная, конформистская (потребительская), бунтарская (протестная), созидательная, антигражданская (отчуждение от государства, отрицание общепринятых ценностей). Воспитание определяет целевую программу деятельности, формирует вектор потребностей личности, а сумма знаний и умений, полученная в процессе образования, направляется на реализацию тех задач, в тех формах и теми способами, которые соответствуют аксиологической шкале, сформированной в процессе воспитания.

С одной стороны, процессы глобализации в нашем обществе воспитывают такие свойства, как профессионализм, ответственность, коммуникативность, работоспособность, умение работать в команде, способность организовать процесс независимыми от религиозных, национальных и других особенностей менталитета конкретного субъекта, так как они являются необходимыми для любого современного человека, а потому универсальными в качестве целей учебно-воспитательного процесса. С другой стороны, уровень профессионального обучения должен быть в совокупности с высоким уровнем патриотизма, гражданского сознания: не просто подготовка специалиста для рынка труда, а для труда на благо собственного государства, за счет которого он и получил профессиональную подготовку. Если недостаток профессиональных знаний достаточно быстро восполним, то для формирования умений и навыков делового взаимодействия и сотрудничества, социального поведения нужен достаточно долгий срок, а исправить ценностно-смысловые установки, доминирующие мотивации, личностные качества практически невозможно. Общенациональные духовные ориентиры, включенные в общую структуру личности, становятся частью профессиональной культуры. Это и является основной целью воспитания. Все остальные цели и задачи «удовлетворение потребностей личности в физическом, интеллектуальном, культурном и нравственном развитии»[1], самореализация, са-

[1] *Преподаватель вуза: технологии и организационная деятельность: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2010. 389 с. / Преподаватель вуза: технологии и организационная деятельность: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2010. 389 с.*

моопределение реализуются уже в рамках и на основе сформированной гражданской позиции индивида, его гражданской идентичности, осознания себя значимым элементом общественно-государственного строительства. Поэтому процесс формирования гражданской позиции является не отдельной обособленной категорией воспитательного процесса, не одним из его направлений, а его имманентной основой, институциональной функцией. Иначе результатом образования может оказаться «выбор Варвары Карауловой» – резонансный случай, когда студентка философского факультета Московского государственного университета, говорившая на пяти языках, направилась в ряды бойцов Исламского государства. Комментировавший данный инцидент Д. Киселев справедливо замечает, что «скорее всего, это поиск духовной точки опоры, ведь образование, когда оно – лишь объем знаний, а не объяснение смыслов и не воспитание собственного предназначения, точки опоры не дает. Если так, то по сравнению с "можно все" и "границ нет" привлекательными оказываются правила, пусть жесткие, но все же правила с понятными границами» (В халифат: выбраться из ловушки вербовщиков практически невозможно, 2015).

В условиях массовой коммуникации и глобализации современного общества информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) дают возможность получения любой информации в любое время, в любом месте простым нажатием кнопки. Благодаря отсутствию границ информационной среды могут возникнуть интересные особенности пересечения культур и трансферт обычаев, знаний и предпочтений, что оказывает в ряде случаев очень сильное влияние на человека, порождаемое оригинальностью или необычностью восприятия.

Однако множественная неучтенная площадка блогов (блогосфера), форумов, сайтов с миллионными аудиториями без территориального ограничения (трансграничность) является эффективным средством распространения различных идей и течений. Данная ИКТ предоставляет возможность коммуницирования с людьми, находящимися на значительном удалении, порождает культурную концентрацию (а может и культурную экспансию, так как уничтожает специфичность, национальную идентификацию). Так, например, Интернет способствует распространению несвойственных для российского общества языка, менталитета различных культурных, религиозных влияний (широкое распространение на православной почве самых разнообразных религиозных течений или ставшей популярной в России хип-хоп культуры).

Автор концепции транслокальности А. Аппадурай отмечает, что национальная целостность государств находится под угрозой из-за глобальных нарастающих потоков мигрантов, информации, товаров, имиджей и идеологий (Appadurai, 1996). Процессы глобализации создали ситуацию стирания различий, потери идентичности, которая провоцирует протестную активность, экстремистские настроения. Картина мира изменилась парадигмально, что поставило индивида в абсолютно новые условия существования. В мире сложилась определенная информационная среда взаимодействия людей – информационно-телекоммуникационное пространство, где поведение человека коррелируется не с объективной информацией об окружающих его объектах и событиях, а с коммуникативной информацией, содержащей мнения других людей об этих объектах, информационной мифологии. Из пяти компонентов схемы массовой коммуникации Г. Лассуэлла, которую он сформулировал в статье «Структура и функции коммуникации в обществе» (Lasswell, 1948) – кто сказал, что сказал, посредством какого канала коммуникации, кому и с каким результатом, можно объективно определить только – кто сказал и посредством какого канала. Любое событие существует не в реальности, а в информационном пространстве. Происходит так называемая «информационная ротация» – ничего не существует, если этого нет в ленте новостей, тем самым информационное пространство начинает обладать субстанциональными качествами и управлять человеком, поведение субъекта зависит от его информированности.

В рамках остро вставшей сегодня проблемы национальной безопасности важнейшей задачей становится противодействие организациям и структурам, распространяющим идеологию экстремизма и терроризма, деятельность которых направлена на дестабилизацию внутриполитической и социальной обстановки в стране, и конечной целью имеет нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации. Однако традиционные воспитательные системы и технологии перестали достигать ожидаемого результата, а влияние тради-

ционных агентов социализации (родители, учителя, друзья) перекрывается влиянием информации, поступающей благодаря развитию информационных и телекоммуникационных технологий. Запреты, изоляция, дозирование не могут полностью защитить от вредоносных, деструктивных информационных потоков. Формирование гражданской позиции, основанной на традиционных для российской культуры ценностях, идеалах, патриотизме, выступает методом противодействия личности, чуждым российской государственности влияниям, формирует неприятие экстремисткой идеологии, свойство «информационной устойчивости». Поэтому решение данной проблемы возможно только через модернизацию содержания воспитательных влияний и, как следствие, форм организации воспитательного процесса.

Формирование гражданской позиции учащихся именно высших учебных заведений имеет особое значение. Надо отметить важную общемировую тенденцию: если раньше высшее образование получал лишь небольшой процент населения, то сегодня численность получателей высшего образования достигает 80 %. Следовательно, вузовские воспитательные системы формируют бóльшую часть современной молодежи. «Молодежь, – как пишет И.М. Ильинский, – является зеркалом, в котором отражается та социальная действительность, в условиях которой она живет. Если в молодежной среде появляются проблемы, то это, прежде всего, вина социальной среды. Молодежь такова, каким является взрастившее ее общество» (Ильинский, 2011. С. 415). От уровня, степени развития гражданской позиции молодежи, сформированности потребности активного участия в жизни общества зависит решение многих проблем государства.

Выступая на X Съезде Российского Союза ректоров Президент подчеркнул: «Если мы с вами не сможем формировать, воспитать хорошего специалиста, у нас, конечно, не будет будущего. Это – очевидный факт. Нам нужны люди со специальными знаниями и навыками. Но если мы не сможем воспитать человека с широкими, глубокими, всеобъемлющими, объективными знаниями в гуманитарной сфере, если мы не воспитаем человека самодостаточного, но осознающего себя частью большой великой многонациональной и многоконфессиональной общности, если мы этого не сделаем, у нас с вами не будет страны. Чрезвычайно важная задача стоит перед нами в гуманитарной сфере». Роль воспитания, «повышение роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей; повышение качества преподавания русского языка, литературы, отечественной истории, основ светской этики, традиционных религий» подчеркивается Президентом в Стратегии национальной безопасности РФ.

Изменения современной системы российского образования связаны с информатизацией и компетентностным подходом, введенным в образование Федеральными государственными образовательными стандартами высшего профессионального образования третьего поколения (ФГОС ВПО) с 2009 г. В новых федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО, ФГОС 3+) кроме общекультурных (ОК) и профессиональных компетенций (ПК) появились общепрофессиональные компетенции (ОПК). При этом, по сравнению с предыдущими стандартами, сильно уменьшилось как количество ОК (в основном это идентичный перечень из 9 компетенций), сократилось и общее количество ПК, получаемых студентом в процессе обучения (например, в Московском техническом университете связи и информатики максимальное количество компетенций, получаемых выпускником, уменьшилось с 74 до 54). Тем не менее, число компетенций, которые должен получить выпускник на выходе из вуза, по разным направлениям подготовки остается неоправданно различным (от 22 компетенций, которые должен получить выпускник по направлению «информатика и вычислительная техника», до 54 по направлению «информационные системы и технологии»).

Во всех ФГОС ВО по направлениям подготовки, осуществляемым в Московском техническом университете связи и информатики (13 направлений бакалавриата и 1 специалитет), с некоторыми вариациями прописано, что выпускник должен обладать следующими общекультурными компетенциями (способностями):

– использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции;

– анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции;

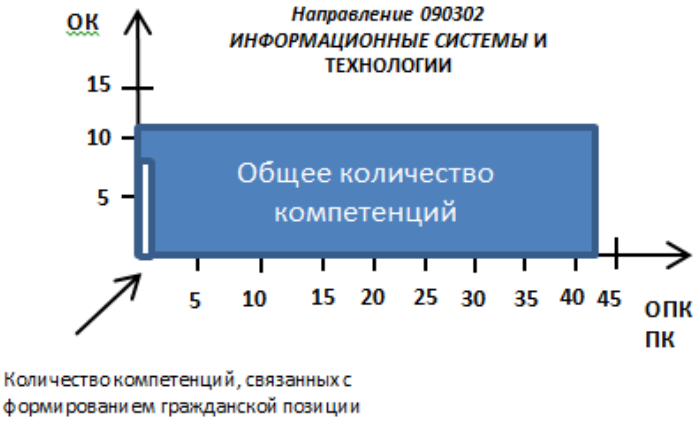
– использовать основы правовых знаний в различных сферах жизнедеятельности;

– работать в команде, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия;

– заниматься самообразованием и уметь сомоорганизовываться.

Почти ни в одном из рассматриваемых стандартов не встречается компетентность, связанная с осознанием социальной значимости будущей профессии, необходимостью формирования стремления личности к деятельности, способствующей развитию общества, формирования специалиста как гражданина, опоры на гуманистические принципы.

На основании высказываний Президента России, документов государственного уровня можно утверждать, что сегодня вновь признается, что воспитание и обучение – части единого образовательного процесса. Несмотря на то, что необходимо в содержание образования включать не только узкопрофессиональную деятельность, а деятельностные навыки мобильного специалиста, умеющего взаимодействовать, выступать в различных социальных ролях, имеющего гражданскую позицию, выводит воспитательную функцию учебного заведения на первый план наряду с обучающей функцией. Эта функция никак не отражена в документах, определяющих содержание образования в вузах, в образовательных стандартах, Приказе Министерства образования и науки РФ «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» воспитание даже не упоминается. Попытка поставить акцент на формирование ключевых компетенций в образовательном процессе в ФГОС ВПО, вновь нивелирована в ФГОС ВО. Компетенций, формирующих гражданскую позицию студента, в стандартах заложено минимальное количество. Например, в стандарте по направлению 090302 (имеющем наибольшее количество как общекультурных компетенций (11), так и профессиональных (6 общепрофессиональных и 37 профессиональных)) соотношение количества компетенций, связанных с формированием созидательно-активной гражданской позиции и общего количества компетенций, будет выглядеть так:



Соотношение количества компетенций, связанных с формированием созидательно-активной гражданской позиции, и общего количества компетенций

С 2011 г. воспитательной деятельности вновь нет в перечне показателей государственной аккредитации вузов (Приказ Министерства образования и науки РФ № 2253 от 2 сентября 2011 г.), хотя введение в 2002 г. процедуры оценки воспитательной деятельности вуза при прохождении им государственной аккредитации должно было повысить, и, как показала практика, повысило «ответственность высшего учебного заведения за качество высшего образования, включая качество воспитания личности будущего специалиста и гражданина. Важнейшей функцией данного показателя долгое время оставалось стимулирование вузов к работе со студентами и определение специальных требований государства к условиям и организации развития личности будущего специалиста» (Мотова). Так как по воспитательной деятельности не существует никаких

обязательных стандартов и нормативов, на сегодняшний день данная сфера (ее существование, развитие, наполненность) снова находится на усмотрении администрации вуза, а мониторинг индивидуальных процессов гражданского становления личности студентов происходит в лучшем случае на уровне наблюдения.

Посредством образования человек не столько получает определенный набор специальных знаний, сколько приобщается к определенной культуре мышления, поведения, общения, мировоззрения в целом, являющихся специфическими для выбранной профессиональной сферы. Специфика обучения студентов технических вузов определена образовательными стандартами, которые устанавливают прямо пропорциональную зависимость формирования образов, стереотипов мышления, поведения, а, значит, и формирования гражданской позиции от изучаемых дисциплин. Компетентностный подход – попытка привести образование в соответствие с потребностями рынка, социальным заказом на содержание образования со стороны потенциальных работодателей. ФГОС, усиленные создаваемыми профессиональными стандартами, направлены, прежде всего, на удовлетворение заказа современного рынка труда. В современных интеграционных условиях формирования международного рынка труда и геополитических изменений направленность образования на подготовку конкурентоспособного специалиста в соответствии с запросами рынка труда вступает в противоречие с национальными интересами, заключающимися в воспитании кадров, ориентированных на стратегические цели научно-технического, экономического, социального развития страны, решения общенациональных задач: «в интересах человека, семьи, общества и государства».

Вспомним Л.Н. Толстого, который говорил, что «… и воспитание, и образование неразделимы. Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно» (Толстой, 1953. С. 409). К. Поппер писал: «… Я считаю, что различать между информированием и воспитанием не только ложно, но и решительно непорядочно. Не может быть информации, которая не несла бы в себе определенную тенденцию. Это видно уже тогда, когда нужно выбирать, о чем люди должны быть информированы» (Пущаев, 2006. С. 6). Однако зачастую воспитательная деятельность в вузах возлагается на некоторые подразделения, считая, что в процессе обучения воспитанию можно не уделять внимания. Особенно это проявляется в учебном процессе технических вузов, где преподавательский состав в основном не имеет педагогического образования и, соответственно, овладение воспитательными методиками происходит во многом на интуитивном уровне. Как показывают исследования З.И. Васильевой, В.Т. Лисовского, В.Я. Ляудис, Р.Н. Щербакова, Е.В. Фешиной и других, многие преподаватели и управленческо-воспитательные структуры вузов не уделяют должного внимания воспитательному процессу, сосредотачивая свои усилия исключительно на проблемах передачи предметных и профессиональных знаний.

В процессе обучения практически отсутствует ориентация на позитивное отношение к получаемой специальности, осознание ценностей профессии, ее социальной роли, назначения и смысла, этического профессионализма, что является важной составляющей гражданской идентификации личности. Производственные практики зачастую носят формальный характер и не приобщают к профессии.

Учебными планами не предусмотрено обучение социальным поступкам, а потому адаптация выпускников вуза составляет 3–5 лет, при этом приобретение профессионального мышления выпускниками происходит быстрее, чем социальная адаптация. Трудности социальной адаптации, как процесса эффективного взаимодействия с социальной средой, затрудняют процесс интериоризации культуры в целом, самоидентификации себя в данном обществе, что не способствует развитию созидательной активности и проявлениям гражданственности.

Недостаточность традиционной системы образования проявляется и в изначальном отсутствии в ней нацеленности на решение задач по формированию и развитию коллективного взаимодействия, которое включает в себя освоение социальных ролей, управленческих компетенций, активную коммуникацию, развитие умений принимать и отстаивать свои решения, что требуется ФГОС в качестве социально-личностных компетенций выпускника, является обязательным минимум требований работодателя к молодому специалисту и вытекает из коллективного характера большинства видов деятельности (Денисова, 2016). Необходимо обучение не только

специальным знаниям и умениям, но и готовности к социальным отношениям (положительным взаимоотношениям, принятию другого человека и т. д.), навыкам рефлексии, умению видеть проблемы и их источник не только в профессиональной технической сфере, но и в социальной, а также умению их решать без ущерба для общества, брать на себя ответственность, что возможно только со сформированной гражданской позицией.

Данные тенденции (минимальный набор гуманитарных дисциплин в соответствии с государственным стандартом, недостаточность педагогических усилий воспитательной направленности, недостаточная подготовка преподавательского состава к работе в новых условиях, стремление ввести индивидуально-творческий подход при отсутствии необходимых диагностических навыков, попытки реализовать компетентностную модель образования, требующую формирования самостоятельности, активности, мобильности и других качеств, характеризующих конкурентоспособность будущего выпускника, на основе «знаниевых» технологий), делающие проблематичным реализацию новых стандартов образования и снижающие воспитательный потенциал учебных заведений, касаются более половины всех студентов, обучающихся в России: по данным Росстата, в 2015 г. из 1 109,9 тыс. выпускников государственных вузов было выпущено 408,2 тыс. специалистов инженерно-технических специальностей (Российский статистический ежегодник, 2016. С. 207). Следовательно, почти у половины выпускников высших учебных заведений гражданская позиция формируется не под воздействием образовательных, воспитательных технологий учебного учреждения, а в основном под воздействием внешних, стихийных факторов влияния, и граждан, готовых реализовать свою активность в позитивном русле, государство получает не благодаря, а во многом даже вопреки существующей системе высшего технического образования.

Библиографический список

В халифат: выбраться из ловушки вербовщиков практически невозможно [Электронный ресурс]. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2627331 (21.05.2018).

Денисова А.Б. Невозможность реализации требований ФГОС в рамках традиционной учебной деятельности в техническом вузе // Актуальные проблемы развития вертикальной интеграции системы образования, науки и бизнеса: экономические, правовые и социальные аспекты: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 1–2 декабря 2016 г.). Воронеж: Воронежский экономико-правовой институт, 2016. Т. 1. С. 77–82.

Ильинский И.М. Прошлое в настоящем. Избранное. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2011. 840 с.

Мотова Г.Н. Аккредитационные показатели. К истории одного критерия [Электронный ресурс]. URL: http://akvobr.ru/k_istorii_odnogo_kriteria.html (01.05.2018).

Пущаев Ю.В. Либерализм, квазилиберальные мифы и свобода СМИ (Карл Поппер о роли телевидения в обществе) // Вопросы философии. 2006. № 8. С. 3–14.

Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2016. 725 с.

Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. М.: Учпедгиз, 1953. 444 с.

Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Mineapolis. 1996.

Lasswell H.D. The structure and function of communication in society. In: Bryson, (ed.) The Communication of Ideas. New York: Harper and Brothers. 1948.

References

V khalifat: vybrat'sya iz lovushki verbovshchikov prakticheski nevozmozhno [Перевод]. Available at: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2627331 (accessed May 21, 2018).

Denisova A.B. *Nevozmozhnost' realizatsii trebovanii FGOS v ramkakh traditsionnoi uchebnoi deyatel'nosti v tekhnicheskom vuze* [Перевод]. *Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Aktual'nye problemy razvitiya vertikal'noi integratsii sistemy obrazovaniya, nauki i biznesa: ekonomicheskie, pravovye i sotsial'nye aspekty"* [Перевод]. Vol. 1. (Voronezh, December 1–2, 2016). Voronezh: Воронежский экономико-правовой институт Publ., 2016, pp. 77–82. (In Russian).

Il'inskii I.M. *Proshloe v nastoyashchem. Izbrannoe* [Перевод]. Moscow: Московский гуманитарный университет Publ., 2011, 840 p. (In Russian).

Motova G.N. *Akkreditatsionnye pokazateli. K istorii odnogo kriteriya* [Перевод]. Available at: http://akvobr.ru/k_istorii_odnogo_kriteria.html (accessed May 1, 2018).

Pushchaev Yu.V. Либерализм, квазилиберальные мифы и свобода СМИ (Карл Поппер о роли телевидения в обществе). *Voprosy filosofii* [Перевод], 2006, no. 8, pp. 3–14. (In Russian).

Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik [Перевод]. Moscow: Rosstat Publ., 2016, 725 p. (In Russian).
Tolstoi L.N. *Pedagogicheskie sochineniya* [Перевод]. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1953, 444 p. (In Russian).
Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Mineapolis, 1996.
Lasswell H.D. The structure and function of communication in society. In: Bryson, (ed.) The Communication of Ideas. New York: Harper and Brothers, 1948.

Сведения об авторе

Денисова Алла Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, e-mail: den-alla@yandex.ru

Author Credentials

Alla B. Denisova, PhD, associate Professor of philosophy and history, e-mail: den-alla@yandex.ru

Критерии авторства

Денисова А.Б. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Denisova A.B. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declare no conflict of interest.

УДК 378

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

© А.С. Колесников

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии,
199034, Российская федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. 7/9

Аннотация. В ходе истории западный университет эволюционировал от теологической модели через кантовско-гумбольдтовскую модель к корпоративной – всецело в русле монотопической герменевтики «Недостатки» кантовско-гумбольдтовского университета видимы (академическая свобода, поддержка научных исследований и видных ученых, организация науки и обучения, нацеленность на конкретную область знания, акцент на гуманитарном знании как понимании). Информационное общество, требования бизнеса и технотронный прогресс, потребовали улучшения системы образования. Университет стал корпоративным, взаимосвязанным с контролем производства и распространением знания через нано-био-инфо-когнитивную революцию. Инновационные проекты, направленные на реструктуризацию и интенсификацию обучения, трансформируют опытное обучение из описательного термина, относящегося к обучению человеческим отношениям, в концептуальную лексику, используемую в разных контекстах для объяснения и обоснования педагогического поведения, как в школе, так и в вузе. Концепция опережающего образования определяет знания, умения, которыми должны обладать люди XXI века, но и качества специалистов, для адаптации в быстро изменяющемся мире при решении ранее не известных проблем.
Интеграция образовательного пространства, с его ценностями, идеями, доминантами способствует определению места цивилизации уровнем развития интеллекта, культуры, творческих способностей человека, переноса приоритета с «выучить» - на «воспитать», с «учить» - на «научиться учиться». Этому способствуют онлайн-университеты, дистанционное образование, сайты обучающих курсов, мультимедийные уроки, экстернат и т.д. Реализация программы превращения корпораций в университеты потребовала принципиально новой философии образования и педагогики. Инициатива преобразований стимулируется формированием единого глобального пространства (мировой деревни) бытия народов, а также интегративными тенденциями, как на уровни теории и практики, так и образовательной политики. Основная тенденция развития образования в процессе глобализации выражается в его интеграции в мировой рынок услуг. Борьба за потребителя образовательной услуги происходит теперь именно в транснациональном культурном пространстве.

Ключевые слова: философия образования, инновационные методы, опережающее образование, образовательное пространство, дистантное образование, университет и корпорация.

Информация о статье: Дата поступления 12 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 14 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 29 декабряы 2018 г.

Благодарность: Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии

Для цитирования. Колесников А.С. Философско-методологические предпосылки новой парадигмы системы образования в условиях интеграции и глобализации // Социальная компетентность. 2018; 3(4):49–59.

A.S. Kolesnikov

St. Petersburg State University, Institute of philosophy,
Universitetskaya Emb. 7/9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract. During history the western university evolved from theological model through a Kantian- Humboldt model to corporate – entirely in line with monotopical hermeneutics. "Shortcomings" the university Kantian- Humboldt are seen (the academic freedom, support of scientific research and prominent scientists, the organization of science and training, aiming at concrete area of knowledge, emphasis on humanitarian knowledge as understanding). Information society, requirements of business and technetronic progress, demanded improvement of an education system. The university became corporate, interconnected with control of production and

distribution of knowledge through Nano-bio-info-cognitive revolution. The innovative projects directed to restructuring and an intensification of training transform skilled training from the descriptive term relating to training in the human relations to the conceptual lexicon used in different contexts for an explanation and justification of pedagogical behavior both at school, and in higher education institution. The concept of the advancing education defines knowledge, abilities which people of the 21st century, but also qualities of experts, for adaptation in the rapidly changing world have to possess at the solution earlier not of the known problems. Integration of educational space, with its values, the ideas, dominants promotes definition of the place of a civilization the level of development of intelligence, culture, creative abilities of the person, transfer of a priority with "to learn" - on "to bring up", with "to learn" - on "to learn to study". It is promoted by the online universities, remote education, the websites of training courses, multimedia lessons, the external studies, etc. Implementation of the program of transformation of corporations into the universities demanded essentially new philosophy of education and pedagogics. The initiative of transformations is stimulated with formation of uniform global space (the world village) of life of the people and also integrative trends, as on levels of the theory and practice, and educational policy. The top trend of development of education in the course of globalization is expressed in its integration into the world market of services. Fight for the consumer of educational service happens in transnational cultural space now.

***Keywords**: education philosophy, innovative methods, the advancing education, educational space, distantny education, the university and corporation*

Citating format. Kolesnikov A. S. Education philosophy in the context of anthropological measurement of history of philosophy//Social competence (In Russian).

Чтобы находить значимые направления развития истории философии, вместе со значимыми разработками в философии, стоит отметить, что все они имели влияние на содержимое и методы в философии образования. Марксизм, психоанализ, экзистенциализм, феноменология, позитивизм, постмодернизм, прагматизм, неолиберализм, несколько волн феминизма, аналитическая философия во всех её проявлениях - просто вершина айсберга. Особенно это касается влияния философии образования на университет. В ходе истории западный университет эволюционировал от теологической модели через кантовско-гумбольдтовскую модель к корпоративной – всецело в русле монотопической герменевтики. Основополагающие «недостатки» кантовско-гумбольдтовского университета, среди прочих, академическая свобода, поддержка государством научных исследований и видных ученых, занимающихся, кроме того, организацией науки и обучения, нацеленность на воспитание специалистов в определенной конкретной области знания, акцент на гуманитарном знании как понимании, а не на экспертном знании, основанном на объяснении.

Это «зло» пытаются преодолеть системы западного образования, вынужденные соответствовать информационному обществу, давлению иммиграции, требованиям бизнеса и технотронному прогрессу, нацеленные на улучшение системы образования, модернизацию и реформирование в соответствии с новыми вызовами XXI века. Корпоративный университет современности взаимосвязан с контролем производства и распространением знания через нано-био-инфо-когнитивную революцию. Инновационные проекты, направленные на реструктуризацию и интенсификацию, сталкиваются с противоречием: с одной стороны, стремлением к постоянному совершенствованию профессионального развития преподавателя, опору на новации в учебном процессе, а с другой - бюрократией, стандартизацией, нацеленностью обучения на конечный продукт. Так формируется необходимость внешней оценки деятельности и школ, и вузов, открытости результатов педагогического процесса, смены приоритетов в оценке студентов и преподавателей, сотрудничающих в реализации инновационных моделей. Стоит отметить особо возрастающую роль учителя в воспитании учащихся в современном обществе, его инновационную готовность. Эти инновационные процессы интернациональны и глобальны.

Флауэр описал пять основных принципов изменений в обучении: рачительное использование ресурсов, щедрые отношения, изобилие информации, распределенная власть и ясный смысл цели [1, p. 37]. Шварц перечислил несколько руководящих принципов для того, чтобы справиться с изменениями. [2, p.3] Он заявил, что успешное изменение требует участия субъекта обучения, непрерывной обратной связи, системы наград и развития норм. В свою очередь коллектив авторов предложил структуру организационной поддержки изменения: необходимо

учитывать личное мастерство (поощрение всех членов в творческом развитии), умственные модели (размышление о мире), разделенное видение (построение обязательств в пределах группы), чувство команды (содействие друг другу), и признание взаимосвязей различных форм обучения [3].

Инновационные методы в университетах

Однако возникает спор, что называть *инновационными методами*. Так Аризонский и Мичиганский университеты признали таковыми методы занятости (employment practices), методы объединения через искусство (Arts focus/integrated arts), компьютерный метод (Computer-based), технологической поддержки, основное знание (Core knowledge), использование большого книжного центра (Great books focus), маркетинг, методы Монтессори или метод «назад-к-основам» ("back-to-basics" approach), акцент на разнообразные умственные способности (Multiple intelligences emphasis), саксонскую математику, методы Вальдорфа, модульное обучение, не градуируемые классы (Non-graded classes), тематический учебный план (Thematic curriculum), деловой центр (Business focus), портфолио, меньший размер класса, использование рекламной деятельности (Use of advertising), сосредоточенность на учащемся (Child-centered), активное изучение (Active learning) [4; 5;6].

Другие авторы называют инновационными мульти возрастные группы (Multi-age grouping), тематические инструкции (Thematic instruction), профессиональный подход (Vocational), методы занятости (Employment practices), последовательную миссию (Coherent mission), расширенный список предметов (Extended schedule), плату за заслуги (Merit pay), родительские контракты (Parent contracts), программы "до и после школы" (Before-and-after-school programs), программы для одаренных и талантливых (Gifted and talented programs), экологический центр (Environmental focus), музейный подход к образованию (Museum-type approach), академическую суровость (Academic rigor), учебный план Эдисона (Edison curriculum), маркетинг, этнический центр (Ethnic focus) [7; 8].

Есть и такие инновационные методы, как управляемый преподавателем кооператив (Teacher-run co-op), проекты социального обеспечения (Community service projects), афроцентрический подход (Afrocentric focus), центр слушания (Hearing-impaired focus), кодекс поведения (Code of conduct), дисциплиноемкий метод (Discipline-intensive), измерение на основе учебного плана (Curriculum-based measurement), совместное изучение (Cooperative learning), дополнительный просмотр (De-tracking), обучение команды (Team teaching), практическое изучение (Hands-on learning), изучение на основе проекта (Project-based learning), использование компьютеров, мульти дисциплинарный (Multidisciplinary) [9]. К ним добавляются методы управления и операций (Management and operations), корпоративное управление (Corporate governance), учебные планы на основе этнической принадлежности (Ethnicity-based curricula), технологический подход (Technology theme), акцент школы на работе (School-to-work focus), целевые школьные программы (Whole-school programs), центр знания основ/ядра (Basics/core knowledge focus), центр гражданства (Character/citizenship focus), акцент на разные культуры (Multicultural emphasis), акцент на услуги (Contracting for services), действующий на протяжении всего дня детский сад (All-day kindergarten), финансовые меры (Finance arrangements), студенческие униформы (Student uniforms) [10, p.414-415].

Эти модели помогли трансформировать опытное обучение из описательного термина, относящегося к обучению человеческим отношениям, в концептуальную лексику, используемую в разных контекстах для объяснения и обоснования педагогического поведения, как в школе, так и в вузе.

Опережающее образование

Ориентация на будущее — ключевая идея опережающего образования для XXI столетия. При формировании концепции опережающего образования представляется исключительно важным не только определить те знания и умения, которыми должны обладать люди XXI века, но и, в первую очередь, понять, какими именно качествами должны обладать эти люди, для того

чтобы они смогли адаптироваться в быстро изменяющемся мире, использовать его новые возможности и решать новые, ранее не известные проблемы. В первую очередь это критическое мышление и навыки в решении проблем; творческий потенциал и навыки по внесению и разработке новшеств; навыки сотрудничества и междисциплинарности; владение информацией и навыки грамотности, важные для работы в СМИ; контекстные навыки изучения материала; навыки организации и участия в циклическом процессе сотрудничества. Новая компетентность необходима, чтобы успешно вести работу при быстром изменении мира. Прежде всего, востребованы люди с технологическим здравым смыслом, быстрой коммуникацией, навыками наблюдения и аналитической способностью, информационной адаптируемостью. В числе наиболее важных среди этих качеств некоторые исследователи выделяют: ноосферное сознание; системное научное мышление; информационную и экологическую культуру; творческую активность; толерантность; высокую нравственность.

Эти навыки позволяют молодежи успешно жить и работать в условиях XXI века. Но имеют ли учащиеся, приближающиеся к завершению обязательного образования, знания и навыки, необходимые для полноценного участия в жизни общества? Что можно назвать навыками XXI столетия? Несмотря на интенсивные реформы в образовании в современном мире, исследователи указывают на стабильность и устойчивость каждодневной школьной практики – методов, тезауруса, содержания [11;12, p.115-136]. Что стало очевидным, так это появляющийся акцент на личный выбор и индивидуальное действие преподавателя - ключевые компоненты «поздней (пост) современности» или общества постмодерна [13].

Условия существования человечества в XXI веке настоятельно требуют скорейшего перехода к новой стратегии развития общества на основе широкомасштабного использования знаний и информации как стратегических ресурсов развития, а также перспективных высокоэффективных технологий как основных инструментов этого развития. Именно поэтому в последние годы в мировом научном сообществе начинает все более четко осознаваться возрастание роли образования в процессе дальнейшего развития цивилизации. При этом система образования начинает восприниматься уже не только как важнейший фактор технологической, социально-экономической и культурной эволюции той или иной страны, но также и как стратегический фактор выживания цивилизации.

Образовательное пространство

Особую важность приобретает образовательное пространство, которое со своими ценностями, идеями, доминантами в современном мире многократно возрастает, поскольку место цивилизации определяется, прежде всего, уровнем развития человека, его интеллекта, культуры, творческих способностей. Уровень образования, состояние образовательного пространства определяет отношения между экономически развитыми и трансформирующимися сообществами. Для формирования образовательного пространства необходимы целый ряд факторов: накопленная культура, литературный язык с развитой лексикой, широкий доступ к разнообразной литературе, сложившиеся и устоявшиеся методы обучения, успешно функционирующие школы различного уровня, в том числе и научные, успешно адаптирующийся к социальным условиям корпус преподавателей, способных быть подлинными движителями знания и культуры. Только при этих условиях образовательное пространство способно обеспечить прогресс и гармоничное развитие всех без исключения цивилизаций на путях передачи, адаптации и ассимиляции лучших цивилизационных достижений.

Так, деколонизация культуры, сознания, мышления и знания в развивающихся странах непосредственно связана как с развитием цивилизационного обмена, так и с переосмыслением роли социальных и гуманитарных наук и вообще образования. Предлагается новая геополитика знания в новой, формирующейся сегодня парадигме трансверсальной философии, философии пересекающихся плато и сфер, уже как фактор теоретико- познавательного неповиновения европоцентричным моделям модернизма. Подобное взаимодействие образовательных пространств различных цивилизаций заставляет говорить уже не о транс-культурных, а о транс-ценностных, транс-эпистемологических гуманитарных науках, освобожденных от влияния сциентизма и фактографии. Стремление образовательных систем отдельных стран и регионов

к сближению и сотрудничеству стало объективной реальностью сегодняшнего дня и, несомненно, нуждается в научном осмыслении и анализе. Вопрос о предпосылках, закономерностях и перспективах интеграционных тенденций в современной высшей школе далеко выходит за рамки гуманитарной науки, превращаясь в крупную философскую, социально-экономическую, культурологическую и психологическую проблему.

Интеграции образовательного пространства способствует не только внутренняя логика развития образования, выявление и реализация его фундаментальных целей и идеалов, но и господствующие в мировой культуре тенденции. Вхождение в единое мировое образовательное пространство народов предполагает установление глобального диалога культур и ментальностей, религий и педагогических систем. При всей очевидной общности исторических судеб народов разных регионов планеты еще предстоит уяснить глубинные, идейные основания, которые определяют направление и характер развития культуры и образования.

Глобализирующийся мир и трансформация образования взаимосвязаны в решении главных вопросов жизни обучающихся. Среди них: какие мировоззренческие принципы формируются в обществе? Как и в чьих интересах трактуется мировая история и история нашей страны? Чем переполнены средства массовой информации, навязывающие чуждые ценности, насилие, бездуховность, зомбирующие молодых людей? По каким законам и, главное, в чьих интересах развивается экономика нашей страны? Каким будет грамотность населения нашей страны после нескончаемых реформ образования? Эти вопросы заставляют педагогов каждодневно искать ответа на вопрос: «Что делать?» Видимо, приоритет должен быть перенесен с «выучить» - на «воспитать», с «учить» - на «научиться учиться». И здесь передовой опыт зарубежных учебных заведений всех уровней должен быть воспринят с поправкой на наши условия и менталитет.

Образование в широком смысле сталкивается не столько с появлением новых научных дисциплин, претендующих на завершающий науку синтез или с конкуренцией между различными методологическими подходами, сколько со сменой фундаментальных принципов познания и педагогикой, пытающейся донести их до учащихся и выработать модель деятельности на практике. Этому способствует появление новых профессий. Согласно прогнозам «Сколково» к 2030 году появится 136 новых профессий. Среди них, например, экоаналитик в строительстве, космогеолог, оценщик интеллектуальной собственности, цифровой лингвист.

Мир и система образования, неразрывно связанная с социумом, динамично меняются. Появились онлайн-университеты, дистанционное образование, сайты обучающих курсов, мультимедийные уроки, экстернат и т.д. Так, дистантное образование - самый известный проект Coursera- при сотрудничестве со Стэнфордом, Принстоном, Мичиганским и Пенсильванским университетами создаются бесплатные курсы на абсолютно разные темы: медицина, математика, физика, биология, искусство, экономика, информатика. Слушателям доступны текстовые и видеоматериалы, есть возможность пообщаться с преподавателями и сокурсниками на форуме, выполнить задание и сдать экзамен. Преподавание начиналось исключительно на английском, а затем перешло и на другие языки – китайский, испанский, французский, русский, португальский. Русским аналогом стал проект «Лекториум» (www.lektorium.tv). На сайте представлена коллекция видео лекций лучших лекторов России. На базе ресурса проходят массовые открытые онлайн-курсы по разным дисциплинам Слушателям, выполнившим определенный процент домашних и экзаменационных работ, университетом, организовавшим курс, может быть выдан сертификат. Еще один популярный ресурс – The Open University (www.open.ac.uk). Этот британский университет открытого образования был основан указом ее Величества королевы Великобритании в 1969 г. Основная идея заключается в том, что получить образование могут все желающие в удобном для них месте и в удобное время. Тем, кого увлекают новые идеи, стоит заглянуть на сайт www.ted.com (Technology Entertainment Design). Здесь размещаются лекции и публичные выступления известных людей. Например, можно послушать знаменитого биолога Джеймса Уотсона или физика Марри Гелл-Мана. Многие выступления уже переведены на русский язык.

На карте российских EdTech-стартапов сегодня есть проекты самых разных ниш. Больше всего – в сегменте массовых открытых онлайн-курсов («Открытое образование», «Постнаука»),

популярны языковые курсы (SkyEng, Lingualeo), корпоративное образование (Zillion? Eduson), обучение IT-специальностям (Нетология), обучение для детей (Кодабра, Алгоритмика).

Техническое создание все новых и новых технических «заменителей» уводит человека от бытия в глубь «пещеры», к бессмысленному созерцанию и изучению теней на стене, сидючи прикованным к дидактически обусловленной парте. Эти успешные заместители ведут к разобщенности и неустойчивости суперконструкций. Нужна такая деконструкция гимнастики ума, души и тела, которая позволит вывести бытие из забвения, т.е. - подойти к его порогу с соответствующей страховкой и проводником («сталкером-фасилитатором»). Важно обратить внимание на возможность образовательных технологий, находящихся в спектре между социальной техникой и «техникой» жизни, работающих с личностями, мыслящими критически, с рефлексией, отказывающейся от готовых истин. Эти усилия должны привести к деконструкции самих оснований знания и обучения.

И такие подвижки уже намечаются, когда вуз совмещает коммерциализацию, глобализацию и цифровизацию общества с традиционными человеческими ценностями. Выполнение этого совмещения требует создание технопарков, бизнес-инкубаторов, экспериментальных заводов. Вуз будущего это предпринимательский университет, где студентов учат не только знаниям, умению разрабатывать ноу-хау, но и тому, как их прибыльно реализовать.

Университет и корпорация

Что же сегодня действительно происходит с университетом? Дело в том, что университет становится корпорацией, занимающейся предоставлением образовательных услуг. Раздаются призывы к тому, что «не университеты должны быть корпорациями, а корпорации частично должны превратиться в университеты». В реальности так и происходит уже и в нашей стране. В этом случае гуманитарная роль университета все более истончается. Деррида говорит уже о «профессии веры преподавателя», который не желает стать предателем собственной повседневной практики. Так возникает вопрос о вере в университет, а в пределах университета – о вере в будущее гуманитарных наук. Университет в наши дни – это условия. В будущем он должен существовать без условий, но почему и в чем?

Европейская модель университета после богатой и сложной истории Средних веков стала «классическим образцом», распространившимся в государствах демократического типа и господствовавшим более двух столетий. Помимо академической свободы этот университет должен предоставить безоговорочную свободу подвергать сомнению и утверждать право публичного высказывания относительно того, что необходимо для исследования, знания и мысли, касающихся истины. «Университет выражает истину, и это его профессия» – заявляет Деррида[1]. Образование, просвещение всегда связывались с решением проблемы человека. На этих понятиях и была основана историческая идея гуманитарных наук. Термину глобализация Деррида предпочитает французское слово "*mondialisation*"[2]. Оно формирует горизонт обсуждения того, что надлежит человеку: его назначение, права, борьба против бесчеловечности. Все обсуждения, касающиеся истины в сферах человеческого общежития, должны быть безусловными в пределах университета, и, прежде всего, в гуманитарных науках, чтобы найти оптимальный доступ к новому общественному месту, преобразованному новыми методами коммуникации, архивизации и производства знаний. Здесь возникает серьезный вопрос о взаимосвязи между университетом и экономической политикой государства.

Глобальные процессы и проблемы, кризисы привычных для человечества идентичностей с чрезвычайной силой выдвигают на передний план философской рефлексии вопрос о самой сущности философии, ее месте и роли в новой ситуации поиска ответов на традиционные вопросы человеческого бытия в контексте современной ситуации. При этом одной из главных

[1] Без сомнения, статус и изменения ценности истины могут обсуждаться бесконечно. Истина может пониматься, как консенсус, как открытие, как объект теоретико-констативного дискурса. Но местом такого обсуждения, несомненно, должен быть университет.

[2] Термин Деррида можно перевести как распространение на весь мир. При этом под миром понимается светское сообщество, находящееся под внимательным наблюдением международного права.

становится проблема формирования *новой философии образования*, от решения которой зависит, в том числе, и будущее самой философии как теоретического способа обоснования места человека в мире. Более того, этот вопрос связан также с формированием единого европейского образовательного пространства.

Новая философия образования и интегративные тенденции

В это же время во многих странах мира идут всевозможные реформы устоявшейся системы образования и воспитания, выработанной в прошлые века. Требуется принципиально новая философия и педагогика образования. Дело в том, что инициатива преобразований исходит не от университетов, а от правительственных институтов и бизнес сообщества, ставящих перед собой принципиально иные задачи, нежели стоящие перед университетами. Формирование единого глобального пространства (мировой деревни) бытия народов, повлекли за собой не только открытость рынка труда для граждан, но и миграционные процессы, процессы идентификации культур и цивилизаций, на передний план выдвинулись вопросы социально-экономического характера. Проблема необходимости адаптации новых граждан и целых стран к определенным устоявшимся реалиям современного мира может быть решена двумя путями: либо установлением ограничительных барьеров, что противоречило бы новому космополитизму и становящейся мировой культуре, или созданием новых измерений образовательных, профессиональных, социальных реалий, являющихся как бы общим знаменателем традиций разных стран, основавших европейское сообщество, как и африканское, арабо-мусульманское, латиноамериканское, юго-азиатское сообщества в политическом смысле этого слова, и возможностей их новых членов.

Болонский процесс представляет второй путь развития, позволяющий осуществить корреляцию разнородных интересов, потребностей, ценностей. Остается вопрос о содержании образования, что и позволяет говорить о формировании новой философии образования. Формирование общего образовательного пространства требует высокого уровня образования и связано с общим рынком товаров, услуг и капитала. При этом возникают проблемы в связи со стандартизацией в воспитании и образовании. Философия – это не столько философское пространство, сколько само философское мышление, способное к проблематизации. Эту проблематизацию представляет нам и традиция философии образования. Продолжая и дополняя идеи философов, формируя собственное поле рефлексии, философия образования отбрасывает маргинальность предметной области и ставит жизненно важные вопросы.

Традиционно европейская философия образования основывалась на идее «образованного человека», а образование Гадамер относил к «ведущим гуманистическим понятиям». Сейчас же это способ преобразования природных задатков и возможностей. Образование - это «творение» самого универсального человека. Университет соответствует такому пониманию, ибо он дает универсальное образование. Становление новой парадигмы образовательной деятельности, адекватной существующей социальной реальности, может быть обозначено как переход от преподавания уже готового и проверенного знания к обучению методам его самостоятельного усвоения, рефлексии и оценки [14]. Выпускникам, имеющим высокие профессиональные качества, не хватает *soft skills*, мягких навыков: умения разрешать конфликты, убеждать людей, заниматься менеджментом, обладать социальными навыками и способами максимально быстро адаптироваться к изменениям.

Обучение – намеренная и моральная деятельность: она предпринимается для определенных образовательных целей в соответствии с принятыми социальными принципами и требованиями эффективности. В любой культуре *обучение* требует *внимания* к диапазону *императивов*: *прагматических*, в первую очередь, но также и *эмпирических, этических и концептуальных*. Преподаватель выражает в своей практике не только свои частные ценности, но также и воплощенные в политике вуза, района, этноса и государства. Проблема здесь не только в эффективности или профессиональной компетентности педагогов. Общекультурные ценности индивидуальной свободы действия, индивидуальности обучающихся могут быть сверены с целями образования и обучения.

Есть еще один фактор в трансформации образования. Это – формирование *интегративных тенденций,* как на уровни теории и практики, так и образовательной политики. Под интеграцией понимается, конечно, внутренний для мирового образования процесс перехода от простой совокупности национальных систем к целостной системе мирового образования, это кропотливая работа соединения принципиальных основ образования, переход в новое качество. Это внутренне взаимосвязанная и взаимообусловленная целостность, обладающая свойствами, отсутствующими у составляющих ее компонентов. Это открытие новых связей и отношений между компонентами путем включения в новые системы связей. Поскольку сложились разные подходы к пониманию образования, то, вероятно, необходима работа по рефлексии оснований подобных подходов и установлению правил интеллектуальной коммуникации этих подходов [15, с.13]. Успешно развивается интернационализация в образовании посредством сравнительных анализов текущего образовательного дискурса о математике, науке, технологии, гуманитарных наук. Может, действительно, стоит создать глобальный *curriculum*?

С другой стороны, интегративные тенденции имеют амбивалентный характер, включают как единство процессов диверсификации и конвергенции, так и двойственность самого механизма развития и функционирования образования, причем на уровнях образовательной теории, политики и практики. Дело в том, что, обсуждая процессы компаративного образования [16] с использованием таких понятий как "устойчивое развитие", "информационная революция", "диалог культур", "глобализация", "интернационализация", "поликультурализм", "золотой миллиард", и ряда других, мы говорим о качественных изменениях исторических способов жизни, смене мировоззренческих и духовных оснований современной цивилизации. Есть еще и проблема смены ценностей. Раскол по линии ценностей проходит не только между Западом и Востоком. Оказалось, что и Запад состоит из разных цивилизаций – европейской и американской. В них много общего, но они далеко не тождественны. Переоценка ценностей, о которой говорится с 90-х годов XIX века, сейчас достигла не только мировых масштабов, но проявляется во всех культурных регионах и оказывает влияние на все стороны повседневной жизни, в том числе, и, в первую очередь, на сферу образования: "Эти изменения амбивалентны по своей природе: это одновременно и выражение кризиса, и симптом обновления. Нет призмы, через которую можно было бы объективно взглянуть на характер и последствия перемен, поскольку сами эти перемены напрямую связаны с отсутствием и поиском такой призмы", – отмечает автор [17, с. 11].

Образование, как один из каналов реализации культурных норм, требует не готовых механизмов и не одиночные акты отношения нормы к реальному действию в ограниченном рамками культурном контексте, то оно должно обеспечивать полный цикл воспроизводства культуры и деятельности, призывает включить в себя весь механизм такого воспроизводства - прошлое, настоящее и будущее. Все знания о человеке представляют собой некую интегративную систему, как и сам человек, тогда как система знаний – это лишь небольшой фрагмент, неполный и неточный "слепок" с системы самого человека, ибо природа человека является многомерной и нелинейной. Тенденции развития международного образовательного обмена противоречивы. Здесь и унифицирующая адаптация образовательных программ к нуждам глобального бизнеса и неолиберальным экономическим стратегиям «гибкого накопления», заимствование в деятельности высшей школы рыночных практик, сокращение цикла гуманитарных дисциплин, развитие «технонаук», соединяющих прикладные исследования и технологические инновации, и осознание необходимости формирования мультикультурной идентичности в процессе обучения.

Образование в определенной мере пытается снять эту противоречивость, ибо несёт на себе двойную нагрузку - межкультурной передачи культурных ценностей и мировидения и поддержания социальной стабильности в обществе. Хотя основная тенденция развития образования в процессе глобализации выражается в его интеграции в мировой рынок услуг. Большинство мер, направленных на полномасштабное включение образования как сферы бизнеса в сеть глобальных и местных экономических взаимосвязей, и взаимозависимостей, подобны приёмам, характерным для экономики постиндустриального общества. Борьба за потребителя образовательной услуги происходит теперь именно в транснациональном культурном простран-

стве. Ярким примером диалога европейской культуры с «глобальным контекстом», призывающим содействовать воспитанию у студентов и всех граждан чувства причастности к совместным ценностям и общему культурному пространству, является Болонская декларация, согласно которой проблему воспроизводства локального и универсального предлагается решать через содержательное наполнение образовательных программ. Позитивному решению задач в этой сфере будут способствовать и пограничные науки - социолингвистика, лингвофилософия, философская компаративистика, философское страноведение, социокультурные исследования и т.п.

Специальный выпуск *Comparative Education* 2000-го года стал отправной точкой для обсуждения проблемы границ образования и вопросов необходимости их поддержания [18]. Философия образования ориентируется на новые направления: технически - ориентированную эпистемологию, философию науки и даже метафизику, поскольку области социальной, политической и моральной философии взаимосвязаны. Появляются обзоры, типа **«**Компаньон к философии образования» [19], включающих более, чем шестьсот страниц, подразделенных на сорок пять глав. Представим только некоторые из них: сексуальное, специальное и эстетическое образование, теории преподавания и изучения, религиозное образование, знание и истина в обучении, культивировавшем разум, измерение обучения, мультикультурное образование, образование и политика тождества, образование и стандарты живого, мотивация и управление аудиторией, феминизм, критическая теория, постмодернизм, романтизм, цели университетов в наш век, высшее и профессиональное образование. Есть антологии по философии образования, [20] гиды, [21] истории философии образования, [22; 23; 24; 25], исследования методов философии образования. [26;27]. И этот процесс поиска в философии образования и педагогике продолжается.

Библиографический список

Flower, J. (1996). The five fundamentals of dealing with change // Physician Executive, 22(8).

Schwartz, A. (1994). Eight guidelines for managing change// Supervisory Management, 39(7).

Senge, P. M., Kleiner, A., Roberts, C., Ross, R. B., and Smith, B. J. (1994). The fifth discipline field book: Strategies and tools for building a learning organization. New York: Doubleday.

Gifford, M., Phillips, K., & Ogle, M. (2000). Five-year charter school study (Arizona Education Analysis).

Phoenix, A.Z: Center for Market-Based Education, Goldwater Institute. 2000.

Maranto R., Milliman S., Hess F. & Gresham A. (Eds.) (1999) School choice in the real world: Lessons from Arizona charter schools. Boulder, CO: Westview Press

Teske, P., Schneider, M., Buckley, J., & Clark, S. (2000). Does charter school competition improve traditional public schools? New York: Manhattan Institute for Policy Research.

Triant, B. (2001). Autonomy and innovation: How do Massachusetts charter school principals use their freedom? Washington, DC: Thomas B. Fordham Foundation. 2001.

Lange, C., Lehr, C., Seppanen, P., &Sinclair, M. (1998). Minnesota charter schools' evaluation: Final report. Center for Applied Research and Educational Improvement, College of Education and Human Development, University of Minnesota.

Lubienski Christopher. Innovation in Education Markets: Theory and Evidence on the Impact of Competition and Choice in Charter Schools //American Educational Research Journal Summer 2003, Vol. 40, No. 2

Alexander, R. (2000) Culture and pedagogy: international comparisons in primary education (Oxford, Blackwell).

Hufton, N. & Elliott, J. G. (2000) Motivation to learn: the pedagogical nexus in the Russian school: some implications for transnational research and policy borrowing // Educational Studies, 26.

Inglehart, R. & Welzel, C. (2005) Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence. Cambridge, Cambridge University Press.

Parker, S. (1997). Reflective teaching in the postmodern world. Buckingham: Open University Press.

Розин В.М. Предмет и статус философии образования // Философия образования: Сб. научн. статей / Отв. ред. А.Н. Кочергин. – М.: Фонд "Новое тысячелетие", 1996.

Соколова И.И., Колесников А.С. Современная зарубежная компаративная педагогика и философия образования. СПб.: ВАС, 2016.

Талалова Л.Н. Интеграционные процессы в образовании: контекст противоречий. М., РУДН, 2003.

Comparative Education, 2000, 36 (3).

Curren, R., (ed.), 2003, Companion to *Philosophy of Education*, Oxford: Blackwell.

Curren, R., (ed.), 2007, *Philosophy of Education: An Anthology*, Oxford: Blackwell.

Blake, N., Smeyers, P., Smith, R., and Standish, P., (eds.), 2003, *The Blackwell Guide to the Philosophy of Education,* Oxford: Blackwell.
Carr, D., 2003, *Making Sense of Education: An Introduction to the Philosophy and Theory of Education and Teaching, London*: Routledge Falmer.
Chambliss, J., 1996, "History of Philosophy of Education", in *Philosophy of Education: An Encyclopedia,* J. Chambliss (ed.), New York: Garland.
Murphy, M., (ed.), 2006, *The History and Philosophy of Education: Voices of Educational Pioneers,* New Jersey: Pearson.
Rorty, A., (ed.), 1998, *Philosophers on Education: New Historical Perspectives*, New York: Routledge.
Philosophy of education: major themes in the analytic tradition / edited by Paul H. Hirst and Patricia White. London; New York: Routledge, 1998. 4 v. v. 1. Philosophy and education -- v. 2. Education and human being -- v. 3. Society and education -- v. 4. Problems of educational content and practices.
Methods in philosophy of education / edited by Frieda Heyting, Dieter Lenzen, and John White. London; New York: Routledge, 2001.

References

Rozin V.M. Predmet I status filosofii obrazovaniya [Subject and status of philosophy of education]// Filosofiya obrazovaniya: Sb. Nauchn. Statei -. Compendium science articles / Otv. edition A.N. Kochergin. – M.: New Millennium fund, 1996. Page 13. (In Russian).
Sokolova I.I., Kolesnikov A.S. Sovremennaiya zarubegnaiya pedagogika I filosofiya obrazovaniya [Sokolova I.I., Kolesnikov A. S. Modern foreign comparative pedagogics and philosophy of education. SPb.: Military Academy of Communication, 2016] (In Russian).
Talalova L.N. Integracionnie processi v obrazovanii: context protivorechii. [Talalova L.N. Integration processes in education: context of contradictions. M, RUDN, 2003. Page 11].
Alexander, R. (2000) Culture and pedagogy: international comparisons in primary education (Oxford, Blackwell).
Blake, N., Smeyers, P., Smith, R., and Standish, P., (eds.), 2003, *The Blackwell Guide to the Philosophy of Education,* Oxford: Blackwell.
Carr, D., 2003, *Making Sense of Education: An Introduction to the Philosophy and Theory of Education and Teaching, London*: Routledge Falmer.
Chambliss, J., 1996, "History of Philosophy of Education", in *Philosophy of Education: An Encyclopedia,* J. Chambliss (ed.), New York: Garland, pp.461-72.
Comparative Education, 2000, 36 (3).
Curren, R., (ed.), 2003, Companion to *Philosophy of Education*, Oxford: Blackwell.
Curren, R., (ed.), 2007, *Philosophy of Education: An Anthology*, Oxford: Blackwell.
Flower, J. (1996). The five fundamentals of dealing with change. // Physician Executive, 22(8), 37.
Hufton, N. & Elliott, J. G. (2000) Motivation to learn: the pedagogical nexus in the Russian school: some implications for transnational research and policy borrowing // Educational Studies, 26, 115–136.
Gifford, M., Phillips, K., & Ogle, M. (2000). Five-year charter school study (Arizona Education Analysis).
Inglehart, R. & Welzel, C. (2005) Modernization, cultural change and democracy: the human development sequence. Cambridge, Cambridge University Press.
Lange, C., Lehr, C., Seppanen, P., &Sinclair, M. (1998). Minnesota charter schoolsevaluation: Final report. Center for Applied Research and Educational Improvement, College of Education and Human Development, University of Minnesota.
Lubienski Christopher. Innovation in Education Markets: Theory and Evidence on the Impact of Competition and Choice in Charter Schools //American Educational Research Journal Summer 2003, Vol. 40, No. 2, p. 414-415.
Maranto R., Milliman S., Hess F. & Gresham A. (Eds.) (1999) School choice in the real world: Lessons from Arizona charter schools. Boulder, CO: Westview Press
Methods in philosophy of education / edited by Frieda Heyting, Dieter Lenzen, and John White. London; New York: Routledge, 2001. xii, 185 p.
Murphy, M., (ed.), 2006, *The History and Philosophy of Education: Voices of Educational Pioneers,* New Jersey: Pearson.
Parker, S. (1997). Reflective teaching in the postmodern world. Buckingham: Open University Press.
Philosophy of education: major themes in the analytic tradition / edited by Paul H. Hirst and Patricia White. London; New York: Routledge, 1998. 4 v. v. 1. Philosophy and education -- v. 2. Education and human being -- v. 3. Society and education -- v. 4. Problems of educational content and practices.
Phoenix, A.Z: Center for Market-Based Education, Goldwater Institute. 2000.
Rorty, A., (ed.), 1998, *Philosophers on Education: New Historical Perspectives*, New York: Routledge.
Senge, P. M., Kleiner, A., Roberts, C., Ross, R. B., and Smith, B. J. (1994). The fifth discipline field book: Strategies

and tools for building a learning organization. New York: Doubleday.
Schwartz, A. (1994). Eight guidelines for managing change. // Supervisory Management, 39(7), 3.
Teske, P., Schneider, M., Buckley, J., & Clark, S. (2000). Does charter school competition improve traditional public schools? New York: Manhattan Institute for Policy Research.
Triant, B. (2001). Autonomy and innovation: How do Massachusetts charter school principals use their freedom? Washington, DC: Thomas B. Fordham Foundation. 2001.

Критерии авторства

Колесников А.С. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

The author Kolesnikov A.S. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторах

Колесников Анатолий Сергеевич, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, РФ, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9 доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии
e-mail: kolesnikov1940@yandex.ru

Authors' index

Anatoly S. Kolesnikov , St. Petersburg State University, Institute of philosophy, Universitetskaya Emb. 7/9, St. Petersburg, 199034, Russian Federation Doctor of Sc. (Philosophy), professor, professor of department of history of philosophy,Ю e-mail: kolesnikov1940@yandex.ru

УДК 008+791.4

«ШАЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ», МАХИНАТОРЫ, СЛУЧАЙНЫЕ ЖЕРТВЫ: БОГАТСТВО И ЗАЖИТОЧНОСТЬ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

© М.В. Воробьева

Уральский государственный экономический университет,
620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62 / 45

Аннотация: В статье изложены результаты анализа советского игрового кино второй половины 1960-х – конца 1980-х гг. Цель анализа – выявить стереотипы восприятия богатства и зажиточности, содержащиеся в киноматериале. Задачи анализа – выделить признаки богатства и зажиточности, описать типажи богатых и зажиточных киногероев, пути достижения богатства и зажиточности, способы распоряжения деньгами, типичные конфликты из-за денег, отношение к богачам и зажиточным людям. Также одной из задач исследования является установление факторов, которые могли повлиять на отображение богатства и зажиточности в киноматериале. Основной метод исследования, использовавшийся при анализе киноматериала, дискурс-анализ. В итоге установлены типичные представления следующего характера: богатство получают посредством незаконных махинаций или благодаря случаю, а зажиточности достигают честным трудом, но через тяжелые моральные компромиссы; незаконному обогащению содействует система блата, теневая экономика и работа в сфере торговли; богатство разрушительно действует на жизнь людей, признаки богатства стигматизируются, богачи воспринимаются как сомнительные люди; богатство в Советском Союзе бесполезно, поскольку им почти нельзя воспользоваться (мало способов легально потратить деньги). Высказано несколько предположений об истоках подобных представлений. Прежде всего это влияние идеологии государства и прецедентных текстов культуры, задававших отношение к богатству и зажиточности. Кроме того, позднесоветская экономическая реальность с ее «болевыми точками» (дефицит, блат, теневая экономика, малоразвитая система услуг и др.) могла провоцировать негативное отношение к богатству и богатым, зажиточности и зажиточным людям.

Ключевые слова: *советское игровое кино, стереотипы восприятия, отношение к богатству и зажиточности, поздний социализм, советская культура, советская экономика*

Информация о статье: Дата поступления 23 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 10 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Воробьева М.В. «Шальные деньги», махинаторы, случайные жертвы: богатство и зажиточность в позднесоветском кинематографе. *Социальная компетентность*. 2018;4(3):60–66.

«EASY MONEY», WHEELERS-DEALERS, OCCASIONAL VICTIMS: WEALTH AND PROSPERITY IN LATE SOVIET CINEMA

© Mariya V. Vorobyova

Ural State University of Economics,
62 / 45 8 Marta / Narodnoy voli St., Yekaterinburg 620144, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the analysis of the Soviet movies of the second half of the 1960s-late 1980s. The purpose of the analysis is to identify the stereotypes of perception of wealth and prosperity. The tasks of the analysis are to highlight the signs of wealth and prosperity, to describe the types of rich and wealthy characters, the ways to achieve wealth and prosperity, ways to spend money, typical money conflicts, and the attitude to the rich and wealthy people. Also, the study aims to determine the factors that could have influenced the positioning of wealth and prosperity in movies. We used the method of discourse analysis in the study of movies. As a result, typical views of the following nature are established: wealth is obtained illegally or by way of chance, prosperity is achieved through hard work and tough moral choices; the system of cronyism, the shadow economy and work in the field of trade contribute to illegal enrichment; wealth destroys people's lives, the rich and signs of wealth are presented in a negative context, wealth in the Soviet Union is useless, because it is difficult to use it (there are few ways to spend money legally). A number of suggestions about the origins of such ideas are

made: the influence of the ideology of the state and precedent texts of culture, as well as the late Soviet economic reality with its "hot spots" (shortage, cronyism, shadow economy, underdeveloped system of services, etc.).

Keywords: *Soviet fiction movies; stereotypes of perception; attitude to wealth and prosperity; late socialism; Soviet culture; Soviet economy*

Article info: Received November 23, 2018; accepted December 10, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Vorobyova M.V. «Easy money», wheelers-dealers, occasional victims: wealth and prosperity in late Soviet cinema. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;4(3):60–66. (In Russ.).

Не будет преувеличением сказать, что идеология государственной власти в Советском Союзе не отличалась адекватностью описания реальных тактик и практик, которые реализовывала сама же власть. Одним из противоречий между идеологическими постулатами и практиками власти было создание социального расслоения по экономическим признакам. С одной стороны идеология провозглашала борьбу с неравенством и неприятие богатства, которое считалось приобретенным нечестным путем, с другой стороны уже с 1930-х гг. социальное расслоение создавалось и поощрялось властью (Иванова, 2017. С. 13–14). Идеология, которая должна была объяснять и оправдывать подобное противоречие, так и не дала отчетливых ответов на неудобные вопросы о возможности и оправданности богатства для советского человека, о том, за что и почему одним государственная власть выделяет материальные блага, а другим нет. Однако это не означает, что в подцензурных продуктах советской культуры не содержалось рефлексии на темы социального расслоения и богатства.

Статья посвящена анализу сюжетов и персонажей советского игрового кинематографа, которые прямо или опосредованно связаны с проблемой материального благополучия и демонстрируют разные модели достатка, извлечения дохода, разрешения финансовых затруднений, конфликтов из-за денег. Рассматривались фильмы 1964–1989 гг., снятые на территории РСФСР (табл.). Основной метод, при помощи которого исследовались источники – дискурс-анализ. В сюжетных линиях фильмов, наборах персонажей, визуальных рядах разыскивались те моменты, которые указывали на интересующие явления и ситуации, а также на их контекст, свидетельствующий о подаче авторами фильма. Действие фильмов разворачивается в городе, задействованы сюжеты, связанные с жизнью в Советском Союзе. Сделанная подборка фильмов не претендует на полноту, а ее анализ призван зафиксировать наиболее общие тенденции.

Анализ фильмов производился сквозь призму следующих вопросов:

– каковы признаки материального благосостояния;

– каковы типажи киногероев, добывающих материальное благосостояние, помогающих его добывать и обладающих им;

– какими путями приобретается материальное благосостояние;

– как можно распорядиться деньгами в Советском Союзе;

– каковы типичные конфликты из-за денег;

– каково отношение к обладателям материального благосостояния.

В результате изучения фильмов выделено две градации материального благосостояния персонажей – богатство и зажиточность. Условными признаками богатства при этом назовем владение недоступными большей части советских людей престижными дефицитными вещами – например, дорогими шубами из меха, антиквариатом, произведениями искусства, драгоценностями, зарубежными автомобилями. Условные признаки зажиточности – наличие кооперативной квартиры, отечественного автомобиля, дачи, дефицитной мебели, модной одежды.

При анализе подборки фильмов было выявлено пять типажей персонажей, находящихся на разных стадиях по отношению к материальному благосостоянию – от активного поиска до обладания материальным благосостоянием в той или иной мере. Данные типажи обозначили так: махинатор, зажиточный человек, богач, «случайная жертва», помощник. Опираясь на киноматериал, дадим этим типажам характеристики.

Махинаторы – это охотники за богатством, обычно уголовники-рецидивисты, преступники, мелкие жулики (всего выявлено 13 образов). Стремясь обогатиться, персонажи-махинаторы не

останавливаются перед обманом, мошенничеством, мелким и крупным воровством. Погоня за богатством для махинаторов мучительно тяжела – деньги и ценности постоянно ускользают от них и в конце фильмов уплывают окончательно. Собирательный образ махинатора отрицателен.

Подборка фильмов

Год	Название, режиссер, жанр
1964	«Легкая жизнь» (Вениамин Дорман, комедия)
1967	«Берегись автомобиля» (Эльдар Рязанов, комедия)
1968	«Бриллиантовая рука» (Леонид Гайдай, комедия)
1968	«Зигзаг удачи» (Эльдар Рязанов, Федор Хитрук, комедия)
1968	«Золотой теленок» (Михаил Швейцер, комедия)
1971	«Двенадцать стульев» (Леонид Гайдай, комедия)
1971	«Джентльмены удачи» (Александр Серый, комедия)
1973	«Иван Васильевич меняет профессию» (Леонид Гайдай, комедия)
1976	«Двенадцать стульев» (Марк Захаров, комедия)
1976	«Ты – мне, я – тебе» (Александр Серый, комедия)
1979	«Пена» (Александр Стефанович, комедия)
1979	«Москва слезам не верит» (Владимир Меньшов, мелодрама)
1980	«Старый Новый Год» (Наум Ардашников, Олег Ефремов, комедия)
1982	«Спортлото-82» (Леонид Гайдай, комедия)
1984	«Прохиндиада или Бег на месте» (Виктор Трегубович, комедия)
1984	«Блондинка за углом» (Владимир Бортко, комедия)
1985	«Нежданно-негаданно» (Геннадий Мелконян, комедия)
1985	«Змеелов» (Владимир Дербенев, драма)
1987	«Раз на раз не приходится» (Араик Габриэлян, комедия)
1987	«Забытая мелодия для флейты» (Эльдар Рязанов, драма)
1988	«Единожды солгав» (Владимир Бортко, драма)
1989	«Частный детектив, или Операция "Кооперация"» (Леонид Гайдай, комедия)

Зажиточные люди в позднесоветском кино относятся к прослойке интеллигенции, чиновничества, иногда работают в сфере торговли и услуг (выделено 10 образов, из них медик, художник, директор завода, директор химчистки, руководитель в торговле, продавец, банщик и трое ученых). Примечательно, что зажиточность большей части персонажей не связана с использованием криминальных схем обогащения (исключением стали директор химчистки, продавец и руководитель в торговле, т. е. все из сферы сервиса). Это легко объяснимо – зажиточность дается самим государством в награду за хорошую работу в особо значимых отраслях интеллектуального и материального производства.

Собирательный образ богача выявляет другую картину – из четырех найденных персонажей-богачей только один не использует криминальную схему обогащения. Среди советских богачей – чиновник от культуры, советский служащий, директор НИИ и представитель теневой экономики (подпольный работник цеха). В целом киногерои-богачи встречаются редко, а богатство достается им часто нечестным путем.

«Случайные жертвы» – персонажи, которым деньги или ценности достались непредвиденно, через выигрыш в лотерею, получение наследства и находку клада (всего 6 образов). Получение такими персонажами богатства не связано с незаконными путями, но использование или попытка их использования способны втянуть героя киноповествования в мир криминала.

Помощник – персонаж, умеющий доставать дефицитные товары, договариваться, налаживать связи между людьми. Он может быть показан бескорыстным или корыстным, т. е. требующим ответные услуги в обмен на свои, или действующим без видимой выгоды, может показываться зажиточным или бедным. Однако персонажей этого типа объединяет то, что все они изображаются в роли механизмов, приводящих в действие систему блата.

Анализ фильмов дает основание полагать, что советской подцензурной кинопродукцией предусматривалось лишь два законных пути приобретения зажиточности и богатства. Первый

путь – получение от государства (через выигрыш в лотерею и высокие заработки для особо полезных членов общества), второй – легализация государством (через выдачу разрешения вступить в права наследства или выплату денежной доли найденного клада).

Попытки извлечь доходы без опоры на государство маркируются в кинопродукции как криминальные. Всякая частная инициатива по извлечению доходов связывается с незаконной деятельностью и обманом государства. Причем криминальный путь, если судить по фильмам, характерен для приобретения богатства, а не зажиточности. Попытка обмануть государство всегда кончается неудачей: фильмы демонстрируют, что персонажи, связавшие себя с нелегальными заработками, обычно разоблачаются и привлекаются к ответственности.

Часть сюжетов, описывающих использование криминальных схем извлечения дохода, касается сферы обслуживания и торговли в частности. Исключения – одна криминальная схема в науке и один случай подпольного производства изделий легкой промышленности. Любопытно, что с ростом «гласности» во второй половине 1980-х гг. меняются объекты сатиры – место нечестных торговцев, спекулянтов и цеховиков занимают ранее неприкосновенные фигуры – номенклатурный чиновник и обласканный властью художник.

Что касается способов употребления денег в Советском Союзе, то, если верить рассмотренным кинофильмам, они не слишком разнообразны – траты на путешествия, приобретение кооперативной квартиры, дачи, обстановки квартиры и дачи, на покупку автомобиля, модной одежды, бытовой техники (цветного телевизора, фотоаппарата, магнитофона), изредка антиквариата и произведений искусства.

Типичные конфликты, спровоцированные деньгами, или в целом уровнем благосостояния героев: киногерой и его ближайшее окружение (муж и жена, невеста и жених, зять и тесть, друзья и сослуживцы), подельники, которые охотятся за деньгами.

Конфликты киногероев с ближним окружением чаще всего спровоцированы уровнем доходов (слишком высоким или слишком низким) и распределением этих доходов. Конфликты подельников связаны с переделом добытых денег и подозрением в их тайном присвоении.

Особый интерес представляет собой позиционирование в изученных фильмах богатства и зажиточности. Зажиточность и богатство в позднесоветском кино по определению сомнительны. Это проявляется, во-первых, через негативное восприятие окружения зажиточных и богатых персонажей. Признаки зажиточности и богатства стигматизируются (автомобиль, модная одежда, дефицитные продукты). Места, где разворачивается «роскошная жизнь» – ресторан, гостиница – труднодоступны для обычных советских людей и показаны как подозрительные. Также подозрительны вояжи за границу, потенциально чреватые криминальными занятиями вроде контрабанды. Осуждается даже такая невинная услуга, как такси. Во-вторых, это проявляется через демонстрацию двойственного отношения самих героев к своему благополучию и неустойчивое положение богачей. Часть зажиточных героев собственное благополучие осуждает, утверждая, что оно досталось им слишком высокой ценой. Советские кинематографические богачи всегда находятся в «подвешенной ситуации», в итоге разрешения которой их разоблачают и сажают в тюрьму, либо они теряют богатство, либо оказываются на грани жизни и смерти. В-третьих, показывается за редким исключением, что богатство негативно влияет на жизнь его носителя, разрушая социальные связи и отдаляя от других людей, а зажиточность иногда приобретается в результате тяжелых моральных компромиссов, делающих носителей зажиточности несчастными.

Однако могло ли государство, для идеологии которого чрезвычайно важна идея классовой борьбы, однозначно позитивно относиться к богатым или даже зажиточным людям? Позитивное отношение противоречило бы идеологическим установкам советского государства. При этом могло ли государство, чье негативное отношение к зажиточности и богатству запрограммировано идеологией, исключительно негативно относиться к этим явлениям? Что в таком случае оно предложило бы лояльным к нему гражданам, чем стимулировало бы их верное служение? Ведь даже в разгар сталинских репрессий стратегия власти была как минимум двоякой – запугивание и подкуп («большая сделка» в терминологии Веры Данэм) (Гурова, 2005. С. 122–123). Довоенные и послевоенные журналы пестрили рекламой самых разных товаров, услуг, путешествий, лотерей, денежных вкладов; открылись дома моды и стали проводиться показы мод (Саль-

никова, 2010. С. 95–96). Так происходила реабилитация потребления, зажиточности, а для некоторых особо полезных государству людей даже богатства. К антимещанскому и антипотребительскому пафосу ранних 1920-х гг. отчасти возвратились 1960-е гг., но в 1970-е гг. потребление, зажиточность и богатство исподволь опять получали оправдание (Бойм, 2002. С. 59). В частности, на закрытии XXIII съезда КПСС в 1966 г. Л. Брежнев обозначил следующие приоритетные направления внутренней политики: «… обеспечить достижение новых рубежей в строительстве коммунизма в нашей стране, добиться резкого повышения эффективности всего общественного производства, неуклонного роста материального благосостояния трудящихся, дальнейшего укрепления обороноспособности нашей Родины» (Материалы XXIII съезда КПСС). В то время была заключена так называемая «малая сделка» (Джемс Миллар) – договор с номенклатурой и «средним классом», обещавший поддержку им в обмен на сохранение стабильности и устойчивости режима. Поддержка выражалась в дифференциации заработной платы, легитимации элиты и терпимости к теневой экономике (Гурова, 2005. С. 128–129).

Заметим особо, что вероятнее всего прецедентными художественными текстами, которые повлияли на отображение в советском кинематографе богатства и зажиточности, охоты за богатством, возможности им распорядиться, последствий обретения богатства для его стяжателя, были романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Оба романа были экранизированы, а «Двенадцать стульев» удостоился даже двух экранизаций, что говорит об особой значимости этого текста. Романы Ильфа и Петрова продемонстрировали, что махинаторы, охотящиеся за деньгами – люди, как правило, нечестные, обладатели больших денежных состояний приобретали их незаконно, деньги и ценности все время ускользают от соискателей, распорядиться полученными в Советском Союзе было трудно, в итоге большие деньги оказывались бесполезными и, наконец, деньги не делали счастливым их обладателя. Эти мотивы фигурируют в шестнадцати из двадцати двух изученных фильмов. Позднесоветские фильмы практически не способны выйти за пределы, очерченные прецедентными текстами. В попытке ответить на вопрос о причинах такой скудости фантазии можно провести параллель с исследованием А. Юрчака культуры позднего Советского Союза. Юрчак в своей книге «Это было навсегда, пока не кончилось» применяет парадокс Клода Лефора к толкованию процессов, происходящих внутри советской идеологии. Этот парадокс состоит в том, что любая современная идеология имеет внешний источник собственной легитимации – некую истину, воспринимаемую в качестве аксиомы. Собственными средствами идеология не может обосновать лежащую в ее основании истину, что сообщает идеологии неустойчивость. Пока существует авторитетная фигура правящего субъекта, он своей властью легитимизирует идеологию и удостоверяет правильность идеологических высказываний. Когда подобная фигура исчезает, некому становится подтверждать верность новых идеологических высказываний, поэтому они воспроизводятся как можно ближе к тем, правильность которых была проверена правящим субъектом (Юрчак, 2014. С. 48–50). Если экстраполировать парадокс Лефора на продукты культуры, находящиеся под влиянием идеологии, объясняется скудость вариаций мотивов в позднесоветском кино, связанных с материальным благосостоянием. Фильмы варьировали мотивы, которые содержались в прецедентных текстах – романах Ильфа и Петрова. Романы же в свою очередь отсылали к идеологическим текстам, декларировавшим определенное отношение к материальному благосостоянию, социальному расслоению и проявлениям экономического неравенства.

Стоит отметить также, что кино брежневского периода отражает специфические черты экономики того времени: вольно или невольно кинопродукция воспроизвела основные ее «болевые точки». Возможно стоит предположить, что сама экономическая реальность не только отражалась в киноматериале, но и провоцировала негативное отношение к богатству и богатым, отчасти к зажиточности и зажиточным людям.

Прежде всего в фильмах нашел отображение дефицит во многих его формах – дефицит товаров и услуг. Среди признаков богатства и зажиточности неизменно фигурирует дефицит в разных его формах. Чем выше степень зажиточности, чем больше дефицита в распоряжении зажиточного героя. В случаях, когда нечто дефицитное недоступно большей части советских людей, можно говорить о дефиците как признаке богатства (например, у зажиточного ге-

роя есть автомобиль «Жигули», дефицитный, но потенциально доступный, а у богатого – автомобиль «Мерседес»).

В прямой связи с дефицитом выступает торговля. Разумеется, вина за дефицит возлагалась не на саму структуру экономики с перекосом в сторону тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса, порождающую разнообразные нехватки. Вина за дефицит в позднесоветском кино перекладывалась на торговлю и ее работников, среди которых изобилуют воры и «барыги-спекулянты». Фильмы подсказывают, что именно они, скрывая товары под прилавком, продавая их по завышенной цене, присваивая себе разницу, налаживая нелегальную систему сбыта товаров, повинны в их дефиците.

Другая «болевая точка» советской экономики – малоразвитая сфера услуг, которая поставляла некачественный сервис или не поставляла его вообще. Эта сфера тоже отмечена скорее негативно. В фильмах продемонстрировано, что в сфере услуг работают нечестные люди. Они обманывают клиентов и наживаются на них, оказывают некачественные услуги, в лучшем случае дают неравный доступ к услугам клиентам с разными социально-экономическими возможностями. Так же как и с торговлей, виновниками плохого сервиса оказываются плохие работники, а не малоразвитость самой сферы услуг в целом.

Система блата тоже находит отражение в изученных фильмах. Несмотря на явное осуждение блага, глубинное послание, которое содержится в упоминаниях блата, следующее: без блата нельзя достать ничего дефицитного и стоящего, нельзя добиться выгодного места в обществе. Более успешен тот, у кого есть знакомства с «полезными» людьми и кто пользуется всеми преимуществами этих знакомств. Без блата, в частности, нельзя поступить в хороший вуз и аспирантуру, устроиться на доходное место работы или раздобыть разнообразный дефицит в виде товаров и услуг (продуктов, книг, железнодорожных билетов, путевок в дома отдыха, театральных билетов, ремонта квартиры и консультаций у хорошего врача). Блат содействует распределению особенно ценных товаров и услуг среди узкой прослойки людей, которые приближены к важным ресурсам и в состоянии «ответить» услугой за услугу.

Наконец, третья весьма важная сфера, нашедшая отражение в фильмах – теневая экономика. В фильмах она явлена многолико – здесь и нелегальная химчистка на дому, перепродажа аудиотехники и фруктов по явно завышенной цене, и незаконные схемы переправки дефицита через торговые точки, и подпольный цеховик, производящий майки с иностранными надписями.

Итак, анализ киноматериала позволил выделить ряд стереотипов, согласно которым:

– богатство можно получить двумя путями – посредством незаконных махинаций (запретный частный бизнес, злоупотребление служебным положением, использование системы блата, воровство) и благодаря случаю (выигрыш в лотерею, наследство, обнаружение клада);

– содействуют незаконному обогащению система блата, теневая экономика и работа в сфере торговли;

– зажиточности можно достичь честным трудом, но она достается непросто – через тяжелые нравственные компромиссы;

– махинаторы и богачи – люди по определению сомнительные (от мелких авантюристов до уголовников-рецидивистов);

– приобретение богатства, как правило, не ведет к счастью (обычный человек, на которого сваливаются «шальные деньги», оказывается не готов к такому грузу – у него резко портится характер и отношения с окружающими, человек, пользующийся криминальными схемами для обретения богатства, серьезно рискует быть разоблаченным и понести ответственность за свои незаконные действия);

– добывать богатство мучительно трудно – оно постоянно ускользает от тех, кто их ищет, они встречают череду препятствий, причем успешное преодоление последних не гарантирует нужный результат;

– богатство осуждается, даже стигматизируется окружением, а разбогатевшие герои либо лишаются своего богатства, либо отправляются на «перевоспитание» трудом на благо общества и суровыми житейскими испытаниями, либо исчезают из советской действительности;

– богатством в СССР почти нельзя воспользоваться (пустить деньги в рост, открыть на них собственное дело, совершить масштабные покупки), поэтому оно бесполезно.

Библиографический список

Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 312 с.
Гурова О.Ю. Идеология потребления в советском обществе // Социологический журнал. 2005. № 4. С. 117–131.
Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.
Материалы XXIII съезда КПСС [Электронный ресурс]. URL: http://www.historyru.com/doc/persons/br/docorg/xxiii/page11.html (22.11.2018).
Сальникова Е.В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 472 с.
Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

References

Boym S. *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoj zhizni* [Common places: the mythology of everyday life]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, 312 p. (In Russian).
Gurova O. The ideology of consumption in the Soviet society. *Sociologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal], 2005, no. 4, pp. 117–131. (In Russian).
Ivanova A. *Magaziny "Beryozka": paradoksy potrebleniya v pozdnem SSSR* [Hard-currency shops: paradoxes of consumption in the late USSR]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017, 304 p. (In Russian).
Materialy XXIII s"ezda KPSS [Proceedings of the 23d CPSU Congress]. Available at: http://www.historyru.com/doc/persons/br/docorg/xxiii/page11.html (accessed November 22, 2018).
Sal'nikova E.V. *Sovetskaya kul'tura v dvizhenii: ot serediny 1930-h k seredine 1980-h. Vizual'nye obrazy, geroi, syuzhety* [Soviet culture in motion: from the mid-1930s to mid-1980s: visual images, characters, plots]. Moscow: LKI Publ., 2010, 472 p. (In Russian).
Yurchak A. *Jeto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more. The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, 664 p. (In Russian).

Критерии авторства

Воробьева М.В. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Vorobyova M.V. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Воробьева Мария Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры истории и философии, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Author Credentials

Mariya V. Vorobyova, Cand. Sci. (Culturology), Associate Professor of History and Philosophy Department, e-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

УДК 316.7

СОСТАВ И СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ДИНАМИКА ПРОЦЕССОВ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

© Н.И. Гаврилова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83

***Аннотация*:** В статье рассматриваются демографические характеристики малых городов Иркутской губернии второй половины XIX в., изменения социального состава и структуры занятости их населения. Приводятся статистические показатели половозрастного и конфессионального состава, динамики численности населения Балаганска, Верхоленска, Илимска, Киренска, Нижнеудинска. Раскрываются характеристики сословной структуры малых городов. Выявлено влияние уровня дифференциации сословной структуры малых городов на характеристики социальной идентичности их населения. Доказывается, что изменения сословной структуры отдельных городов Иркутской губернии в значительной степени определялись особенностями исторических и географических условий города, его административного положения и экономического развития. Анализ основных показателей социального состава и структуры занятости проводился на основе материалов первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Доказывается, что неразвитость торгово-промышленной сферы экономики способствовала сохранению важной роли аграрной и промысловой деятельности в структуре занятий жителей большинства малых городов Иркутской губернии, повышала уровень отходничества. Исследуются количественные показатели ремесленных заведений, роль торговли в экономике малых городов губернии и структуре занятости жителей уездных и заштатного городов. Рассмотрено влияние показателей численности населения, структуры его занятости, специфики и уровня развития экономики городов Иркутской губернии на наполняемость городских бюджетов, активность хозяйственной деятельности города. Приводятся сведения об особенностях и темпах застройки и планировки малых городов губернии. Данная статья завершает серию публикаций автора, посвященных анализу динамики социальной структуры городского населения Иркутской губернии второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: *капиталистическая модернизация, Иркутская губерния, малый город, социальный состав городского населения, структура занятости городского населения, экономическое развитие города, бюджет города, социальная дифференциация*

Информация о статье: Дата поступления 27 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 20 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Гаврилова Н.И. Состав и структура населения малых городов Иркутской губернии во второй половине XIXв.: динамика процессов социальной дифференциации. *Социальная компетентность*. 2018;4(3):67–73.

COMPOSITION AND STRUCTURE OF POPULATION OF SMALL TOWNS OF IRKUTSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIXth C.: DYNAMICS F SOCIAL DIFFERENTIATION

Natalya I. Gavrilova

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov St., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Abstract: The article considers the demographic characteristics of small towns in Irkutsk province of the second half of the nineteenth century, changes in the social composition and employment structure of their population. It cites statistical indicators of gender, age and confessional composition, population dynamics of Balagansk, Verkholensk, Ilimsk, Kirensk, Nizhneudinsk and shows the characteristics of the class structure of small towns. The influence of the differentiation level of the small towns' class structure on the characteristics of their population social identity is revealed. The author proves that changes in the class structure of some towns in Irkutsk province were largely specified by the features of the town's historical and geographical conditions, its administrative

position and economic development. The analysis of the major indicators of the social composition and employment structure is based on the materials of the first All-Russian population census of 1897. It is proved that the underdevelopment of the commercial and industrial sector of the economy contributed to the preservation of the important role of agricultural and commercial activities in the structure of employment of residents of many small towns of Irkutsk province and increased the leaving for seasonal work. The article discusses the quantitative indicators of handicraft industry, the role of trade in the economy of small towns of the province and the structure of employment of residents of chief uyezd and provincial towns. It reveals the influence of population size, its employment structure, specifics and level of economy development of Irkutsk province towns on formation of city budgets, towns' economic activities. The information about the features and pace of housing development and planning of the province small towns is provided. This article finishes the series of author's publications devoted to the analysis of the dynamics of the social structure of the urban population of Irkutsk province in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Keywords: *capitalist modernization, Irkutsk province, small town, social composition of urban population, employment structure of urban population, economic development of the town, town budget, social differentiation*

Article info: Received November 27, 2018; accepted December 20, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Gavrilova N.I. Composition and structure of population of small towns of Irkutsk province in the second half of the XXth c.: dynamics of social differentiation. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence*. 2018;4(3):67–73. (In Russ.).

Во второй половине XIX в. на территории Иркутской губернии статус города имели шесть поселений: административный центр генерал-губернаторства и губернии Иркутска, центры округов (уездов) Балаганск, Верхоленск, Киренск, Нижнеудинск и заштатный Илимск. 70–85,8 % городского населения губернии сосредотачивал Иркутск (1897 г. – 51,5 тыс. чел.). Из малых городов наиболее многолюдными являлись Нижнеудинск (1897 г. – 5,7 тыс. чел.) и Киренск (1897 г. – 2,3 тыс. чел.). Менее 1,5 тыс. чел. проживало в Балаганске и Верхоленске, в пределах 524–789 чел. колебалась численность жителей заштатного Илимска.

Всего в 1897г. в городах Иркутской губернии проживало 62,8 тыс. чел. при общей численности населения губернии 514,3 тыс. чел. За полвека (1851–1900 гг.) численность горожан возросла в 2,7 раза, а их доля в общем составе населения губернии увеличилась в 1,5–1,7 раза. Следует отметить, что уровень урбанизированности региона в пределах губернии незначительно отличался от общероссийского, но превышал показатели по Сибири. В 1863 г. процент городского населения по России в целом составлял 9,98 %, в 1897 г. – 13,2 %; в эти же годы по Сибири – 7,0 и 7,3 %, соответственно (Скубневский, Гончаров, 2003. С. 60), по Иркутской же губернии – 9,4 и 12,2 %.

Динамика численности населения отдельных городов губернии существенно разнилась. За 1858–1897 гг. в 2 раза увеличилось количество жителей Нижнеудинска, Балаганска и Киренска, осталось почти неизменным – в Верхоленске и Илимске. Для Верхоленска вторая половина XIX в. стала временем восстановления численности населения после резкого его оттока в связи с получением статуса города (1857 г.), что противоречило интересам большинства жителей прежней слободы. Несмотря на новый административный статус, Верхоленск и в конце XIX в. более чем на 2/3 состоял из крестьян. Почти курьезной выглядела переписка Главного управления Восточной Сибири (ГУВС), Иркутского губернского правления и Верхоленского окружного полицейского управления, в конце 1880-х гг. обнаруживших, что «об открытии Верхоленска» в журнале ГУВС ничего сказано не было и «распоряжений в полицейское управление об образовании города Верхоленска ни от кого не поступало»[1].

Модернизационные процессы в экономике региона, связанные с активизацией индустриального развития, динамикой капиталистических отношений, обусловили качественные изменения социальной структуры городов губернии в рассматриваемый период.

[1] О преобразовании местного управления в г. Верхоленске. 1889 г. // Государственный архив Иркутской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2834. Л. 4, 8. / On the transformation of local government in Verkholensk. 1889 // State archive of Irkutsk region. F. 32. Op. 1. D. 2834. L. 4, 8.

Трансформация сословной структуры городов становится особо ощутимой с середины 1870-х гг. Основным ее вектором являлось ускорение темпов роста податного населения городов, занятого в торгово-промышленной сфере, при снижении доли неподатных слоев, прежде всего военных. К 1897 г. доля таковых в городах губернии уменьшилась в 9 раз и не превышала 3 % населения (с 6,7 тыс. до 1,8 тыс. чел. за 1860–1897 гг.). До 1,5 % в составе населения малых городов снижается доля духовенства. С другой стороны, бюрократизация управления и повышение роли государственных учреждений вызвали рост численности дворянства в городах губернии с 2,4 тыс. чел. в 1860 г. до 5,9 тыс. чел. в 1897 г.

Одной из главных черт формирования социального состава городов губернии в период капиталистической модернизации стало резкое увеличение в них крестьянства (с конца 1880-х гг.). В 1860 г. в городах губернии проживало 2,5 тыс. крестьян (8,9 %). К концу XIX в. их число возросло до 21,1 тыс. чел., составив треть городского населения Иркутской губернии (33,6 %). На всем протяжении периода достаточно заметный процент составляли ссыльные, наплыв которых был отмечен в 1870–80-х гг. (Кржижановский, 1881. С. 70).

Динамика же сословий городского гражданства в малых городах губернии была незначительна. При росте абсолютных показателей численности мещан их доля в общем составе населения городов, напротив, заметно снизилась. Изменения численности купечества и почетного гражданства имели тот же вектор.

Наиболее сложной социальной структурой к концу XIX в. отличались Нижнеудинск и Киренск, что сближало их по характеру проходивших процессов с губернским центром. Нижнеудинск характеризировался значительной долей мещанства (49 %), немногочисленным купечеством (0,4 %) и высоким процентом «других» групп населения (10 %). В Киренске, напротив, проживало относительно немного мещан (25 %), но в то же время значительной была доля купечества (2 %) и «других» (17,7 %). Балаганск характеризовался повышенной долей мещанства (58 %) и незначительным процентом крестьянства (21,3 %).

При стагнации роста численности особенностью Верхоленска оставалось доминирование крестьянского населения (76–80 %). Однородностью характеризовалось население Илимска, на 87–99 % оно состояло из мещан.

Относительная однородность сословной структуры населения малых городов обусловливала специфику социальной идентичности горожан. Само восприятие сословной принадлежности как места в социальной иерархии становилось не столь жестким. Не случайно киренчане писали: «в киренском городском обществе нет отдельных сословий»[2] Формализованность и обособленность уступали место межличностным, адресным отношениям, нередко передаваемым в характеристиках современников как «фамильярность». Так, например, об отношениях в Киренске середины 1880-х гг. говорили: «фамильярность была в большом ходу».

Более разнообразным становился национальный состав населения городов. К концу XIX в. самой крупной диаспорой уездных городов и заштатного Илимска была еврейская (2,6–6,1 % населения города). Второй по численности группой выступало римско-католическое население и мусульманское. Наибольшая однородность национального состава, высокая доля коренных жителей на протяжении всего рассматриваемого периода были присущи Верхоленску и Илимску.

Половой состав городского населения Иркутской губернии, как Сибири и России в целом, характеризовался преобладанием мужчин. В среднем мужчины в городах Иркутской губернии составляли 55,2 % населения, женщины – 44,8 % (на 1 000 мужчин в конце XIX в. приходилось 897 женщин). Наибольшая диспропорция отличала Киренск, мужское население которого достигало 60,7 %. В Нижнеудинске мужчины составляли 57,8 %, в Балаганске – 56,6 %. Относительно бóльшая пропорциональность соотношения полов характеризовала Иркутск (51,7 % составляли мужчины, 48,3 % – женщины) и Илимск (51,8 и 48,2 % соответственно).

[2]Ленский. Месяц на родине. Воспоминания. Рукопись о Киренском уезде и о Киренске. 1885 г. // Государственный архив Иркутской области. Ф. 480. Оп. 1. Д. 234. Л. 5 об. / Lensky. Month in the motherland. Memoirs. Manuscript about Kirensk uezd and Kirensk. 1885 // State archive of Irkutsk region. F. 480. Op. 1. D. 234. L. 5 vol.

В тесной взаимосвязи с показателями размеров города и социальной структурой находились параметры занятости населения, данные экономического развития города и его функциональные характеристики. Все малые города Иркутской губернии отличались ничтожным развитием промышленности, существовавшей в основном в форме ремесла. Однако и число ремесленников во второй половине XIX в. оставалось крайне незначительным, а их продукция, выполняемая преимущественно на заказ, не удовлетворяла спроса самих горожан даже на предметы первой необходимости. Так, в 1875г. в Балаганске при населении около 900 чел. насчитывалось всего 3 ремесленника – портной, сапожник и кузнец, в Верхоленске – 9 ремесленников (Кржижановский, 1881. С. 104, 112).

Несколько большее значение в экономической жизни малых городов принадлежало торговле. По торговым оборотам доминирующую роль вплоть до конца XIX в. играла ярмарка, хотя на развитие непосредственно самой городской торговли она не оказывала существенного влияния. Будучи включены в общие ярмарочные цепочки региона, городские ярмарки не всегда соответствовали величине города. В малых городах могли размещаться крупные ярмарки, а в крупных – незначительные.

Наиболее крупной из проходивших в уездных городах была киренская ярмарка (10 мая – 10 июня). В 1875 г. привоз составил 1,5 млн руб., продажа – 0,4 млн руб. Позже 15–22 мая ярмарка проходила в Верхоленске, «во время проплыва судов с Качугской пристани с товарами, для торгу вниз по р. Лене» (в 1882 г. продано на 5 тыс. руб.) (Кржижановский, 1881. С. 103). Именно с. Качуг выступало торговым центром округа, отодвигая Верхоленск на второй план.

Наибольшее развитие торговля получила в Киренске и Нижнеудинске. Характеризуя торговлю Киренска как «весьма ограниченную», губернские отчеты тем не менее подчеркивали ее «самостоятельный» характер. Емкий рынок сбыта формировали находящиеся рядом золотые прииски Витимской и Олекминской систем, куда киренские купцы поставляли сено, овощи, картофельную муку. Киренск служил главным транзитным пунктом для приисковых рабочих, что также сказывалось на оборотах торговли города. С развитием пароходства на Лене Киренск стал базой отстоя и ремонта судов.

Значительная доля киренского купечества была занята в торговле крепкими напитками. Наличие рядом с Верхоленском и Киренском винокуренных заводов обусловливало значительный объем виноторговли в этих городах и прилегающих районах (в Верхоленске – до 20 тыс. руб. в 1875 г.). Заметную часть в торговле Киренска занимало комиссионерство торговых домов Иркутска. Несколько купеческих фирм вели скупку пушнины у тунгусов. К концу XIX в. Киренск, уступая в суммарном количестве мест стационарной торговли, имел наивысший среди малых городов губернии показатель общего оборота торговых заведений.

Сравнимой с Киренском интенсивностью развития торговли характеризовался Нижнеудинск. Как трактовый город он отличался более быстрым ростом числа торговых заведений, особенно заметного в 1890-х гг. К концу XIX в. Нижнеудинск был единственным малым городом губернии, имеющим 9 магазинов и 30 лавок. По субботам и воскресным дням в городе бывали базары.

Развитие торговли в Балаганске сдерживалось его расположением в стороне от значительных трактов. Город находился в 100 верстах от Московского тракта и являлся центром крупнейшего земледельческого округа Иркутской губернии. В середине 1870-х гг. стационарная торговля города сосредотачивалась в 8 лавках, общий оборот которых не превышал 50 тыс. руб. Как «мизерную» характеризовали торговлю в Илимске, где «иногда с проездом бывали енисейские и нижнеудинские купцы», продавая товар ценностью 10 тыс. руб. на сумму 200–300 руб. (Кржижановский, 1881. С. 47).

Розничная торговля малых городов носила, главным образом, мелочный характер. Несмотря на незначительные ее параметры, в конце XIX в. наблюдался рост торговой инфраструктуры городов, увеличивались ее обороты.

Неразвитость торгово-промышленной сферы экономики обусловливала сохранение важной роли аграрной и промысловой деятельности в структуре занятий жителей большинства малых городов, повышало уровень отходничества. Особенно значительных показателей оно достигало в Киренске (13,9–11,8 %), расположенном рядом с активно осваиваемыми золотоносными районами, Балаганске (10,6–8 %) и Нижнеудинске (9–5 %), стоящем вблизи оживленного

тракта (Кржижановский, 1881. С. 124).

Ярко выраженная аграрная направленность характеризовала Верхоленск и Балаганск. Подавляющая часть жителей первого города, крестьяне прежней Верхоленской слободы, сохранив за собой хлебопашенные и сенокосные земли, занимались земледелием и скотоводством. Жители же Балаганска о себе писали: «Большая часть жителей … занимается земледелием и скотоводством, и часть – торговлей. Следовательно, местность эта не имеет исключительно городского и сельского характера, а содержит в себе тот и другой, с преобладанием… сельского характера»[3]. К концу XIX в. сферы занятий практически не изменились: согласно переписи 1897 г., 58,1 % жителей Верхоленска занимались земледелием и скотоводством. Незначительно разнилась и доля занятых сельскохозяйственным трудом в Балаганске (51 % на 1897 г.). Практически единственную статью «отпускной торговли» города составляла продажа разводимого горожанами в большом количестве листового табака.

К смешанному типу городов относился Нижнеудинск, в структуре занятости населения которого в конце XIX в. примерно равными долями было представлено торгово-промышленное, сельскохозяйственное и непроизводственное население при доминировании аграрного (37,6 %). Большинство его коренных жителей, мещан и казаков, занимались преимущественно хлебопашеством. В то же время расположение Нижнеудинска на линии Московского тракта обусловило значительный процент занятых гужевым и кузнечным промыслами.

Фактическая стагнация экономической и административной жизни Илимска обусловила, с одной стороны, заниженную долю непроизводственного населения города (3,5 %), а с другой – высокую степень отходничества жителей на прииски (ежегодно – до 20 паспортов). До 27 % было занято извозным промыслом, 15,3 % зарабатывали поденной работой и прислугой. В целом в торгово-промышленной сфере было занято более 70 % илимчан. Значительная часть жителей занималась пушным промыслом и разведением табака. Доля сельскохозяйственного населения составляла 23,1 %.

«Промышленным, а не посадским» называли свой город жители Киренска[4]. Несмотря на «малочисленность общества, претерпевающего во всем недостаток и приходившего во все более бедное состояние»[5], киренчане подчеркивали именно городскую специфику их местопребывания. Структура занятости населения Киренска в конце XIX в. была в значительной степени приближена к иркутской. Доля сельскохозяйственного населения составляла 6,1 %, непроизводственного населения примерно 27 %, торгово-промышленного около 62,3 %.

Численность населения, структура его занятости, специфика и уровень экономики городов Иркутской губернии в значительной степени обусловливали наполняемость городских бюджетов, определяли активность хозяйственной деятельности города. Рассматриваемый период внес в бюджетную политику городов существенные изменения. Городовое положение 1870 г. (в городах Иркутской губернии введено в 1872–1879 гг., Городовое положение 1892 г. – в 1894–1895 гг.) закрепило за местным самоуправлением права юридического лица, расширило экономическую самостоятельность города. В компетенцию дум входили вопросы благоустройства городов, попечения о местной торговле и промышленности, общественного презрения, здравоохранения и народного образования, принятия санитарных и противопожарных мер. Менялась структура доходной части бюджета города. Прямые сборы с населения фактически прекратились. Бюджет формировался из средств, получаемых от налогов и сборов с городской

[3]Соображения о преобразовании общественного управления в городах Иркутской губернии // Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 2154. Л. 41об. / Considerations on the reforms of public administration in the cities of Irkutsk province // Russian State Historical Archive. F. 1287. Op. 37. D. 2154. L. 41ob.

[4]Соображения о преобразовании общественного управления в городах Иркутской губернии // Российский государственный исторический архив. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 2154. Л. 50об. / Considerations on the reforms of public administration in the cities of Irkutsk province // Russian State Historical Archive. F. 1287. Op. 37. D. 2154. L. 50ob.

[5]Обзор и сведения о естественных и производительных силах г. Киренска и экономической деятельности его населения. 1885 г. // Государственный архив Иркутской области. Ф. 728. Оп. 1. Д. 12. Л. 8. / Overview and information about the natural and productive forces of the town Kirensk and its population's economic activities. 1885 // State Archive of Irkutsk Region. F. 728. Op. 1. D. 12. L. 8.

недвижимости, торговых и промышленных заведений в размере 1 % их доходов, пошлинных сборов с проводимых в городе аукционов, а также от эксплуатации принадлежавших городу торговых рядов, бань, боен и частично из отчислений от казны. На эти средства, помимо расходов на собственно городские нужды, содержались полиция, городские тюрьмы, воинские казармы, пожарная охрана. Наиболее крупными бюджетами среди уездных городов губернии владели Киренск и Нижнеудинск.

В структуре доходных поступлений бюджетов малых городов основная доля приходилась на сборы со свидетельств на право торговли и промыслов, в то время как сборы с городской недвижимости, в отличие от Иркутска, были невелики. Так, в Киренске в начале 1880-х гг. сборы со свидетельств на право торговли и промыслов составляли 50 % всех доходов города, а сборы с недвижимости – 27 %. В Балаганске сборы «с промышленников» доходили до 2/3 всех поступлений в городской бюджет (Экономическое состояние городских поселений Сибири, 1882. С. 313, 322).

Важнейшей, а нередко и единственной, расходной статьей было содержание городского управления. В Балаганске эта статья в начале 1880-х гг. составляла до половины всех расходов. Главными статьями расходов Киренска являлось содержание городского управления (23,5 %), пожарной части (22,7 %), городской полиции (6 %), учебных заведений (12,3 %), медицинской части (6,7 %), тюрьмы (12,6 %) (Кокоулин, 1895. С. 9).

Несмотря на рост бюджетов городов губернии, остро ощущалась их недостаточность, что являлось общей чертой городов российской провинции. Финансовые затруднения позволяли решать преимущественно лишь текущие вопросы городского хозяйства и управления в ущерб перспективному развитию городов.

В тесной взаимосвязи с социально-экономическими параметрами и финансовыми возможностями городов губернии находились особенности и темпы их застройки и планировки.

В отличие от Иркутска малые города губернии отличал «сельский» вид. От 100 до 200 с небольшим деревянных домов, расположенных на 1–4 не мощеных, не освещенных улицах составляли объем пространства уездных и заштатного городов. Определенный колорит их архитектурной среде придавали церкви, часть которых была построена в камне, выделяясь среди деревянной застройки. Благоустройство же фактически сводилось к отсыпке улиц битым камнем и устройству тротуаров. Бюджеты городов не позволяли выделять сколько-нибудь значительные суммы на развитие коммунального хозяйства. Вместе с тем внешний вид даже самых «сельских» городов губернии (Балаганск, Верхоленск) отличался от облика крестьянских поселений прежде всего некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки (Шахеров, 2006. С. 27). В конце XIX в. в Балаганске, а чуть позже в Нижнеудинске даже прорабатывалась идея организации городского сада.

Существенно уступала Иркутску и насыщенность культурной инфраструктуры малых городов, фактически замыкаясь на 1–3 учебных заведениях. Относительно большее разнообразие культурной среды отличало к концу XIX в. Киренск и Нижнеудинск.

Библиографический список

Кокоулин К.К. Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии: Памятная книжка. Иркутск: Ю.И. Базанова, 1895. 73 с.

Кржижановский В.И. Описание городов Иркутской губернии за 1875 г. Илимска, Киренска, Иркутска, Балаганска, Верхоленска и Нижнеудинска: Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 г. Иркутск: Изд-во Иркутского Губернского Статистического Комитета, 1881. С. 46–128.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. LXXV. Иркутская губерния. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1904. 171 с.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Население. Экономика. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2003. 360 с.

Шахеров В.П. Благоустройство городов Восточной Сибири в конце XVIII – XIX в. // Сибирский город в XVIII – начале XX вв.: сб. статей. Вып. 6. Иркутск, 2006. С. 18–39.

Экономическое состояние городских поселений Сибири. Санкт-Петербург: Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, 1882. 422 с.

References

Kokoulin K.K. *Shkoly i gramotnost' v Kirenskom okruge Irkutskoj gubernii: Pamyatnaya knizhka* [Schools and literacy in Kirensk district of Irkutsk province: A memorandum book]. Irkutsk: Yu.I. Bazanova Publ., 1895, 73 p. (In Russian).

Krzhizhanovskij V.I. *Opisanie gorodov Irkutskoj gubernii za 1875 g. Ilimska, Kirenska, Irkutska, Balaganska, Verholenska i Nizhneudinska: Pamyatnaya knizhka Irkutskoj gubernii na 1881 g.* [Description of the towns of Irkutsk province Ilimsk, Kirensk, Irkutsk, Balagansk, Verkholensk and Nizhneudinsk over 1875: A memorandum book of Irkutsk province over 1881]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo Gubernskogo Statisticheskogo Komiteta Publ., 1881, pp. 46–128. (In Russian).

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii, 1897 god. LXXV. Irkutskaya guberniya [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897. LXXV. Irkutsk province]. Sankt-Peterburg: Central'nyj statisticheskij komitet Ministerstva vnutrennih del Publ., 1904, 171 p. (In Russian).

Skubnevskij V.A., Goncharov Yu.M. *Goroda Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polo-vine XIX – nachale XX vv. Naselenie. Ekonomika* [Cities of Western Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. Population. Economy]. Barnaul: Altai state University Publ., 2003, 360 p. (In Russian).

Shaherov V.P. *Blagoustrojstvo gorodov Vostochnoj Sibiri v konce XVIII – XIX vekov* [Urban redevelopment in Eastern Siberia at the end of the XVIII – XIX centuries]. *Sibirskij gorod v XVIII – nachale XX veka* [Siberian city in the XVIIIth – early XX centuries]. Iss. 6. Irkutsk, 2006, pp. 18–39. (In Russian).

Ekonomicheskoe sostoyanie gorodskih poselenij Sibiri [The economic state of municipal settlements in Siberia]. Sankt-Peterburg: Hozyajstvennyj departament Ministerstva vnutrennih del Publ., 1882, 422 p. (In Russian).

Критерии авторства

Гаврилова Н.И. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Gavrilova N.I. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Гаврилова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и психологии, e-mail: nig2312@yandex.ru

Author Credentials

Natalya I. Gavrilova, Cand. Sci. (History), Associate Professor of Sociology and Psychology Department, e-mail: nig2312@yandex.ru

УДК 159.9.072.42

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

© С.Д. Гуриева

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7

Аннотация: В статье рассматривается религиозная идентичность современной молодежи, процессы самоидентификации молодого поколения христианского вероисповедания. Вопросы религиозности и религиозной идентичности становятся актуальными и востребованными в современной мире, рассматриваются в разных отраслях научного знания: психологии, социологии, философии, культурологии и др. В данном исследовании принял участие 121 чел. в возрасте от 18 до 35 лет. Основная цель исследования заключалась в изучении социально-психологических особенностей религиозной самоидентификации молодежи христианского вероисповедания, проживающей в различных городах Российской Федерации. Респондентам предлагалось задать «вопрос Богу», а в заключение просили указать свой пол, возраст и уровень образования. Математико-статистический анализ данных в «SPSS Statistics 17.0.», «Statistica v.10». Обработка качественных данных методом контент-анализа. Контент-анализ позволил выделить генеральные тематические рубрики. Существуют разные уровни проявления религиозности, начиная от «декларируемого религиозного статуса», который отражает представления человека о религии и ее значении и является когнитивным компонентом религиозной идентичности, заканчивая «недекларируемой религиозной идентичностью», которая является более глубинной интегрирующей характеристикой личности и является составляющей социальной идентичности, а, следовательно, встраивается в Я-концепцию личности в системе современного образования. Были обнаружены достоверно значимые различия в религиозной самоидентификации в зависимости от пола. Религиозная самоидентификация связана с личностными особенностями и по-разному проявляется в разных группах религиозных людей.

Ключевые слова: *религиозная идентичность, религиозная самоидетификация, современная молодежь*

Информация о статье: Дата поступления 24 ноября 2018 г.; дата принятия к печати 20 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2018 г.

Для цитирования: Гуриева С.Д. Религиозная идентичность современной молодежи. *Социальная компетентность*. 2018;4(3):74–78.

RELIGIOUS IDENTITY OF MODERN YOUTH

© Svetlana D. Gurieva

St. Petersburg State University,
7 University Emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation

Abstract: The article deals with the religious identity of modern youth, the processes of self-identification of the young generation of the Christian faith. The issues of religiosity and religious identity are becoming relevant and much-in-demand in the modern world; they are considered in different fields of scientific knowledge: psychology, sociology, philosophy, cultural studies and many others. This study involved 121 people 18 – 35 years of age. The main purpose of the study is to study the socio-psychological characteristics of religious self-identification of young people the Christian faith living in different cities of the Russian Federation. The respondents were asked "to question the God", and then to indicate their gender, age and level of education. Mathematical and statistical analysis of data is provided in "SPSS Statistics 17.0.", "Statistica v. 10". The content analysis was used to process the qualitative data. It made it possible to identify general thematic rubrics. There are different levels of manifestation of religious beliefs, ranging from the "declared religious status" to "undeclared religious identity". The "declared religious status" reflects a person's ideas about religion and its meaning, and is a cognitive component of religious identity. The "undeclared religious identity" is a deeper integrating characteristic of the individual, and is a component of social identity, and, therefore, is embedded in the self-concept of personality in the system of modern education. The significant differences were found in religious self-identification depending on

gender. Religious self-identification is associated with personal characteristics and manifests itself in different ways in different groups of religious people.

Keywords: *religious identity, religious self-identification, modern youth*

Article info: Received November 24, 2018; accepted December 20, 2018; available online December 28, 2018.

For citation: Gurieva S.D. Religious identity of modern youth. *Sotsial'naya kompetentnost' = Social Competence.* 2018;4(3):74–78. (In Russ.).

Изучение религиозности и религиозной идентичности является актуальной социальной и психологической проблемой, становится популярным и одним из самых обсуждаемых вопросов в современном научном мире, в образовании. Обусловлено это тем, что сама по себе религия обладает особым философским смыслом, знанием, значением для понимания сущности людей и окружающего мира. По мнению известного социолога Дюркгейма, религия выполняет функцию формирования солидарности, сплоченности, является своего рода «социальным клеем». Кроме того, нам представляется важным изучение особенностей религиозности в связи с тем, что данные многочисленных социологических и психологических исследований говорят о росте показателей религиозности среди населения, что взаимосвязано с психологическим здоровьем и эмоциональным комфортом[1] (Грановская, 2004). В современных гуманитарных науках категория «религиозность» является одной из наиболее часто используемых, однако до сих пор остается одной из самых неразработанных. В настоящее время проводится большое число эмпирических исследований религиозности, результаты которых нередко кардинально отличаются друг от друга. Научные преставления в области религиозности были расширены благодаря исследованию, направленному на выявление разных измерений религиозности на примере религиозной конфессии мормонов. В результате проведения факторного анализа было выявлено три блока религиозности, отвечающих когнитивному, эмоциональному и поведенческому компонентам.

Поведенческий компонент изучается с точки зрения двух аспектов: индивидуального и группового.

Первый не имеет отношения к определенному религиозному направлению и связан с исполнением духовных и религиозных действий вне церковных стен (молитва, пост и т. д.). Второй характеризуется исполнением предписаний в религиозной общине (регулярное посещение церкви, исповедь, пожертвования и пр.) (Матвеева, 2004).

Изучение проблемы религиозной самоидентификации молодежи в зарубежной науке основано на теориях макросреды (П. Бергер, М. Вебер, Э. Дюркгейм), прослеживается в социологических исследованиях (Л.А. Андреев, Н.Ю. Матвеев, В.И. Гарадж). Основные методологические принципы изучения роли проблемы религиозности в российском обществе сформулированы в трудах таких отечественных ученых, как А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова, М.А. Лазуткина, Ю.А. Левада, С.Д. Гуриева. Изучение проблемы религиозности является сферой научных интересов не только психологии, но и современного образования.

Цель исследования заключалась в изучении социально-психологических особенностей религиозной самоидентификации молодежи христианского вероисповедания, проживающих в различных городах Российской Федерации. Выборка исследования составила 121 чел. в возрасте от 18 до 35 лет. Исследование было проведено магистрантом кафедры социальной психологии А.С. Снегиревой под руководством профессора С.Д. Гуриевой. Респондентам предлагалось задать «вопрос Богу» и, в заключение, их просили заполнить так называемую «паспортичку» (указать свой пол, возраст и уровень образования). Математико-статистический анализ данных производился в «SPSS Statistics 17.0.», «Statistica v.10», обработка качественных данных методом контент-анализа. Контент-анализ позволил выделить генеральные тематические рубрики.

[1] Богдановская И.М. Смысловая организация современного религиозного опыта личности: дис … канд. псих. наук: 19.00.01. Санкт-Петербург, 2002. 186 с. / Bogdanovskaya I.M. The semantic organization of modern religious experience of the individual: extended abstract of cand. dissertation (Psychology): 19.00.01. St. Petersburg, 2002. 186 p.

Контент-анализ ответов на вопрос о молитве («В каких ситуациях вы обычно прибегаете к молитве?») показал, что верующие обращаются к молитве регулярно (18 %) и в разных ситуациях(27 %), сомневающиеся – когда испытывают трудности (24 %) и находятся в отчаянии (21 %), неверующие – в моменты отчаяния (15 %) (табл. 1).

Таблица 1

Ситуации обращения к молитве, %

Категория	Неверующие	Сомневающиеся	Верующие	Итого
Общение	0	12	13	11
Отчаяние	**15**	**21**	9	13
Разное	0	0	**27**	15
Регулярно	0	6	**18**	12
Страх	5	15	15	13
Трудности	10	**24**	12	15
Нет ответа	**70**	**21**	6	21

Хотелось бы отметить, что среди неверующих в значимой степени (70 %) представлена категория «нет ответа», которая (при анализе вкупе с вопросом «обращаетесь ли вы к Богу с молитвой?», который содержит варианты ответа) означает, что неверующий человек не молится вовсе, что, в общем-то, вполне логично. Также особенное внимание считаем нужным уделить категориям «разное» и «общение», которые представлены в большей степени среди верующих (27 и 13 % соответственно), а также среди «сомневающихся» категория «общение» (12 %). Категория «разное» обобщает те варианты ответов, которые описывали совершенно различные ситуации / причины обращения к Богу в молитве, зачастую с акцентом на то, что к молитве прибегают «в любых», «во всех» ситуациях.

Контент-анализ ответов на вопрос о верующем человеке показал, что можно выделить несколько категорий: вера, проявляющаяся в делах, в отношении, в ритуалах, в убеждениях, в характере (табл. 2).

Таблица 2

Категории, в которых проявляется вера, %

Категория	Неверующие	Сомневающиеся	Верующие	Итого
Дела	10	9	17	14
Отношения	0	12	**25**	17
Ритуалы	15	6	10	10
Убеждения	**40**	**30**	**35**	34
Черты личности	**20**	**36**	6	16
Нет ответа	15	6	7	8

Описывая характеристики верующего человека, респонденты обращаются к разным сторонам личности. У всех трех групп преобладает представление о верующем как о человеке с определенными убеждениями, интеллектуальными установками. Критерием для отнесения определений к этой группе послужили такие высказывания, как «убежденный», «нет сомнения», «с определенным мировоззрением» и пр. В группе верующих также преобладают определения, в которых представлено отношение человека к Богу (25 %): «знаю Бога лично», «настраивающий свои отношения с ним…», «может поговорить с Богом…», «любящий, чтящий Бога». Неверующие и сомневающиеся в большей степени прибегают к описанию внутренних качеств характера (36 и 20 % соответственно), свойственных человеку: «скромный, принимающий взгляды других», «слабый», «добрый и искренний», «нравственный».

Последний открытый вопрос, на который респондентам предлагалось дать ответ, звучал так: «если бы у Вас была возможность напрямую обратиться к Богу с одним вопросом, чтобы вы спросили?». В ходе контент-анализа «вопроса к Богу» было проведено деление категорий по

двум основаниям. Первое заключается в содержании самих вопросов, которые были объединены в следующие группы: «как ты ко мне относишься?», «почему столько зла?», «смысл жизни?», «справочная», «ты есть?», «что будет?», «что делать?», «что есть благо?». При этом 20 % всех испытуемых, как относящих себя к верующим, так и неверующих, пропустили это задание (табл. 3).

Таблица 3

Результат контент-анализа «вопроса к Богу» по первому основанию, %

Категория	Неверующие	Сомневающиеся	Верующие	Итого
Как Ты ко мне относишься	5	9	13	11
Нет вопроса	**30**	**21**	**17**	20
Почему столько зла	**25**	6	16	15
Смысл жизни	10	**24**	10	14
Создание мира	15	3	1	4
Ты есть	15	9	6	8
Что будет	0	18	14	13
Что делать	0	6	**19**	12
Что есть благо	0	3	3	2

Респонденты, причисляющие себя к верующим, чаще всего задавали вопросы, касающиеся справедливости – «почему столько зла?» и вопросы инструктирующего характера – «что делать?». У неверующих преобладали вопросы «почему столько зла?», любопытствующие вопросы о создании мира и вопросы, отражающие сомнения в существовании Бога «ты есть?». Для людей, затруднившихся отнести себя как к верующим, так и к неверующим, наиболее популярными оказались вопросы экзистенциального толка «смысл жизни?» и «что будет?». Вопросы морально-нравственного характера типа «что есть благо?» оказались наименее часто встречающимися для всех трех групп респондентов. Второе основание для разделения вопросов по содержанию касалось объекта, на который направлен вопрос (табл. 4).

Таблица 4

Результат контент-анализа «вопроса к Богу» по второму основанию, %

Категория	Неверующие	Сомневающиеся	Верующие	Итого
Бог	**25**	12	12	14
Люди	10	12	16	14
Мир	15	15	14	15
Я	20	**39**	**41**	37
Нет вопроса	**30**	**21**	**17**	20

Верующие и сомневающиеся чаще всего задавали вопросы, направленные на себя. В качестве примеров можно привести следующие: «какая моя миссия в жизни?», «сколько мне осталось жить?», «правильной ли дорогой я иду?», «сложится ли в моей жизни все так, как я надеюсь?». Неверующие чаще задавали вопросы, относящиеся непосредственно к Богу: «ну и где тебя найти?», «какого черта ты бездельничаешь?» и т. д. Таким образом, для верующих и сомневающихся гипотетический разговор с Богом – получение «обратной связи», оценки, совета или одобрения своего поведения.

Религиозная идентичность индивида – значимая часть самосознания человека, которая является результатом его социализации через принятие определенных конфессиональных ценностей и норм, учитывая при этом личностные особенности индивида. Благодаря религиозному самоопределению человек формирует представления о взаимоотношениях с окружающими, о жизненном пути, ценностях и ориентирах, о смысле жизни.

Несмотря на отсутствие четко выработанной концепции религиозной идентичности, исследователи сходятся во мнении, что религиозность представляет собой органический комплекс из представлений, эмоций и поведения. Большинство авторов склонны акцентировать вни-

мание на одном или двух измерениях и исключать другие (религиозные знания, поведение, чувства респондента по отношению к религиозным объектам, институтам). Существуют разные уровни проявления религиозности, начиная от «декларируемого религиозного статуса», который, по нашему мнению, отражает некие представления человека о религии и ее значении и является по сути *когнитивным компонентом* религиозной идентичности, заканчивая «недекларируемой религиозной идентичностью», которая является более глубинной интегрирующей характеристикой личности, так как является составляющей социальной идентичности, а, следовательно, встраивается в «Я-концепцию» личности в системе современного образования.

Библиографический список

Акперian Ф.Г. Проблемы религиозной идентичности у подростков // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 1(8). С. 22–25.
Андреева Л.А., Андреева Л.К. Религиозность российской молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010. № 9 (317). С. 95–98.
Гараджа В.И. Религиоведение. Изд. 2-е, доп. М.: Аспект Пресс, 1995. 351 с.
Грановская Р.М. Психология веры. СПб.: Речь, 2004. 576 с.
Гуриева С.Д. Психология межэтнических отношений: монография. СПб.: ВВМ, 2010. 276 с.
Лазуткина М.А. Теоретический анализ структуры религиозной идентичности и способов ее измерения // Альманах современной науки и образования. 2012. № 12 (67). В 2-х ч. Ч. 1. С. 79–82.
Левада. М.Ю. Современное христианство и социальный прогресс. М., 1962. 208 с.
Матвеева Н.Ю. Методология социального познания в русской религиозной философии // Социологические исследования. 2004. № 1 (237). С. 61–68.
Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2012. Т. 5. № 26. С. 2.

References

Akperian F.G. Problems of teenagers' religious identity. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Vector of science of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology], 2012, no. 1 (8), pp. 22–25. (In Russian).
Andreeva L.A., Andreeva L.K. Religiosity of Russian youth. The experience of comparison with the religiosity of the Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2010, no. 9 (317), pp. 95–98. (In Russian).
Garadzha V.I. *Religiovedenie* [Religious studies]. Moscow: Aspekt Press Publ., 1995, 351 p. (In Russian).
Granovskaya R.M. *Psikhologiya very* [Psychology of faith]. Saint-Petersburg: Rech' Publ., 2004, 576 p. (In Russian).
Gurieva S.D. *Psikhologiya mezhetnicheskikh otnoshenii* [Psychology of interethnic relations]. Saint-Petersburg: VVM Publ., 2010, 276 p. (In Russian).
Lazutkina M.A. Theoretical analysis of the structure of religious identity and methods of its measurement. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2012, no. 12 (67), in 2 parts, p. 1, pp. 79–82. (In Russian).
Levada. M.Yu. *Sovremennoe khristianstvo i sotsial'nyi progress* [Modern Christianity and social progress]. Moscow, 1962, 208 p. (In Russian).
Matveeva N.Yu. Methodology of social cognition in Russian religious philosophy. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2004, no. 1 (237), pp. 61–68. (In Russian).
Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I. Identity as a psychological construct: the possibilities and limitations of the interdisciplinary approach. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Psychological studies: electronic scientific journal], 2012, vol. 5, no. 26, pp. 2. (In Russian).

Критерии авторства

Гуриева С.Д. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Gurieva S.D. has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторе

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, e-mail: Gurievasv@gmail.com

Author Credentials

Светлана Д. Гуриева, Dr. Sci. (Psychology), Professor of Social Psychology Department, e-mail: Gurievasv@gmail.com

УДК 316.4

АКТУАЛЬНЫЕ ФИЛЬМЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

© Ю.М. Карушева

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
Ивановский государственный университет,
153025, Российская Федерация, г. Иваново, ул. Ермака, 39

Аннотация. Настоящая статья, основанная на материале социологических опросов, а также американских и российских рейтингов фильмов периода холодной войны, посвящена анализу того, какие фильмы рассматриваемого периода сохраняют свою значимость сегодня. Автор приходит к выводу, что ухудшающиеся оценки отношений между Россией и США способствуют увеличению оценок вероятности возобновления холодной войны между двумя странами. В связи со сложившимся состоянием общественного мнения можно говорить о сохранении фильмами периода холодной войны своей актуальности. Кинематограф являлся одним из инструментов в борьбе между двумя странами для формирования образа врага в умах зрителей. Фильмы, созданные в этот период, до сих пор оказывают влияние на мнения тех, кто их смотрит. Как показал анализ кинорейтингов, фильмы американского производства в большей степени рассматриваются как фильмы холодной войны. Чаще всего в списках были представлены американские фильмы, снятые в 1960-е годы, а именно в годы обострения отношений между двумя странами. Американские фильмы периода холодной войны демонстрируют открытое противостояние как СССР и США, так и коммунистического и капиталистического миров в целом. В рейтинги советских фильмов исследуемого периода хоть и включают фильмы об открытом противостоянии двух государств, однако чаще в них попадают фильмы, показывающие негативные стороны американского образа жизни.

Ключевые слова: *российско-американские отношения, советский кинематограф, американский кинематограф, холодная война.*

Информация о статье*: дата поступления 1 декабря 2018 г.; дата принятия к печати 11 декабря 2018 г.; дата онлайн-размещения 29 декабря 2018 г.*

Благодарность: *Публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».*

Для цитирования: Карушева Ю.М. Актуальные фильмы холодной войны: компаративный анализ. Социальная компетентность. 2018; 3 (4):79–83.

ACTUAL FILMS OF COLD WAR: COMPARATIVE ANALYSIS

Yu.M. Karusheva

Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
Ivanovo state university,
39 Ermaka st., Ivanovo, 153025, Russian Federation

Abstract. This article, based on sociological surveys and American and Russian ratings of films from the period of the Cold War, is devoted to an analyzing which films of the period under review retain their significance today. The author comes to the conclusion that the deteriorating assessments of relations between Russia and the United States contribute to an increase in the estimates of the likelihood of the resumption of the Cold War between the two countries. In connection with the prevailing state of public opinion, we can talk about the preservation of the relevance of the films of the Cold War period. Cinema was one of the tools in the struggle between the two countries to form the image of the enemy in the minds of viewers. Films created during this

period still influence the opinions of those who watch them. As shown in the analysis of film ratings, American-made films are to a large extent regarded as Cold War films. Most often, the lists featured American films made in the 1960s, namely, in the years of worsening relations between the two countries. The American films of the Cold War period show open opposition between the USSR and the USA, as well as between communist and capitalist worlds in general. In the ratings of Soviet films of the Cold War period, although they include films about the open confrontation of the two states, more often they include films showing the negative aspects of the American way of life.

Keywords: *Russian-American relationship, Soviet cinema, American cinema, Cold War*

Кинематограф с момента своего возникновения является мощным способом воздействия на умы зрителей. Соединив в себе производство визуального образа, рассказа и звука, он стал инструментом пропаганды и был взят на вооружение государствами (Рябов, 2013. С. 168). Кинематограф стал оружием «мягкой силы», поскольку он не принуждает людей к чему-то против их воли, а, напротив, зрители самостоятельно выбирают фильм для просмотра и с удовольствием впитывают идеологические посылы создателей картины.

Настоящая статья посвящена анализу того, какие фильмы СССР и США периода Холодной войны сегодня рассматриваются как фильмы о Холодной войне, их отличительные черты. Статья состоит из трех частей. Сначала мы кратко рассмотрим характеристику кинематографа СССР и США эпохи Холодной войны. Далее обратимся к данным социологических служб о состоянии общественного мнения в России и США. Затем рассмотрим рейтинги фильмов о Холодной войне, опубликованных американскими и российскими интернет-изданиями.

Атомная бомба не была единственным оружием в противостоянии СССР и США в годы Холодной войны. Важную роль в конфронтации между двумя державами сыграл кинематограф. Американский и советский кинематограф были по-настоящему вовлечены в борьбу в период Холодной войны, хотя структурно две индустрии различались. Советский кинематограф был национализирован, строго централизован и вертикально сконструирован; он был подконтролен государству и партии, что означало цензурирование сценариев, выбор актеров и выпуск фильмов. С другой стороны, американский кинематограф был относительно свободнее от политического воздействия, однако на него в разное время оказывали влияние или пытались влиять правительственные агентства и политические акторы (хотя Голливуд и сам разделял идеологическую точку зрения правительства) (Shaw, Youngblood, 2010. P. 61).

Несмотря на структурные различия кинематографа обеих стран, они были весьма похожи в своих целях. В то время как американцы демонстрировались невинными, смелыми, умными, законопослушными вольнодумцами, коммунисты были злодеями, трусами, психически неустойчивыми, бессердечными машинами, работающими на благо партии, действовали как гангстеры. В таких фильмах они не боролись ни за что, кроме против священных американских принципов: бог, материнство и любовь к каждой семье и стране (Shaw, Youngblood, 2010. P. 24).

Советские фильмы также стремились показать в своих фильмах контраст между двумя мирами: агрессивной, капиталистически-империалистической Америкой и миролюбивым социалистически-империалистическим Советским Союзом. Было необходимо изображать СССР принципиально мирной страной в противоположность помешанному на войне Американскому командованию. При этом Советский Союз должен был быть показан активным борцом за мир, собирающим вокруг себя демократические силы в мире (Shaw, Youngblood, 2010. P. 47).

Как для США (Shaw, Youngblood, 2010. P. 27), так и для СССР (Shaw, Youngblood, 2010. P. 44) целью кинематографической борьбы было широкое распространение фильмов, чтобы убедить зрителей в правильности своей точки зрения, сделать мир более американским или более советским. Это противостояние внесло свой вклад в формирование представлений граждан двух стран друг о друге, поскольку для многих фильмы в кинотеатрах или на экранах телевизора были единственными источниками информации друг о друге, об образе жизни, о мировоззрении.

Остановимся кратко на состоянии общественного мнения во время окончания Холодной войны. Падение Берлинской стены в американском обществе означало, согласно социологи-

ческому исследованию, проведенному в 1989 году, окончание Холодной войны и вызывало оптимистичные настроения среди американцев – надежды связывались с улучшением экономического благосостояния (71 %), увеличением политических свобод (88%), а также с тем, что религия будет играть более важную роль (74 %) в Восточной Европе. Кроме того, это событие улучшило отношение американцев к Советскому Союзу – 52 % верили, что это было начало длительных позитивных отношений между США и СССР, а также 65 % думали, что бывшие антагонисты станут союзниками (Pew Research Center. Berlin Wall's fall marked the end of the Cold War for the American public).

Исследование 2014 года, проведенное ФОМ показало, что 22 % россиян в 1989 году отнеслись к падению Берлинской стены положительно, но на момент опроса уже 51% респондентов положительно оценивали это событие. Несмотря на положительные оценки, 60% опрошенных не смогли ответить, каких больше последствий – положительных или отрицательных – падение Берлинской стены имело для России. Среди положительных последствий назывались улучшение отношения к нашей стране (4 %), что коррелирует с результатами опроса американской социологической службы в 1989 году; объединение Германии (3%); окончание Холодной войны (2 %) и др. К отрицательным последствиям россияне отнесли развал СССР (3 %), потеря союзника – ГДР (3 %), приближение НАТО к нашим границам (3%) и т.д. (ФОМ. Падение Берлинской стены: оценки исторического события).

В первую очередь главное значение этого события россияне видят в объединении Германии (38%). Окончание Холодной войны идет на втором месте (5 %), затем следует падение социалистического режима (3 %) и развал СССР (2 %). В целом же, согласно проведенному опросу, нельзя с уверенностью утверждать, считают ли россияне, что с падением Берлинской стены Холодная война закончилась, поскольку ответы респондентов разделились практически поровну – согласны 39 %, не согласны 33 %, затруднились ответить 28 % (ФОМ. Падение Берлинской стены: оценки исторического события).

Социологические службы СССР и США фиксировали взаимное положительное отношение советских граждан и американцев в течение следующих двух лет после падения Берлинской стены. В 1991 году результаты опроса Gallup показали, что 66% американцев позитивно относятся к СССР (Gallup. Russia). В Советском Союзе положительное отношение в том же году декларировали 80 % респондентов (Левада-центр. Россия и Запад).

На сегодняшний день, как показывают результаты опроса ВЦИОМ, большинство россиян оценивают нынешние отношения между Россией и США как напряженные (39%), прохладные (29 %) и враждебные (15 %) (ВЦИОМ. Саммит в Хельсинки: линия обозначена). В свою очередь Gallup демонстрирует, что американцы рассматривают Россию как недружелюбную (37%) и вражескую (29 %) страну для США (Gallup. Russia). С мая 2014 года Левада-центр фиксировал преобладание негативного отношения россиян к США в пределах 49-81% (отметим, что после саммита в Хельсинки появился рост положительного отношения, но о тенденции пока говорить сложно) (Левада-центр. Россия и Запад); за аналогичный период Gallup так же показал рост негативных оценок с 50 до 72 % (Gallup. Russia).

На фоне ухудшающихся отношений между двумя странами вполне логичным выглядит оценка вероятности возобновления Холодной войны. В ноябре 2014 года 31% россиян указали, что очень вероятно или вполне вероятно возобновление Холодной войны, также 25% сказали, что такая война уже идет (ВЦИОМ. Холодная война – вскоре начнется или уже идет?). В марте того же года среди американцев 50 % посчитали, что США и Россия движутся по направлению к Холодной войне. В обоих случаях мнения разделились, однако, как отмечает Gallup, наиболее высокую оценку вероятности возобновления Холодной войны в США демонстрируют респонденты старше 64 лет, что объясняется взрослением этой категории населения в период, когда напряжение между США и СССР доминировало в американской внешней политике (Gallup. Half of Americans Say U.S. Headed Back to Cold War).

В условиях возможного возобновления Холодной войны фильмы, созданные в период в 1946 по 1991 годы по обе стороны океана, сохраняют свою значимость и в наши дни и могут привлекать к себе внимание в целях ознакомления, «с чего все начиналось».

Разные интернет-издания составляют свои рейтинги фильмов Холодной войны. В настоящей работе мы не будем останавливаться на каждом рейтинге в отдельности, а скажем, какие

фильмы чаще всего попадают в списки (NorthJersey.com. In 2018 pop culture, the Cold War is hot again; MNS. Lifting the Iron Curtain: 20 greatest Cold War movies; Business Insider. These Are Ten Of The Greatest Films Ever Made About The Cold War; BBC America. 10 Must-Watch Cold War Films; Reader's digest. 10 thrilling films about the Cold War; The Cinemaholic. 12 Best Cold War Movies of All Time; PJ Media. The 10 Best Movies to Watch to Understand the Cold War; Le Figaro. Les 20 meilleurs films d'espionnage en guerre froide; Русская семерка. 7 антисоветских фильмов времен Холодной войны; Daily Storm. Кино Холодной войны; Russia beyond. Beyond the propaganda: 8 great films showing both sides of the Cold War). Итак, на основе 11 рассмотренных рейтингов список наиболее часто встречающихся картин[1] выглядит следующим образом:

1. Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил водородную бомбу (1963).
2. Шпион, пришедший с холода (1965).
3. Маньчжурский кандидат (1962).
4. Охота за Красным октябрем (1990).
5. Из России с любовью (1963).
6. Красный рассвет (1984).
7. Система безопасности (1964).
8. Случай с Бедфордом (1965).
9. Огненный лис (1982).
10. Разорванный занавес (1966).
11. Семь дней в мае (1964).
12. Третий человек (1949).

Каждый из представленных фильмов прямолинейно повествует о противостоянии, если не конкретно СССР и США, то о противостоянии коммунистического и капиталистического миров. Среди сюжетных линий картин можно условно выделить шпионскую борьбу и открытую конфронтацию с использованием вооружений.

Даты выхода этих популярных фильмов времен Холодной войны обращают на себя внимание – восемь из двенадцати картин приходятся на 1960-е года, вошедшие в историю как период обострения отношений между СССР и США. Так, тема Карибского кризиса, возможного взаимного применения ядерного оружия, вероятно, стала предпосылкой создания фильмов «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил водородную бомбу» и «Система безопасности». В обеих кинокартинах Соединенные Штаты Америки по ошибке применяет оружие против Советского Союза, что влечет за собой последствия для США и всего мира. «Доктор Стрейнджлав» показывает историю, используя беспощадный юмор и высмеивая поведение обеих сторон конфликта. «Система безопасности» в жанре триллер наоборот демонстрирует безнадежность такого варианта развития событий, где не может быть победителя. Тема взаимного уничтожения также поднимается в картине «Случай с Бэдфордом», но только в масштабе двух морских судов.

Следующий фильм, который также относится к теме ядерного противостояния, «Семь дней в мае» мог быть реакцией на подписание Договора о запрещении испытаний ядерного оружие в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Фильм рассказывает о заговоре военных, недовольных подписанием с Советским Союзом договора о ядерном разоружении, против Президента США. В данной кинокартине, можно предположить, демонстрируются настроения высшего командования Соединенных Штатов, среди которого не все могли быть довольны достигнутым соглашением с русскими.

В рейтинги фильмов о Холодной войне попадают шпионские фильмы, действие которых происходит в послевоенном Берлине – «Шпион, пришедший с холода» и «Разорванный занавес». В первом фильме повествование идет о перипетиях шпионской жизни, в которой агенты являются пешками могущественных разведок. Второй фильм обращается к теме похищения научных секретов противника. Другой фильм, «Из России с любовью», продолжает тему захвата научных разработок противника, при этом демонстрируя, что ни мастерству, ни обаянию западного агента противостоять невозможно.

[1] Фильмы представлены в трех рейтингах и более.

Рейтинг фильмов Холодной войны дополняется такими картинами о получении военных разработок Советского Союза как «Охота за Красным октябрем» и «Огненный лис». В первом случае сам капитан советской подводной лодки решается сдаться США и заодно передать высокотехнологичную подлодку, во втором – американцы сами отправляют своего пилота для похищения нового МиГ-31.

Картина «Маньчжурский кандидат» является политическим триллером, в котором американские военные были похищены и зомбированы коммунистами на убийство Президента США. Фильм вышел уже после эпохи Маккартизма, но, тем не менее, он несет в себе идею, что коммунисты находятся чуть ли не под каждой американской кроватью и пытаются подорвать страну изнутри. Если этот фильм рассказывает о подпольной борьбе, то патриотичная картина «Красный рассвет» повествует об открытом нападении СССР на США, которое отбивает группа американских подростков.

Советские фильмы, поднимающие тему Холодной войны, менее популярны, чем американские. Были рассмотрены 3 рейтинга (Russia beyond. Beyond the propaganda: 8 great films showing both sides of the Cold War; Нож. «А у вас негров линчуют»: советские фильмы про Америку; Назад в СССР. Америка в советском кино), в которых совпали только четыре фильма[2]:

1. Богач, бедняк (1982).
2. Мираж (1983).
3. Ошибка Тони Вендиса (1981).
4. Раффферти (1980).

Как заметил составитель одного рейтинга, указанные советские фильмы были экранизациями произведений американских писателей, но в них была усилена социальная составляющая, чтобы изобличить американский образ жизни.

«Богач, бедняк» повествует историю бедной семьи немецкого эмигранта, пытающейся жить в США. Фильм показывает, как пытаются преуспеть в жизни, но судьба всех персонажей складывается не так, как они мечтали. Отец кончает жизнь самоубийством. Дочь не является образцом морального поведения, становится второстепенной актрисой, рожает сына от женатого мужчины. Старший постоянно ввязывается в драки, становится неудачным боксером. Единственный, кто преуспел – младший брат, сумевший выучиться в колледже, построить коммерческую и политическую карьеру, но вскоре после назначения мэром вынужден подать в отставку.

Фильм «Мираж» рассказывает об отчаявшихся людях, собравшихся в Америке и решившихся на ограбление инкассаторской машины, как единственного способа решения их жизненных проблем. Однако им это не удается, и один за другим они погибают.

В картине «Ошибка Тони Вендиса» представлена история теннисиста, который боится потерять свое положение в обществе, если его богатая супруга разведется с ним, выбрав своего любовника. Чтобы избежать такой ситуации и получить все состояние, он решается на организацию убийства своей жены. План срывается, но главный герой поворачивает ситуацию в свою пользу, хотя в итоге это ему не удается.

Наконец, фильм «Раффферти» показывает жизнь функционера профсоюза. По ходу действия картины он раскрывается как беспринципный тип, для которого не имеет значения ничья жизнь, кроме его. Он предает свою семью, друзей, любимую женщину ради сохранения своего места в обществе, власти, богатства.

Все представленные фильмы объединяет жажда героев до материальных благ, ради которых они готовы на все, даже на совершение аморальных поступков. Но для них всех финал оказывается трагичным. В этом была демонстрация капиталистического образа жизни, которая учила, что в таком обществе нельзя построить счастье.

Таким образом, можно подвести итоги проведенного исследования. Как показали социологические исследования, отношения между Россией и США с момента падения Берлинской стены изменялись от крайне положительных до негативных в настоящее время. Охлаждение отношений между странами логично наводит на мысли на возрождение Холодной войны, закончившейся в конце XX столетия. В этих условиях обращение к кинематографу того периода,

[2] Разумеется, в рейтинги попадали такие фильмы как «Ошибка резидента», «Мертвый сезон», «ТАСС уполномочен заявить», «Встреча на Эльбе», но совпали фильмы об американском образе жизни.

как художественному отражению отношений между двумя государствами, является особенно актуальным.

Рейтинги советских и американских фильмов периода Холодной войны продемонстрировали определенные различия. Во-первых, американские фильмы больше идентифицируются как фильмы о противостоянии СССР и США, как фильмы о Холодной войне, что показывает количество обнаруженных по теме рейтингов. Во-вторых, в рейтинги американских фильмов о Холодной войне вошли картины, открыто показывающие борьбу Советского Союза и Соединенных Штатов Америки; в российские же рейтинги советских фильмов об США вошли фильмы, показывающие американский образ жизни в негативном ключе.

Библиографический список

1.ВЦИОМ. Саммит в Хельсинки: линия обозначена [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9220 (23.09.2018).
2.ВЦИОМ. Холодная война – вскоре начнется или уже идет [Электронный ресурс]? URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=659 (23.09.2018).
3. Левада-центр. Россия и Запад [Электронный ресурс]. URL: https://www.levada.ru/2018/08/02/rossiya-i-zapad-3/ (23.09.2018).
4. Назад в СССР. Америка в советском кино [Электронный ресурс]. URL: http://back-in-ussr.com/2016/11/amerika-v-sovetskom-kino.html (08.10.2018).
Нож. «А у вас негров линчуют»: советские фильмы про Америку [Электронный ресурс]. URL: https://knife.media/anti-american-films/ (08.10.2018).
5.Русская семерка. 7 антисоветских фильмов времен Холодной войны [Электронный ресурс]. URL: http://russian7.ru/post/7-antisovetskix-filmov-vremen-xolodnoj-vojny/ (08.10.2018).
Рябов О.В. "From Russia with love": Образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа 6. (1946-1963 гг.) // Общественные науки и современность, 2013. №5. С. 166-176.
ФОМ. Падение Берлинской стены: оценки исторического события [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/Proshloe/11805 (23.09.2018).
7. Daily Storm. Кино Холодной войны [Электронный ресурс]. URL: https://dailystorm.ru/vlast/kino-holodnoy-voyny (02.10.2018).
8. BBC America. 10 Must-Watch Cold War Films [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbcamerica.com/anglophenia/2016/03/10-must-watch-cold-war-films (02.10.2018).
Business Insider. These Are Ten Of The Greatest Films Ever Made About The Cold War [Электронный ресурс]. URL: https://amp.businessinsider.com/the-ten-greatest-cold-war-films-2014-11 (02.10.2018).
9.Gallup. Half of Americans Say U.S. Headed Back to Cold War [Электронный ресурс]. URL: https://news.gallup.com/poll/168116/half-americans-say-headed-back-cold-war.aspx (25.09.2018).
Gallup. Russia [Электронный ресурс]. URL: https://news.gallup.com/poll/1642/russia.aspx (25.09.2018).
10.Le Figaro. Les 20 meilleurs films d'espionnage en guerre froide [Электронный ресурс]. URL: http://www.lefigaro.fr/cinema/2012/02/07/03002-20120207ARTFIG00666-top-20-des-meilleurs-films-d-espionnage-en-guerre-froide.php (02.10.2018).
11.MNS. Lifting the Iron Curtain: 20 greatest Cold War movies [Электронный ресурс]. URL: https://www.msn.com/en-us/movies/gallery/lifting-the-iron-curtain-20-greatest-cold-war-movies/ss-AAfhyys (02.10.2018).
12.NorthJersey.com. In 2018 pop culture, the Cold War is hot again [Электронный ресурс]. URL: https://www.northjersey.com/story/entertainment/2018/08/17/cold-war-movies-and-russian-espionage-movies-spy-movies-making-comeback/998204002/ (02.10.2018).
13.Pew Research Center. Berlin Wall's fall marked the end of the Cold War for the American public [Электронный ресурс]. URL: http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/11/03/berlin-walls-fall-marked-the-end-of-the-cold-war-for-the-american-public/ (25.09.2018).
14.PJ Media. The 10 Best Movies to Watch to Understand the Cold War [Электронный ресурс]. URL: https://pjmedia.com/lifestyle/2014/4/19/the-10-best-movies-to-watch-to-understand-the-cold-war/ (02.10.2018).
15.Reader's digest. 10 thrilling films about the Cold War [Электронный ресурс]. URL: https://www.readersdigest.co.uk/culture/film-tv/10-thrilling-films-about-the-cold-war (02.10.2018).
Russia beyond. Beyond the propaganda: 8 great films showing both sides of the Cold War [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbth.com/arts/328274-beyond-propaganda-8-great-films-showing-both-sides-of-cold-war (02.10.2018).

16.Shaw T., Youngblood D.J. Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds. Lawrence: University Press of Kansas. 2010. 301 p.
17.The Cinemaholic. 12 Best Cold War Movies of All Time [Электронный ресурс]. URL: https://www.thecinemaholic.com/best-cold-war-movies/ (02.10.2018).

References

WCIOM. Sammit v Hel'sinki: liniya oboznachena [Summit at Helsinki: the line is marked]. Available at: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9220 (accessed 23 September 2018). (In Russian).
WCIOM. Holodnaya vojna – vskore nachnetsya ili uzhe idet [Cold War – will it begin soon or it goes]? Available at: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=659 (accessed 23 September 2018). (In Russian).
Levada-centr. Rossiya i Zapad [Russia and West]. Available at: https://www.levada.ru/2018/08/02/rossiya-i-zapad-3/ (accessed 23 September 2018). (In Russian).
Nazad v SSSR. Amerika v sovetskom kino [Back to the USSR. America in Soviet movies]. Available at: http://back-in-ussr.com/2016/11/amerika-v-sovetskom-kino.html (accessed 8 October 2018). (In Russian).
Nozh. «A u vas negrov linchuyut»: sovetskie fil'my pro Ameriku [Knife. "And you have blacks lynched": Soviet movies about America]. Available at: https://knife.media/anti-american-films/ (accessed 8 October 2018). (In Russian).
Russkaya semerka. 7 antisovetskih fil'mov vremen Holodnoj vojny [Russian seven. 7 antisoviet movies of Cold War]. Available at: http://russian7.ru/post/7-antisovetskix-filmov-vremen-xolodnoj-vojny/ (accessed 8 October 2018). (In Russian).
Riabov O.V. "From Russia with love": Obraz SSSR v gendernom diskurse amerikanskogo kinematografa (1946-1963 gg.) [The image of the USSR in gender discourse of American cinema] // Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2013. №5. Pp. 166-176. (In Russian).
FOM. Padenie Berlinskoj steny: ocenki istoricheskogo sobytiya [Berlin Wall's fall: evaluations of historical event]. Available at: https://fom.ru/Proshloe/11805 (accessed 23 September 2018). (In Russian).
Daily Storm. Kino Holodnoj vojny [Cold War movies]. Available at: https://dailystorm.ru/vlast/kino-holodnoy-voyny (accessed 2 October 2018). (In Russian).
BBC America. 10 Must-Watch Cold War Films. Available at: http://www.bbcamerica.com/anglophenia/2016/03/10-must-watch-cold-war-films (accessed 2 October 2018).
Business Insider. These Are Ten Of The Greatest Films Ever Made About The Cold War. Available at: https://amp.businessinsider.com/the-ten-greatest-cold-war-films-2014-11 (accessed 2 October 2018).
Gallup. Half of Americans Say U.S. Headed Back to Cold War. Available at: https://news.gallup.com/poll/168116/half-americans-say-headed-back-cold-war.aspx (accessed 25 September 2018).
Gallup. Russia. Available at: https://news.gallup.com/poll/1642/russia.aspx (accessed 25 September 2018).
Le Figaro. Les 20 meilleurs films d'espionnage en guerre froide. Available at: http://www.lefigaro.fr/cinema/2012/02/07/03002-20120207ARTFIG00666-top-20-des-meilleurs-films-d-espionnage-en-guerre-froide.php (accessed 2 October 2018).
MNS. Lifting the Iron Curtain: 20 greatest Cold War movies. Available at: https://www.msn.com/en-us/movies/gallery/lifting-the-iron-curtain-20-greatest-cold-war-movies/ss-AAfhyys (accessed 2 October 2018).
NorthJersey.com. In 2018 pop culture, the Cold War is hot again. Available at: https://www.northjersey.com/story/entertainment/2018/08/17/cold-war-movies-and-russian-espionage-movies-spy-movies-making-comeback/998204002/ (accessed 2 October 2018).
Pew Research Center. Berlin Wall's fall marked the end of the Cold War for the American public. Available at: http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/11/03/berlin-walls-fall-marked-the-end-of-the-cold-war-for-the-american-public/ (accessed 25 September 2018).
PJ Media. The 10 Best Movies to Watch to Understand the Cold War. Available at: https://pjmedia.com/lifestyle/2014/4/19/the-10-best-movies-to-watch-to-understand-the-cold-war/ (accessed 2 October 2018).
Reader's digest. 10 thrilling films about the Cold War. Available at: https://www.readersdigest.co.uk/culture/film-tv/10-thrilling-films-about-the-cold-war (accessed 2 October 2018).
Russia beyond. Beyond the propaganda: 8 great films showing both sides of the Cold War. Available at: https://www.rbth.com/arts/328274-beyond-propaganda-8-great-films-showing-both-sides-of-cold-war (accessed 2 October 2018).
Shaw T., Youngblood D.J. Cinematic Cold War: The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds. Lawrence: University Press of Kansas. 2010. 301 p.
The Cinemaholic. 12 Best Cold War Movies of All Time. Available at: https://www.thecinemaholic.com/best-cold-war-movies/ (accessed 2 October 2018).

Критерии авторства

Карушева Ю.М. провела исследование, оформила научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

Karusheva Yu.M. have conducted research, formalized research results and bear responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

Сведения об авторах

Карушева Ю.М., исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет, аспирант кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета, e-mail: karushevajm@gmail.com

Author's Credentials

Karusheva Yu.M., Saint Petersburg State University grant Contractor,
PhD student, Chair of sociology and human resources management, Ivanovo state university, e-mail: karushevajm@gmail.com

УДК 316.4

КАНАЛЫ КОММУНИКАЦИИ ОСНОВНЫХ УЧАСТНИКОВ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА ПРИНИМАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИИ: СЛУЧАИ КРУПНЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ РОССИИ

©П.П. Лисицын

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Аннотация: Материалы, представленные в данной статье, основываются на исследованиях второго этапа миграционных процессов для внешних трудовых мигрантов в 2017 г. в городах России: Самара, Ростов, Тольятти, Санкт-Петербург, Москва, Иваново, Калининград, Сыктывкар, Саранск. Автор намеренно исключил из материалов анализа в представленном тексте любые эмпирические материалы, полученные в городах за пределами России, так как объектом интереса этой статьи являются дополнительные участники второго этапа миграционного процесса, имеющие свою специфику в зависимости от принимающей территории и от исторического контекста времени. В связи с этим, эмпирическое описание должно носить фундаментальный характер. В частности, результаты эмпирического исследования проде монстрировали возможность разделения миграционного процесса на два этапа: первый - совершение участником процесса миграции целенаправленной системы действий, направленной на получение статуса мигранта, второй этап – совершение участником процесса целенаправленной системы действий, направленной на отказ от статуса мигранта. Помимо этого, результаты эмпирического исследования позволили группировать участников второго этапа миграционного процесса по критерию личной заинтересованности в процессе миграции как: основных и дополнительных, где основные *участники* обладают собственным интересом в миграционном процессе, в то время как дополнительные участники вводятся в миграционный процесс основными, для отставания интересов последних. Так, к основным участникам относятся: мигрант, работодатель и государство, в то время как к дополнительным: национально культурные автономии, посреднические организации, земляки, фирмы по найму рабочей силы и т.п. Основные эмпирические выводы описывают каналы, фоны и содержание коммуникационного процесса между основными участниками второго этапа.

Ключевые слова: *социология миграции, повседневная жизнь, теория риска, неоинституциональная теория, трудовая миграция***.**

Информация о статье: Дата поступления 28 ноября 2018 г., дата принятия к печати 30 ноября 2018 г., дата онлайн-размещения 29 декабря 2018 г.

Благодарность: *Статья написана при поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект № МК-773.2017.6.*

Для цитирования: *Лисицын П.П. Каналы комуникации основных участников миграционного процесса на принимающей территории: случаи крупных и средних городов России. Социальная компетентность. 2018; 3(4)*:84–93.

COMMUNICATION OF THE MAIN PARTICIPANTS OF THE MIGRATION PROCESS IN THE HOST TERRITORY: CASES OF LARGE AND MEDIUM-SIZED CITIES OF RUSSIA

Pavel P.Lisitsyn

Saint-Petersburg State University
199034, Russia, Siant-Petersburg, Universitetskaya nab. 7-9

***Abstract*:** The materials presented in this article are based on the empirical research of the second stage of migration processes [1: Lisitsyn P. p. 2017] for external labor migrants in 2017 in the cities of Russia: Samara, Rostov, Togliatti, St. Petersburg, Moscow, Ivanovo, Kaliningrad, Syktyvkar,
In particular, the results of the empirical study demonstrated the possibility of dividing the migration process into two stages: the first stage - the participant of the migration process makes a target system of actions aimed to

obtaining the migrant's status, the second stage – the participant makes a target system of actions aimed to give up with the migrant's status. In addition, the results of the empirical study allowed to group the participants of the second stage of the migration process according to the criterion of personal interest: main and additional, where the main participants have their own interest in the migration process, while additional participants are introduced into the migration process by the main ones. The main participants are: migrant, employer and the State. The additional ones are: national cultural autonomies, intermediary organizations, countrymen, etc. Empirical results describe the channels, backgrounds and content of the communication process between the main participants of the second stage.

Keywords: *Sociology of migration, everyday life, risk theory, neo-institutional theory, labor migration.*

Gratitude : *The article was made under the support of the grant Council of the President of the Russian Federation, project № MK-773.2017.6*

Сегодня трудовая миграция как междисциплинарный объект изучения предполагает различные ракурсы, приемы и техники исследования, а также разнообразную методологию. Демографы рассматривают влияние миграции на численность населения [2:Anderson B. 2001: 12]. Политологи анализируют роль государства в осуществлении контроля миграционных изменений и процесс формирования национальной политики и национальной безопасности [3,4: Регент Т. 1998; Булдаков В. П 2007]. Историки изучают миграционный опыт субъектов миграции, определяют регионы исхода населения и роль миграции в развитии общества с точки зрения исторической ретроспективы [5: Дробижева Л. М. 2003]. Социологии выделяют причины и поводы для миграции, изучают адаптацию мигрантов на принимающей территории, рассматривают социальную мобильность, занимаются прогнозированием миграционных процессов [6,7: Петров В. В. 2005; Рыбаковский Л. Л. 2003]. Психологи рассматривают миграцию с точки зрения «культурного стресса», адаптации мигрантов, специфических миграционных стратегий, психологических проблем взаимоотношения различных этнических групп [8,9,10: Павленко В. Н. 2001; Сарапас В. Л. 1993; Стефаненко Т. Г. 2003]. Экономисты рассматривают миграцию сквозь понятия: рынок труда, безработица, себестоимость и качество продукции [11: Радаев В. В., Шкаратан И. О. 1996]. Однако какой бы спецификой не обладали подходы и теории миграционных процессов, в научной среде укрепляется мнение о том, что необходима единая специфическая область знания, направленная на изучение миграционных процессов. Современное состояние исследований проблем миграции требует выработки междисциплинарных теоретико-методологических параметров. На наш взгляд, пять теоретических концепций являются основополагающими для изучения миграционных процессов в рамках междисциплинарного подхода: сетевой подход [12: Градосельская Г. В. 2004], новый институциональный подход [13,14: Норт Д. 1997; Кирдина С. Г. 2009], теория рисков [15: Буянов В. П., Кирсанов К. А., Михайлов Д. М. 2006], концепция «человеческого капитала» [16,17,18: Корчагин Ю. А. 2011; Bekker G. 2003; Капелюшников Р. И. 2001] и теоретико-методологические основы, разрабатываемые в формирующейся сегодня отечественной социологии миграции [19, 20: Юдина Т. Н. 2002, 2003].

Наше описание дополнительных участников миграционного процесса в России, основывается на авторских исследованиях в девяти городах России, с выявлением обще региональных закономерностей. В рамках исследования, в общей сложности, было проведено 186 интервью с трудовыми мигрантами (не менее 20 в одном регионе); 50 интервью с работодателями, нанимающими на работу трудовых мигрантов (не менее 7 в одном регионе); 26 интервью с представителями государственных институций, в чьи обязанности входит работа с мигрантами или работодателями, нанимающими на работу трудовых мигрантов (не менее 4 интервью в одном регионе); 38 интервью, с представителями «буферов», введенных работодателем и трудовым мигрантом на втором этапе миграционного процесса (не менее 5 интервью в одном регионе). Все интервью проводились и анализировались по правилам глубинных интервью. Особенность проведения исследования заключалась в подходе к интервью с мигрантами. Так, исследователи перед проведением всех интервью с мигрантами, знакомились с ними, в течение недели, участвуя в выполняемой ими работе (по договоренности с работодателями), представляясь аспирантами экономического вуза, выполняющими практику на объекте. Такое включение в работу мигрантов позволяло завязаться приятельским отношениям между исследователями и

объектами, что положительно сказывалось, в первую очередь, на процессе получения информации, а также, позволяло исследователям получить доступ к «буферам» введенными мигрантами.

Эмпирическое исследование начиналось с поиска доступа к работодателям, затем от работодателей исследователи получали доступ к «буферам» (посредникам), введенным работодателем, а также к мигрантам. От мигрантов, исследователи получали доступ к «буферам» введенных мигрантами. Завершающим этапом исследования было получение доступа к представителям государства. В каждом регионе работало от двух до трех исследователей. Общее время нахождения на принимающей территории исследовательской группы варьировалось от 23 до 32 рабочих дней.

За время проведения исследовательского проекта исследователи зафиксировали наличие трех основных участников второго этапа миграционного процесса: работодатель, государство, трудовой мигрант, между которыми происходит постоянная двусторонняя коммуникация, направленная на отстаивание своих собственных интересов. Для определения посредников в коммуникациях между всеми участниками процесса, рассмотрим каждую из коммуникационных практик отдельно: Работодатель – мигрант, мигрант – работодатель; государство – работодатель, работодатель – государство; государство – мигрант, мигрант – государство.

Интерес работодателя, нанимающего иностранную рабочую силу, заключаются в повышении эффективности работы его предприятия. Соответственно этот интерес работодатель отстаивает в своей коммуникации с трудовым мигрантом. Исследование продемонстрировало два канала коммуникации между работодателем и мигрантом: формальный канал коммуникации и неформальный канал коммуникации.

В качестве прямых формальных каналов во всех исследуемых городах, авторский коллектив фиксировал разного характера трудовые договоры между работодателем и мигрантом. Случаи отсутствия договоров также фиксировались исследователями, однако они не относятся к рассматриваемым формальным каналам. В данном случае, под прямой коммуникацией, мы понимаем подпись на двустороннем договоре и мигранта и работодателя.

Исследователи фиксировали наличие посредника введенного работодателем для формальной коммуникации с мигрантом. Были зафиксированы специализированные фирмы по найму иностранных работников. Исследовательское утверждение о том, что именно работодатель инициировал этого посредника, основывается на том, что работодатель нес издержки по оплате труда этого посредника. В данном случае, в качестве формального канала коммуникации, исследователи фиксировали тройственный договор между работодателем, фирмой посредником и трудовым мигрантом.

Необходимо понимать, что коммуникация между работодателем и трудовым мигрантом начинается не с процесса работы по найму последнего, а с процесса труда работодателя направленного на отбор работников. В этот труд может входить выбор работника и предварительные договоренности о процессе работы. Исследователи, также как и в первом случае формальных контактов, в городах России, сталкивались с прямыми неформальными каналами коммуникации работника и работодателя при поиске работника. Так, например работодатель в г. Иваново, переманил у конкурента трудового мигранта из Узбекистана к себе в швейную мастерскую, лично договариваясь с ним и предлагая ему лучшие условия. Другой исследовательский пример, относится к Самаре, где работодатель сам являлся выходцем из Таджикистана, самостоятельно договаривался со своими работниками таджиками об условиях труда. Также интересны случаи зафиксированные исследователями в Ленинградской области, когда мигранты сами ходят по садовым участкам и предлагают себя в качестве работника. Однако на этапе поиска работника крайне редко встречаются прямые неформальные контакты работодателя с работником. В большей степени, они проходят через посреднические каналы.

Исследования показали, что чаще всего прямые неформальные каналы коммуникации между работодателем и мигрантом начинаются в процессе работы последнего. Например, договоренность о времени, месте, условиях, характере работы и способах ее оплаты происходит через личные устные договоренности работодателя и мигранта. Причем, эти договоренности, по значимости значительно выше, чем договоренности, достигнутые в рамках прямого или

даже посреднического формального взаимодействия (т.е. трудового договора). Забегая вперед, можно сказать, что трудовые договоры необходимы работодателю и мигранту, исключительно для коммуникации с государством.

Неформальные посреднические каналы в коммуникации работодатель – мигрант, на этапе подбора персонала, часто встречаются у работодателей нанимающих второго и более мигранта на работу. В этом случае речь идет о личной договоренности с уже имеющимся работником по поводу приглашения нового работника или временном замещении должности опытного. Например, работодатель в г. Ростов нанял два года назад первого трудового мигранта, в 2015 году нанял еще одного по рекомендации и посредствам договоренности со своим первым работником. Нередки случаи временного замещения работников на период их отъездов на родину. Например, работодатель в г. Саранск ежегодно отпускает своего работника на три недели в Узбекистан, а вместо него приезжает работать его брат. Соответственно договоренности об оплате и условиях труда для заместителя работодатель проговаривает со своим старым работником.

Редкий случай неформальных посреднических контактов встретили исследователи в г. Тольятти и г. Иваново. В этом случае посредником выступал другой работодатель, у которого отпала необходимость в иностранном работнике. Наниматель в этих примерах обговаривал условия работы и прочее в беседе с коллегой.

Неформальные посреднические каналы в коммуникации работодатель – мигрант во время производственных практик последнего, встречаются на средних и крупных предприятиях, на которых трудятся более четырех иностранных граждан. В этом случае работодателем вводится фигура прораба (во всех исследовательских случаях он выбирается из одного из иностранных работников), с которым напрямую обговариваются условия его труда, однако условия для остальных обговариваются с ним же.

Интерес в коммуникации с работодателем у внешнего трудового мигранта заключается в улучшении материального благополучия, условий труда и защите собственных прав. Исследователи, также как и в случае коммуникации «работодатель – мигрант», зафиксировали два канала коммуникации между мигрантом и работодателем: формальный канал коммуникации и неформальный канал коммуникации. Для начала рассмотрим формальные прямые каналы коммуникации.

Формальные прямы каналы коммуникации мигрант - работодатель, как это и должно быть, соответствуют формальным прямым каналам коммуникации работодатель – мигрант. В качестве прямых формальных каналов во всех исследуемых городах, исследовательский коллектив фиксировал разного характера трудовые договоры между мигрантом и работодателем.

Ни в одном регионе исследовательским коллективом не были выявлены дополнительные участники миграционного процесса в рамках формальных коммуникационных каналов, введенных мигрантом. Несмотря на опыт части мигрантов устройства на работу через официальные агентства по найму, эти агентства были определены исследователями, как дополнительные участники, введенные работодателем.

Неформальные прямые контакты, так же как формальные прямые контакты, совпадают с коммуникацией работодатель – мигрант. И происходят как на этапе труда мигранта по устройству на работу, так и в процессе работы.

В большинстве исследовательских случаев всех обследованных городов, чаще всего, трудовые мигранты вводят дополнительных участников миграционного процесса на этапе совершения действий по устройству на работу. Если посредников для формальных каналов устройства на работу вводит работодатель, то «буферы» в неформальных каналах вводит именно мигрант. Исследователи фиксировали инициативу мигранта по вводу этих участников через фиксацию издержек по оплате труда этих «буферов» (неофициальные организации или частных лиц, как правило, дальний круг общения), способствующих за определенный процент от заработной платы (от 3 % до 10 %, в разных случаях), обеспечить мигранта работой и работодателем, беря на себя труд по договоренности о характере, оплате, времени работы и т.п. При вводе этих неформальных «буферов» не существует официального договора между мигрантом и посредником, а есть лишь устная неформальная договоренность.

Дополнительные участники миграционного процесса, введенные мигрантом во время

работы, ни в одном регионе не были обнаружены. Коммуникация мигрант – работодатель во время работы происходит либо напрямую, либо через прорабов, введенных работодателем.

Вместе с тем, существует сфера в коммуникации мигрант – работодатель, где только мигрант вводит дополнительных участников миграционного процесса – эта сфера отстаивания своих прав при конфликтной ситуации с работодателем. Причем исследователями были проанализированы 16 конфликтных ситуаций в разных регионах России (по всем городам исследования, кроме г. Калининград, где конфликтов не было обнаружено), и ни в одном случае мигранты не обращались к официальным посредникам (например, в полицию). Все зафиксированные конфликтные ситуации были спровоцированы невыплатой заработной платы работникам. В обследованных случаях трудовой мигрант вводит, в качестве дополнительного участника миграционного процесса, *этнические силовые организации*. Обращение в любого рода правовые организации невозможно для мигранта, так как формальные прямые или посреднические каналы, через которые были официально оговорены с работодателем его условия труда, отличаются от неформальных договоренностей, невыполнение которых и повлекло за собой конфликт. Ввод силовых этнических организаций, как дополнительных участников миграционного процесса, инициируется мигрантом, так как именно он несет издержки по оплате их работы в случае удачного для мигранта разрешения конфликта.

Рассматривая двустороннюю коммуникацию между основными участниками миграционного процесса: трудовым мигрантом и работодателем, в ряде случаев, исследователи фиксируют ввод дополнительных участников, представляющих интересы основных участников и не обладающих собственными интересами. Работодатель, для отстаивания своих интересов в поиске рабочей силы, вводит специализированные фирмы по найму иностранных работников, пользуется «посредниками – по случаю», не требующими от него издержек, такими как уже имеющийся работник или другой работодатель. Для отстаивания своих интересов в процессе работы, работодатель в качестве трудового посредника вводит прораба, назначая им одного из мигрантов. Причем «посредники – по случаю» и прорабы не могут рассматриваться исследователями как новые участники процесса, так как в двух случаях (прораба и старого работника), это сами мигранты, а в третьем случае – это работодатель. Кроме того, примеры «посредников – по случаю» являются исключением из общей системы коммуникации мигрант-работодатель, а фигура прораба, в большей степени, относится к организации рабочего процесса в коллективе, а не к исследованиям миграционных процессов. Потому, автор считает, что в двусторонней коммуникации трудовой мигрант – работодатель, последний вводит лишь одного дополнительного участника второго этапа миграционного процесса, фирму по найму иностранных работников. Мигрант, в свою очередь, добавляет к двусторонней коммуникации мигрант-работодатель неофициальные организации или частных лиц (как правило, дальний круг общения), способствующих найму на работу и этнические силовые организации, способствующие разрешению конфликта с работодателем.

Другими словами, дополнительные участники второго этапа миграционного процесса в коммуникации пары мигрант – работодатель используются исключительно для знакомства друг с другом (то есть на начальном этапе общения) и в случае конфликта, на конечном этапе общения. В то время как все основные договоренности по производственному процессу (интересы работодателя) и по оплате, условиям труда и.т.д. (интересы мигранта) происходят в прямой коммуникации работодателя с мигрантом. Причем исследователи фиксировали, что эти договоренности проходят через неформальные каналы коммуникации – личные устные договоренности, а не через заключенные трудовые договора – формальные каналы. Несмотря на частое наличие договоров между мигрантом и работодателем, в которых прописаны условия труда, реальные условия труда и рабочие задачи, как и заработная плата, отличаются в большую сторону от условий, описанных в документах. Фактически, не работодателю ни мигранту не нужны формальные договоренности в коммуникации между собой, они становятся необходимы при конфликтных ситуациях (и тогда официальный документ защищает работодателя), либо при общении с государством (и тогда официальный документ помогает обоим участникам процесса).

Защищает ли работодатель в коммуникации с мигрантом свой интерес – повышение эффективности работы своей компании? Исследовательский ответ на этот вопрос – да, так как

работа на работодателя, даже без повышения зарплаты и должности, является жизненным приоритетом трудового мигранта, именно поэтому он трудится по 12-13 часов в день, с одним выходным, в тех условиях труда, при которых местные жители не согласились работать. Кроме того, в двусторонней коммуникации мигрант – работодатель, последний защищен формальным трудовым договором, при возникновении конфликтных ситуаций, а при отсутствии договора и вовсе формальной недоказуемостью обязательств перед работником. Все отмеченные исследовательским коллективом, конфликтные ситуации, были вызваны неисполнением обязательств работодателя по выплате заработной платы, однако можно себе представить, что конфликт произошел по вине мигранта, который не выполнил свои обязательства перед работодателем, в этом случае работодатель, частично защищен характером оплаты труда (вначале работа, затем ее оплата). Безусловно, работодатель понесет убытки, в приведенном примере, но среди исследованных примеров, такого развития событий не было зафиксировано. Можно сказать, что работодатель успешно защищает свои интересы в коммуникации с мигрантом.

Защищает ли мигрант в коммуникации с работодателем свои интересы: повышение экономического достатка, улучшение условий труда и защиту собственных интересов? Исследовательский ответ на этот вопрос – частично. Так как, с одной стороны, у мигранта отсутствуют рычаги давления на работодателя, с другой стороны, неформальные договоренности, заключенные с работодателем напрямую, редко нарушаются работодателем. Зафиксированные случаи нарушения, скорее можно рассматривать как исключение из общего правила выполнения обязательств. При этом, необходимо отметить, что даже ввод мигрантами силовых этнических организаций, как правило, не приводит к удачному для них разрешению конфликта. Так из 16 конфликтных ситуаций, в 9 привлекались мигрантами дополнительные участники миграционного процесса, однако удачное разрешение было зафиксировано лишь в 2 случаях и то, выплаты были частичными.

Другими словами, система коммуникации между мигрантом и работодателем существует именно потому, что она устраивает обоих участников этих процессов. Так как последние являются защищенными в этой коммуникации, а первые имеют видимость защищенности (неформальные договоренности с работодателем) и нечасто сталкиваются с одним единственным важным для них критерием неудовлетворенности – полной невыплатой заработной платы. Между тем, международные некоммерческие организации, такие как МОТ или BWI, стремятся формализации коммуникации между мигрантами и работодателями, в том числе и в России, однако пока эта коммуникационная система будет устраивать обоих участников процесса, она будет существовать, не смотря на все старания этих организаций.

Напомним, что, мы говорим о государстве, как о глобальной политической институции, обладающей своими функциями и осуществляющими эти функции. Исследователя второго этапа миграционных процессов, будут интересовать внутренние функции государства, в которые входят: экономическая, социальная, финансово-контрольная, культурно-просветительская, идеологическая и политико-охранительная, экологическая. Государство, как политическая институция обязана охранять исполнение этих функций и изменять системы, обеспечивающие их исполнение в зависимости от внешнего или внутреннего влияния. Именно факт увеличивающихся трудовых миграционных потоков, рассматривается исследователями как внешний фактор влияния, а увеличивающееся число иностранных трудовых иммигрантов на территории государства, как внутренний фактор влияния. Другими словами, задачей государства, как участника миграционных процессов является адекватное изменение или дополнение систем обеспечивающих исполнение государством его основных функций, при условии увеличивающихся миграционных протоков. Для выполнения поставленной задачи государство формулирует внутреннюю миграционную политику, представляющую собой систему мер, реализовывающуюся специальными исполнительными институтами, по снижению внутреннего влияния миграционных процессов на основные внутренние функции государства. Для реализации внутренней миграционной политики государство вводит дополнительных участников миграционного процесса, в задачи которых входит отстаивать интересы государства. В качестве дополнительных участников миграционного процесса государство вводит различные государственные институции или институции с государственным участием: УФМС, Комитеты по миграционной политике, Дома национальностей, некоммерческие объединения финансируемые государством и.т.д.

У государства, как у участника второго этапа миграционного процесса, есть несколько отличительных черт от двух других участников. Государство отстаивает свои интересы, принимая решения, формирующие общую канву правил миграционных процессов на его территории в одностороннем порядке. Формируя внутреннюю миграционную политику, государство создает систему правил призванных защитить корректное исполнение внутренних государственных функций для снижения влияния на них возрастающих миграционных потоков. Однако исследования миграционной политики не являются исследованиями миграционного процесса, в то время как исследование миграционных правил, как контекстов жизни мигранта на принимающей территории, может рассматриваться таковым. Для мониторинга миграционной ситуации с целью своевременного реагирования и изменения системы правил, а также для контроля над исполнением правил миграционной политики, государство вынужденно вступает на путь участия в миграционном процессе, как один из основных субъектов коммуникации. Исследователи фиксируют наличие двусторонней коммуникации государства и мигранта, государства и работодателя. При этом, государство, как политический институт, использует введенных им посредников в этой коммуникации. Исследователи, фиксируют ввод посредников государством через фиксацию у последнего издержек по оплате их работы. Эти посредники не имеют собственных интересов, а лишь призваны исполнять интересы заказчика, то есть, являются дополнительными участниками миграционных процессов со стороны государства. Соответственно, государство, как политический институт, не может участвовать в коммуникации с работодателем и мигрантом, напрямую. Эта коммуникация всегда осуществляется через посредников: государственные институты исполнительного характера. Благодаря этим посредникам, государство производит мониторинг миграционных процессов, и контроль над исполнением правил миграционной политики, что позволяет ему достигать своих интересов, то есть нивелировать влияния увеличивающихся миграционных потоков на его территории.

Для целей настоящего текста необходимо рассмотреть двустороннюю коммуникацию между посредниками со стороны государства и мигрантом, а также двустороннюю коммуникацию, между посредниками со стороны государства и работодателем.

Буфером со стороны государства, в коммуникациях с мигрантом, выступает Управление федеральной миграционной службы. Исследование в городах России продемонстрировало, что прямая двухсторонняя коммуникация УФМС и трудового мигранта всегда происходит через формальные каналы коммуникации. Трудовой мигрант, приехав в страну или продлевая временное разрешение на работу и т.п., при условии самостоятельного обращения в УФМС, не несет дополнительных (кроме оговоренных общими формальными правилами) финансовых издержек, а общение с представителями УФМС происходит на формальном уровне и задокументировано. Однако результаты исследования, выявили, что из 186 опрошенных мигрантов напрямую, то есть, не вводя дополнительных участников миграционного процесса, действовали только 34 мигранта.

Остальные 152 опрошенных вводили для коммуникации с УФМС дополнительных участников. Так среди дополнительных участников, привлеченных со стороны трудового мигранта, исследователи зафиксировали: частных лиц, оказывающих поддержку в оформлении документов, юридических лиц, оказывающих поддержку в оформлении документов, а также будущих работодателей, взявших на себя функцию помощи в оформлении документов. Если будущего работодателя исследователи не определяют как дополнительного участника миграционных процессов, то частные и юридические лица являются таковыми. При этом коммуникация мигранта с частными и юридическими лицами, оказывающими помощь в оформлении документов, строится на неформальных каналах, то есть посредствам устной договоренности. При этом формы контактов с представителями УФМС у посредников со стороны мигрантов в исследовании выяснить не представилось возможности. Введение дополнительных участников миграционных процессов, также как и в предыдущих случаях, фиксировалась исследователями через фиксацию издержек у мигранта по оплате их работ. На вопрос, защищены ли интересы мигрантов в рамках двусторонней коммуникации с УФМС, исследовательским ответом будет - нет. Так как у мигрантов, напрямую взаимодействующих с УФМС, нет рычага давления ни на государство, ни на его посредника в лице УФМС. Таким образом, формальную коммуника-

цию мигрантов, можно рассматривать как официально двустороннюю коммуникацию (мигрант сообщает сведенья о себе, государство разрешает или нет работать), но реально, как одностороннюю коммуникацию, в которой объектом является мигрант, а государство субъектом. Меняет ситуацию обращение мигранта к посредникам – дополнительным участникам миграционного процесса. В данном случае, исследователь фиксирует реальную двустороннюю коммуникацию, так как посредники, представляющие интересы мигранта (неизвестными исследователям методами), превращают эту коммуникацию в субъект-субъектную, гарантировав обратившемуся к ним мигранту 100% результат. Однако и в этом случае мигрант не имеет рычагов давления на вводимого им посредника. Видимость влияния существует, так как мигрант лично знает посредника, однако в случае конфликтной ситуации никаких позитивных последствий для мигранта это знакомство не имеет. Процедура ввода посредников в исследовательских примерах во всех городах России такова: мигрант обращается к частному лицу или в специализируемую фирму, передает им свои документы и оплату, и по истечении нескольких дней приходит в УФМС, где его встречает представитель фирмы или само частное лицо и проводит мигранта по всем официальным представителям. Подобная практика изобилует мошенническим организациями, забирающими деньги, а иногда и документы у мигрантов и не оказывающих им, по факту, никаких услуг. Из 38 опрошенных мигрантов, вводивших подобных посредников для общения с государством, у 12 человек есть негативный опыт мошенничества. Остальные участники исследования пользовались услугами работодателя, который также гарантировал 100 % результат.

Другими словами, трудовой мигрант в общении с УФМС не в силах защитить свои интересы как при прямой формальной коммуникации, так и при посреднической неформальной коммуникации, за исключением случаев обращения к работодателю.

В завершении, необходимо привести еще один пример коммуникации между УФМС и мигрантами. В данном случае исследователи фиксировали это общение во время внеплановых выездных проверок УФМС их работодателей. Официально УФМС проверяет работодателя, однако мигрант все равно вовлекается в коммуникацию с государством. В случае верно оформленных документов на работу, коммуникация будет иметь формальный характер, однако в случае отсутствия документов, в коммуникации может появиться посредник – работодатель. В двух исследовательских примерах (в г. Иваново и г. Тольятти) информанты сталкивались с подобной ситуацией. В обоих случаях документы на работу были просрочены, и в обоих случаях работодатель представлял интересы мигрантов.

Исследование показало, что помимо коммуникации с УФМС, трудовые мигранты постоянно вовлекаются в коммуникацию с другим государственным посредником – полицией. Инициатива этой коммуникации происходит со стороны представителей государства. В данном случае исследователи фиксируют формальное и неформальное, однако чаще всего, прямое и субъект-субъектное взаимодействие. Формальному характеру взаимодействия – проверке документов представителем власти, подвергались все 186 опрошенных. 49 из них, вступали также и в неформальное взаимодействие - устная договоренность об уплате штрафа на месте (часто, невзирая на наличие документов). И только один случай был зафиксирован исследователем в Иваново, когда информант, для коммуникации с полицией привлекал частное лицо (представителя узбекской диаспоры).

Коммуникация государства с работодателем, также происходит через государственных посредников. Однако эти посредники не являются новыми участниками отношений государство – работодатель. Для работодателя, участвующего в миграционных процессах, меняются только правила отчетности, перед теми же посредниками, что и раньше. Все общение государства и работодателя, как показывают интервью с работодателями, происходит напрямую по формальным каналам. Однако в исследовании, встречались ситуации и неформального общения работодателя и представителей государства. Случаи, которые были описаны выше, в рамках коммуникации мигрантов с УФМС, подходят к описанию коммуникации работодателя и государства. Автор, имеет в виду, случаи выездной проверки УФМС и оформления работодателем документов в УФМС за трудового мигранта.

Государство, как участник миграционных процессов может дополнительно вводить осо-

бых посредников в коммуникацию с работодателем и мигрантом. Особенный статус посредников отличает их от обычных посредников – представителей исполнительной власти. Эти посредники не являются вовсе представителями власти, а являются некоммерческими организациями, финансово поддерживаемыми государством. В данном случае, автор говорит об исследовательских центрах занимающихся миграционными процессами и разного рода национальных организациях. [21: Лисицын П.П. 2009; Резаев А.В.., Жуковская Ю.О., Саначин А.А. 2011] В этом же тексте уточняется, что выбор государства в качестве посредника национальных организаций в корне неверен, так как эти организации не представляют интересы людей наделенных статусом иммигрант, а представляют интересы узкой совокупности людей объединенных этническим признаком. Что касается исследовательских центров, то их использование в коммуникации с трудовыми мигрантами, должно было бы быть полезно для процесса коммуникации мигрант – государство, однако не используется последним должным образом.

Подводя итого коммуникативной активности главных участников второго этапа миграционных процессов, подчеркнем, что позиция мигранта является самой слабой позицией из трех участников для отстаивания своих интересов, второй по силе позицией является позиция работодателя, государство же и вовсе вольно принимать решения в одностороннем порядке. Однако система коммуникации существует, каждый из действующих лиц, отстаивая свои интересы, в чем-то уступает другому. Эта коммуникационная система существует России благодаря сочетанию формальных и неформальных каналов и пока, по крайней мере, паритету всех участников этого процесса.

Библиографический список

Лисицын П.П. (2017) Границы и содержание миграционного процесса: теоретическое определение и операционализация объектов миграционных исследований. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1: 11–28.

Anderson B. Imagined Communities. Refl ections on the Origin and Spread of Nationalism. 1983). М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

Регент Т. Проблемы миграционной политики России на современном этапе // Экономическая наука современной России. 1998. № 3. С. 96–107.

Булдаков В. П. Россия в поисках себя. М.: РОССПЭН, 2007. 120 с.

Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. 376 с.

Петров В. В. Этнические мигранты в принимающем обществе. Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии. Ч. I. Краснодар: Краснодар, 2005. 237 с.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 235 с.

Павленко В. Н. Психологическая адаптация и реабилитация вынужденных мигрантов: подходы и проблемы. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследования и практической работы / под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. 279 с.

Сарапас В. Л. Проблема социальной адаптации мигрантов к иной этнокультурной среде: автореф. дис. … канд. филос. наук. М., 1993. 27 с.

Стефаненко Т. Г. Адаптация к новой культурной среде // Этнопсихология. М.: Изд-во Аспектпресс, 2003. 334 с.

Радаев В. В., Шкаратан И. О. Социальная стратификация. М.: Аспект-Пресс, 1996. 222 с.

Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М.: Новый Учебник, 2004. 248 с.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начало», 1997. 36 с.

Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России. URL: http://www.hse.ru/lingua/fr/news/1095579.html (дата обращения: 25.05.2018).

Буянов В. П., Кирсанов К. А., Михайлов Д. М. Рискология. Управление рисками. М.: Экзамен, 2006. 384 с.

Корчагин Ю. А. Человеческий капитал как интенсивный социально-экономический фактор развития личности, экономики, общества и государственности. М.: ВШЭ, 2011. 230 с.

Bekker G. Human behavior: economical approach, Человеческое поведение: экономический подход.: избр. тр. по экон. теории / Гэри С. Беккер; пер. с англ.: [Е. В. Батракова и др.]. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 671 с.

Капелюшников Р. И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУВШЭ, 2001. 308 с.

Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов / Социологические исследования.

2002. № 10. С. 102–108.
Юдина Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М.: Дашков и К, 2003. 398 с
Лисицын П.П., Резаев А.В., Жуковская Ю.О., Саначин А.А Междисциплинарный подход к исследованию межэтнической коммуникации, на примере социальной адаптации трудовых мигрантов / Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011

Критерии авторства

Лисицын П.П. провел исследование, оформил научные результаты и несет ответственность за плагиат.

Criteria for Authorship

The author Lisitsyn P. Pavel has conducted research, formalized research results and bears responsibility for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Принадлежность к организации

Лисицын Павел Петрович, доцент, Санкт-Петербургского государственного университета, email: fox_socioology@mail.ru

AUTHORS' INDEX
Affiliations

Lisitsyn P. Pavel, professor, Saint-Petersburg State University, email: fox_socioology@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Электронный научный журнал зарегистрирован 26.12.2017
(Свидетельство Роскомнадзора о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-72033).

Том 3, № 4
2018

SOCIACOM

Сетевое издание

Том 3, № 4 2018

Главный редактор Е.Н. Струк

Редактор Т.И. Кочульская
Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции:
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
E-mail: sociacom@mail.ru
Тел/факс: 8(3952) 405-442

Учредитель и издатель:
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»